

СИБУСАВА ЭЙИТИ

БЕСЕДЫ ДОЖДЛИВЫМИ ВЕЧЕРАМИ

(Амаёгатари)

Автобиография

Крестьянин - самурай - чиновник - предприниматель

Перевод с японского Е.Н. Кручины

2001

БЕСЕДЫ ДОЖДЛИВЫМИ ВЕЧЕРАМИ (1887)

СВИТОК ПЕРВЫЙ

Я давно вам уже обещал рассказать всю историю своей жизни вплоть до сегодняшнего дня. И вот сегодня вечером я начинаю...

Звезды уже отсчитали мне 47 с половиной лет. За это время в мире произошло немало перемен, а вместе с ним менялся и я. Не буду углубляться в исторические детали, иначе на это уйдет очень много времени, а рассказ мой получится скучный, не вызовет у слушателей ничего, кроме зевоты, а, может быть, и вообще их усыпит.

Но все равно мой рассказ будет очень долгим, и мне бы очень хотелось, чтобы слова мои не просто попусту пролетали через уши слушателей, а проникали глубоко в их сердца, чтобы каждый из вас всеми силами стремился извлечь из них пользу для себя, узнавая на примерах из моей жизни, как нужно возвращать в себе душевную чуткость, тренировать выносливость, воспитывать храбрость и твердость духа, научиться сохранять выдержку и быть почтительным к старшим. Именно для этого я и обращаюсь сегодня к вам.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Мои родители и родные места

Чтобы добросовестно поведать историю своей жизни, неизбежно придется обратиться к ее истокам. А говоря об этом, должно перво-наперво, хотя бы в общих чертах, рассказать о своих родителях. Прежде всего, нужно сказать, что дом, в котором я родился, не принадлежал моему отцу, а передавался по наследству в семье моей матушки. Иными словами, отец мой вошел зятем в семью жены. А был он третьим сыном в семье Сибусава Сосукэ¹, который жил в той же деревне. Ему, младшему в семье, пришлось, как тогда говорили, «покинуть дом» и стать приемным сыном.

По натуре отец чем-то напоминал Бэй-гун Ю, о котором написано у Мэн-цзы². К нему точно подходили слова «чего не терпел от одетого в просторную сермягу, того же не выносил и от владельца 10 000 колесниц». Имел отец и одну не очень приятную черту характера: никому из домашних не давал без своего ведома и шагу ступить, постоянно все проверял и перепроверял и в целом, и даже в самых пустячных мелочах.

---

¹ В переводе японские имена собственные даются в соответствии с японскими правилами (сначала фамилия, потом имя). Во избежание искажений японские слова, имена и географические названия не склоняются. Исключение составляют немногие слова, утвердившиеся в русском языке (например, *сёгун*).

² *Бэй-гун Ю* - известный китайский храбрец и разбойник, жил в эпоху Воюющих царств (403-221 гг. до н.э.). В главе второй трактата китайского философа Мэн-цзы говорится: «[Гунсунь Чоу] спросил: «А имеется ли способ [добиться того, чтобы] сохранять невозмутимость духа?» [Мэн-цзы] ответил: «Имеется. Бэй-гун Ю так воспитывал в себе мужество: не уклонялся от [наносимых ему] ударов, не моргал глазами. Считал, что малейшее унижение от кого-либо равносильно публичному наказанию на площади. Чего не терпел от одетого в просторную сермягу, того же не выносил и от владельца 10 000 колесниц. Убийство владельца 10 000 колесниц рассматривал так же, как и убийство простолюдина. Не боялся правителя. На бранное слово непременно отвечал тем же.» Цит. по: Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. I., М. «Мысль», 1972, с. 231-232. Пер. с кит. Л.И. Думана.

Нельзя сказать, что отец прочел много книг, но все же он знал Четверокнижие и Пятикнижие³, обладал тонким вкусом и под настроение мог написать китайское или японское стихотворение. Он всегда помогал нуждавшимся, за что люди платили ему искренней благодарностью и признательностью. Вместе с тем он был человеком жестким и целеустремленным, проповедовал бережливость, экономию, воздержанность, причем сам сымалательства следовал этим принципам как в домашнем хозяйстве, так и в жизни вообще.

Круг детского чтения

Насколько мне помнится, грамоте я начал учиться с шести лет. Сначала отец помогал мне делить тексты на слова⁴, и с его помощью я одолел «Великое учение», «Соблюдение середины» и дошел до начала второй части «Бесед и суждений». А потом, когда мне исполнилось лет 7-8, меня отдали в учение господину Одака Ацутада⁵ - он и сейчас здравствует в Мориока.

Дом Одака находился в 7-8 кварталах от нашего дома, в местечке под названием Тэбака. Одака с юных лет знал и любил литературу, по характеру был человеком спокойным и уравновешенным, так что в нашей глуши считался самым достойным наставником. К тому же он приходился нам родственником - словом, отец однажды вызвал меня к себе и сказал, что впредь мне лучше учиться читать не под его присмотром, а ходить к учителю Одака в Тэбака.

С тех пор я каждое утро приходил к учителю, в течение полутора-двух часов занимался чтением, а потом возвращался домой.

В нынешней школе ученики снова и снова, раз за разом перечитывают текст, пока не выучат его наизусть. Помню, я тоже читал самые разные учебники и книги: «Малое учение»⁶, «Мо-цю»⁷, Четверокнижие и Пятикнижие, «Литературный сборник»⁸, «Цзочжуань»⁹, «Исторические записки»¹⁰, «Историю Хань»¹¹, «18 династийных историй в кратком изложении»¹², «Извлечения из историй династий Юань и Мин», а также «Извлечения из отечественной истории», «Историю

---

3 *Четверокнижие и Пятикнижие* – книги классического китайского канона, в который входят сочинения, излагающие взгляды Конфуция и его последователей. В токугавской Японии их полагалось знать всякому образованному человеку. Четверокнижие состоит из книг «*Луньюй*» («Беседы и суждения»), «*Дасюэ*» («Великое учение»), «*Чжунюнь*» («Соблюдение середины»), а также сочинений философа Мэн-цзы. В «Пятикнижие» входят «*Ицзин*» («Книга перемен»), «*Шуцзин*» («Книга истории»), «*Шицзин*» («Книга песен»), «*Лицзы*» («Книга ритуала»), «*Чуньцю*» («Весны и осени»).

4 Японские и китайские тексты пишутся сплошным потоком знаков, пробелы между словами не приняты.

5 *Одака Ацутада (Сигоро)* (1830-1901) - учитель и родственник Сибусава Эйити. Выходец из крестьян, преподавал деревенским детям чтение и основы исторических знаний. Увлекался идеями философской школы Мито. В 1868 году участвовал в сражении с императорскими войсками у храма Канъэйдзи в Уэно в числе сторонников бывшего сёгунского правительства. Позднее служил на государственных должностях, ведал поощрением развития промышленности в префектуре Сидзуока, работал в существовавшем в 1869-1871 гг. Министерстве по делам народонаселения, служил директором ткацкой фабрики в г. Томиока. В 1877 г. вышел в отставку и стал помогать Сибусава в его предпринимательской деятельности.

6 «*Малое учение*» (кит. «*Сяосюэ*») - азбука китайской грамоты для начального обучения.

7 «*Мо-цю*» (яп. «*Могию*») - книга для детского чтения, составленная в Китае а эпоху Тан (618-907) ученым по имени Ли Хань. Содержит жизнеописания и поучительные истории из жизни знаменитых мудрецов, героев и красавиц китайской древности. Текст пособия написан стихами (по 4 иероглифа в строке), что облегчает запоминание.

8 «*Литературный сборник*» (кит. «*Вэньсюань*», яп. «*Мондзэн*») - антология китайской поэзии, составлена во времена династии Лян (502-557 гг.) известным литератором, принцем Чжао Мин (настоящее имя - Сяо Тун) (501-530). Антология, опубликованная около 530 г., содержит 760 стихотворных произведений 130 авторов и охватывает период почти в тысячу лет - от эпохи Чжоу (XI в. - 256 г. до н.э.) до VI в. н.э. Это самое древнее из сохранившихся собраний китайской поэзии считалось в Японии эпохи Токугава обязательным чтением для отпрысков благородных семейств.

9 «*Цзочжуань*» (яп. «*Садэн*») - один из трех классических комментариев к трактату Конфуция «Весны и осени». Автором его китайская традиция считает ученого Цзоцю Мина.

10 «*Исторические записки*» (кит. «*Шицзи*») – фундаментальный труд «отца китайской историографии» Сыма Цяня (145-86 гг. до. н.э.). Огромная по масштабам хроника китайской истории (130 глав, 526500 иероглифов) служила образцом для работ многих китайских авторов.

11 «*История [Ранней династии] Хань*» (кит. «*Хань шу*») - сочинение китайского историографа Бань Гу (32-92).

Японии», «Историю сёгуната»¹³, «Летопись управления Японией» и другие сочинения второго и третьего из четырех разделов, на которые делилась тогда вся литература.¹⁴

Но Одака учил ребят грамоте по другой, им самим изобретенной методике. Он не заставлял учеников заучивать наизусть незнакомый текст знак за знаком и строчка за строчкой. Вместо этого наставник полагался на сообразительность учеников; они прочитывали множество книг от начала и до конца и сами, в силу природных способностей и прилежания, пытались понять, какой именно смысл несет то или иное высказывание и как именно выполнял свой долг герой того или иного произведения.

Так я упражнялся в чтении около пяти лет, и, наконец, к 11-12 годам некоторые книги стали мне определенно нравиться. Но это не были сочинения классиков или работы по истории и философии; понимание серьезной литературы и интерес к ней ко мне тогда так и не пришли. Более всего мне были по нраву, как тогда говорили, «описания сорняков и истории пустошей», то есть непритязательные рассказы и занимательные исторические повести, такие, как «Общедоступное «Троецарствие»¹⁵, «История восьми псов-самураев из рода Сатоми»¹⁶ или «Повесть о Сянкане»¹⁷. Впрочем, когда я поделился своими сомнениями с Одака, тот сказал, что у меня все идет хорошо, а умение понимать книги начинается с самых простых из них.

- Даже если сейчас ты пробьешься через Четверокнижие с Пятикнижием, то все равно мало что поймешь. Понимание важности и значимости книг приходит позднее, с возрастом и опытом, - заверил меня учитель. - А сейчас читай «Троецарствие», «Восемь псов», в общем, все, что тебе нравится. Будешь усердно читать - найдешь интерес и в «Истории сёгуната», и в «18 династийных историях», и в «Исторических записках» и даже в «Истории Хань». Словом - читай!

Я последовал этому совету и стал читать повести о военных сражениях, исторические романы - все, что попадалось под руку. Скоро я действительно пристрастился к чтению и буквально проглатывал книги. Тому есть немало подтверждений. Как-то в январе, когда мне только что исполнилось 12 лет, я обходил знакомых и родственников с поздравлениями, читая на ходу какую-то книгу, не заметил канавы, свалился в нее и изрядно испачкал парадное кимоно. Помнится, матушка моя тогда очень бранилась...

---

12 «18 династийных историй в кратком изложении» (кит. «Шибя шилюе», яп. «Дзюхассиряку») - китайское историческое сочинение, составленное во времена правления династии Юань (1271-1368) литератором Цзэн Сяньчжи, который переработал 17 династийных историй из «Исторических записок» Сыма Цяня и добавил к ним материалы по истории династии Сун (960-1279). Книга была издана в Японии в 1648 г. и получила широкое распространение.

13 «История сёгуната» (яп. «Нихон гайси»), название также переводится как «Неофициальная история Японии» - историческое сочинение в 22 томах (свитках) японского автора Рай Саньё. В книге, законченной в 1827 г., излагалась история Японии со времен Камакурского сёгуна (XII в.) до начала правления дома Токугава. В сочинении проводилась идея о незаконности власти сёгунов, поэтому оно стало одной из идейных опор антисёгунского движения.

14 В китайской традиции литературные произведения делились на четыре категории (сы ку): произведения конфуцианских классиков, книги историков, сочинения философов и «прочие работы».

15 «История трех царств» - первоначально китайская историческая хроника в 66 томах (свитках), повествовавшая о борьбе между царствами Вэй, Шу и У, которую составил в конце III в. сановник Чэнь Шоу. На основе этой хроники и народных сказаний в конце 20-х годов XIV века китайский писатель Ло Гуаньчжун создал классический исторический роман «Троецарствие». В 1679 году некто Мао Цзуган несколько видоизменил текст эпопеи, уменьшил количество цитируемых в ней стихов и официальных документов и составил комментарии к произведению. Именно в этой «общедоступной» версии книга приобрела широчайшую популярность на Дальнем Востоке и была переведена на многие языки.

16 «История восьми псов-самураев из рода Сатоми» (яп. «Сатоми Хаккэндэн») - занимательная повесть (ёмихон) в 98 томах (свитках), написанная Такидзава Бакин (1767-1848). Печаталась в 1814-1842 г. Главные герои произведения - восемь самураев, каждый из которых является носителем одной из конфуцианских добродетелей.

17 Сянкан (ок. 1143 - ок. 1179) - буддийский монах, ближайший сподвижник императора Госиракава, активный участник событий, связанных с борьбой за власть между родами Тайра и Минамото в XII в. Герой множества преданий и легенд, один из персонажей средневековой японской эпопеи «Повесть о доме Тайра».

«Пора тебе заняться торговлей и крестьянским трудом...»

Итак, лет до 14-15 я только тем и занимался, что целыми днями читал книги, учился фехтовать или писал иероглифы. Но отец, который, как я уже говорил, был всегда крайне озабочен нашими семейными делами, считал, что в этом возрасте ребенок уже должен начинать интересоваться торговлей или сельским трудом, и искренне недоумевал, почему у его сына до сих пор совершенно другие интересы.

- Впредь тебе должно хоть немного времени уделять нашему семейному делу! - наставлял он меня. - А ты всё книжки читаешь! Лучше бы в работе помог! Ты что, собираешься в ученые податься? Понимаешь, о чем в письме написано - и ладно! Уже ведь знаешь грамоту - чего тебе еще? Меня очень настораживает, что ты до сих пор день и ночь только и делаешь, что читаешь. А ведь не будешь уделять внимания торговому делу и крестьянскому труду - и дому нашему никакого прибýtка не будет...

«Крестьянский труд» состоял в том, что мы выращивали зерновые, деревья индиго, а также занимались шелководством - разводили шелковичных червей. Под торговлей имелась в виду продажа индиго, причем не только того, которое мы вырастили сами, но и полученного из сырья, закупленного у других крестьян. Индиго в виде больших шаров мы поставляли в красильни Дзёсю¹⁸, Синсю¹⁹ и в окрестности Титибу²⁰, а потом получали с них по счетам, то есть попросту говоря, торговали в кредит.

В год Быка или шестой год Казэй [1853 г.] мне исполнилось 14 лет. Этот год выдался в Канто²¹ очень засушливым, поэтому почти весь первый урожай индиго погиб. Но, к счастью, второй урожай обещал быть отменным, и отец хотел закупить как можно больше сырья. Поскольку сам он собирался в это время объезжать красильни в Дзёсю и Синсю, то обратился за помощью к своему приемному отцу²²:

- Отец, - сказал он. - Я понимаю, Вы уже в годах, и в работе на Вас полагаться не должно, но... Индиго-то и в этом году закупать надо... Пока меня не будет дома, не возьмете ли на себя эти хлопоты? А Эйдзиро²³, хоть он еще и мал, надобно поупражняться в торговом деле, походить с дедом, посмотреть, как надо торговаться...

Отдав еще несколько распоряжений - кому, как и что нужно делать в его отсутствие, - отец отправился в путь. Я был уверен в том, что я смогу отличить плохое индиго от хорошего, и готовился удивить отца своей сноровкой.

Между тем пришло время начинать закупки. В первый день мы с дедом направились в деревню под названием Ядзима и там в нескольких домах купили большое количество индиго.

Я совершенно точно знал, что лучше всех на свете разбирается в индиго мой отец, и поэтому с удовольствием пошел бы на закупки - но только с ним. А бродить по деревням со старым, можно сказать, выжившим из ума дедом! Мне все время казалось, что люди у нас за спиной просто потешаются над этой парочкой. В конце концов я решил проявить самостоятельность.

- Дедушка, - сказал я, - можно я пойду в Ёкодзэ один?

- Что? - дед очень удивился. - Один? Да ты не справишься!

- Может быть. Но давай я попробую - обойду несколько домов и вернусь.

Итак, я взял у деда немного денег, засунул их в набрюшник и через прорезь под проймой рукавов кимоно накрепко примотал поясом монеты к животу. Попрощавшись с дедом, я пошел сначала в

---

18 Дзёсю - нынешняя префектура Гумма.

19 Синсю, Симанокунэ - провинция, ныне входит в префектуру Нагано.

20 Титибу - город в западной части нынешней префектуры Сайтама, издавна известный своим ткацким производством.

21 Канто - восточная часть центрального японского острова Хонсю.

22 Речь идет о его тесте и приемном отце, а моем деду господине Мори. - Прим. автора.

23 Таково было мое детское имя. - Прим. автора.

деревню Ёкодзэ, а потом в Синно. Обходя дом за домом, я всюду говорил, что пришел покупать индиго. Но поскольку мне в ту пору только-только сделали отроческую прическу «клюв коршуна»²⁴, то люди, само собой, не очень-то с таким покупателем считались. Однако я недаром до этого столько раз сопровождал отца и смотрел, как покупает индиго он. Я много раз слышал и хорошо запомнил те слова, которые он обычно говорил крестьянам - мне они сильно напоминали вопросы лекаря при осмотре больного: «Удобряли? Значит, мало!» «Нет, не пойдет, плохо высушен!» «Рыбной мукой удобряли?» или «Неправильно подрезали, вот нижние листья и засохли!»

Я старался во всем подражать отцу, и скоро люди стали просто поражаться тому, какой удивительно умный ребенок пришел к ним в деревню закупать индиго. Постепенно они стали видеть во мне настоящего делового партнера. Кончилось дело тем, что только в деревне Синно я закупил индиго в 21 доме. За время торгов крестьяне прониклись ко мне большим уважением и на мои замечания вроде «Плохо удобряете!» или «Без рыбной муки ничего у Вас не получится!» уже отвечали: «Истинную правду изволите говорить!» и «Откуда Вы только все это знаете?»

На следующий день я обошел деревни Ёкодзэ и Миядо, а потом за несколько дней сделал закупки в Оцукасима, Утигасима и других окрестных селах. При этом мне приходилось все время отговаривать деда, который порывался сходить со мной, от этой затеи.

В результате в тот год я скупил большую часть урожая индиго в нашей округе, и когда вернулся из поездки отец, то я с гордостью показал ему закупленные листья индиго и заслужил его большую похвалу за труды!..

Короче говоря, мне с 16-17 лет пришлось с головой уйти в работу и помогать отцу, который, как известно, всегда считал крестьянский труд и торговлю главными занятиями в жизни.

Не забыть мне отцовских нравоучений...

Напомню, что отец был человеком исключительно строгих правил. Вот еще одно тому подтверждение. В 1-ом году Ансэй [1854 г.], когда мне было 15 лет, мы как-то с родственником по имени Ясуэмон²⁵ поехали в Эдо. Кроме всего прочего, нам нужно было купить коробку для книг и тушечницу²⁶, ибо те предметы, которыми мы пользовались дома, были весьма грубой работы. Перед отъездом я специально спросил отца, нельзя ли воспользоваться этой поездкой и купить новый письменный прибор.

- Хорошо, купи, - разрешил он.

Приехав в Эдо, мы у одного краснодеревщика, который держал лавку «Кодэмма», купили замечательный набор из двух коробок для книжных свитков, сделанных из дерева павлонии, и прекрасный письменный прибор, тоже павлониевый. Сейчас уж точно не упомяну, но, по-моему, все это обошлось нам всего лишь в 1 рё и 2 бу²⁷.

По возвращении домой все разговоры были только о том, какие замечательные вещи нам удалось купить... Наконец, прибыл наш багаж. Какой же невзрачной теперь казалась наша старая тушечница, сделанная из криптомерии! Она, оказывается, совсем почернела от времени и стала похожа на совок для угля, который стоял у нас на кухне! Новые, тонкой работы павлониевые вещицы разительно от нее отличались в лучшую сторону. Да что там - по сравнению с ней казались просто роскошными!

Однако отец сначала очень удивился нашим покупкам, затем пришел в неопишемую ярость, а потом еще долго охал и ворчал, что такие расточительные люди, как я, совершенно не умеют хранить достаток в доме, что его сын, оказывается, совсем еще несмышленное дитя... Нет, отец

---

24 Прическа «клюв коршуна» представляла собой подбритые на лбу волосы и делалась мальчишкам в возрасте 14-15 лет.

25 Насколько я помню, в первый раз в Эдо я побывал вместе с отцом в марте 1853 года. - Прим. автора.

26 В традиционном японском чернильном приборе тушь хранится в виде брикета. Перед тем, как начать писать, ее нужно растереть с небольшим количеством воды.

27 Рё – золотая или серебряная монета в старой Японии. Один рё равнялся четырем долям (бу).

меня не бил - он вообще не прибегал к грубой силе. Но от тех упреков, которыми он еще несколько дней меня осыпал, хотелось бросить все и убежать куда глаза глядят...

Я часто размышлял о том, почему получал от отца столь строгие взыскания за все свои проступки, вплоть до самых мелких, наподобие того, о котором шла речь выше. Мне почему-то казалось, что отец в таких случаях полагался на уже сложившееся у него мнение обо мне и не особенно вникал в то, что происходило на самом деле. И вряд ли ему было жаль потраченных денег. Скорее всего, он поступил в соответствии с тем, как написано в одной старой книге:

«Когда Чжоу-ван завел себе палочки для еды из слоновой кости, министр его Цзи-цзы был крайне этим встревожен. И рассуждал он так: - Такими палочками не станешь есть из глиняной миски - для них нужна посуда из нефрита и носорожьего рога. Такими палочками и из такой посуды не станешь есть бобы и гороховую ботву - для них нужны изысканные яства. Но ведь изысканные яства не будешь есть в простой сермяге, в лачуге, крытой камышом, - для них нужны наряды из парчи на девяти подкладках, просторные хоромы и высокие башни. Боюсь, что он плохо кончит, - потому и встревожен тем, как он начинает».²⁸

И действительно, издавна известно немало примеров того, что в склонности к роскошеству, как говорится, «исчезают различия между верхами и низами». Если только человек не воздерживается от малейших попыток выйти за отведенные ему пределы и уступает своим, пусть даже самым скромным, желаниям, последствия этой слабости часто бывают для него совершенно непоправимыми.

Вот и покупка изящного письменного прибора и коробок для книг, по мысли отца, в конце концов должна была привести к тому, что я заважничая, мне станут не по нраву и моя комната для занятий, и вообще наш старый дом, и, следовательно, я не смогу уже должным образом сохранять устои нашего крестьянского семейства - а посему такие настроения следовало пресекать в зародыше. Думаю, именно по этой причине он обошелся со мной столь сурово.

Словом, мне представлялось, что я понял истоки отцовской строгости. Сам я в глубине души находил эту строгость чрезмерной и думал, что отец, наверное, меня совсем не любит. Но оказалось, что я глубоко заблуждался...

Преодоление суеверий

Моя старшая сестра была подвержена душевной болезни, что доставляло и мне, и, конечно, родителям, много беспокойства и хлопот. Однажды (было это во 2-ом году Ансэй [1855 г.]) кто-то из наших родственников решил, что болезнь эта порождена проклятием, которое висит над нашим домом, и потому нам нужно обратиться к монахам, чтобы они совершили исцеляющий молебен. Отец с сестрой как раз отправились в местечко Мурота в провинции Кодзукэ²⁹, знаменитое своим огромным водопадом, поэтому было решено воспользоваться их отсутствием и очистить дом от порчи. Для этого пригласили монахов секты Токамико³⁰. С ними прибыли еще трое каких-то других чудодеев, но, как оказалось, и этих людей было мало - им понадобился еще и медиум из числа жителей дома. Эта роль досталась недавно работавшей у нас стряпухе.

Монахи растянули в комнате священную веревку *симэнава*³¹, развесили повсюду бумажные полоски *гохэй*³² и прочие предметы торжественного убранства, а потом завязали кухарке глаза, дали ей в руки такие же бумажные полоски, усадили посреди комнаты и принялись усердно

28 Эта «старая книга» - сочинение китайского мыслителя Хань Фэй-цзы (288-233 до н.э.). Цит. по «Хань Фэй-цзы», из главы XXI, в кн.: «Из книг мудрецов. Проза Древнего Китая». М.: Художественная литература, 1987, с. 227. Пер. с китайского В.Т. Сухорукова.

29 Кодзукэ - провинция, ныне часть префектуры Гумма.

30 Токамико - эзотерическое учение, которое основал около 1841 г. Иноуэ Масаканэ (1790-1849), священник синтоистского святилища Симмэйгу, расположенного вблизи сёгунской столицы Эдо. Масаканэ учил, что верующему нужно, прежде всего, правильно дышать, повторяя слова «Тохо kami эми тамэ» из старинного заклинания, которое произносили при гадании по панцирю черепахи. Поскольку Масаканэ предсказывал также скорое падение самурайского правительства, он был сослан на остров Миякэдзима и там убит. После Реставрации Мэйдзи секта возродилась под названием Тохоками. Ее приверженцы предавались аскезе высоко в горах, надеясь таким образом обрести чудодейственные способности. Считалось также, что верующим может придать сил и здоровья купание в водопадах, в частности, в том же Мурота в провинции Кодзукэ.

молиться. Чудодеи возглашали перед нею разные заклинания, а приверженцы Токамико громко им вторили, читая нараспев тексты из священной книги своего учения... Кухарка, которая поначалу просто молча сидела на полу с завязанными глазами, вдруг вскочила и, не помня себя, начала размахивать полосками *гохэй*, которые она продолжала держать в руках. Тогда монахи сняли с глаз женщины повязку и внезапно пали ниц, словно перед ними предстало сошедшее на землю божество.

- Поведай нам божественное откровение: в чем причина несчастий и горестей, преследующих дом сей? - громко возгласили они. И кухарка важно, со всей серьезностью ответила:

- Дом сей проклят божеством Кондзин³³ и духом какого-то колодца! А еще в доме обитает душа непогребенного умершего. Она тоже напускает на дом порчу.

Услышав это, мать Сосукэ³⁴ обвела всех торжествующим взором:

- Вот, боги - они все видят! Верно - проклятие это! Слышала я от стариков, что когда-то из этого дома ушел человек на богомолье в Исэ³⁵, да и не вернулся. Небось, в дороге-то занемог да и помер. Вот его душа наверняка порчу-то на дом и наводит. Спасибо, боги все нам объяснили! Но что нам делать-то, чтобы снять порчу?

Все снова обратились к вещунье, которая тут же произнесла:

- Надобно построить часовню и отслужить в ней молебен...

Я с самого начала был против того, чтобы звать в дом монахов, но к словам малолетка, конечно, никто не прислушался. В тот день я решил внимательно наблюдать за церемонией с начала и до конца на случай, если произойдет что-то неподобающее.

- А нельзя ли выяснить, когда именно ушел из дому этот человек? - спросил я. - Сколько лет назад это было? Хотя бы примерно? Ведь если мы будем строить часовню или ставить камень на могиле, нам ведь все равно нужно будет это узнать...

Все снова обратились к вещунье.

- О, это было давно, что-то около пятидесяти или шестидесяти лет назад... - наконец, проговорила она. Но я не сдавался:

- А в каком именно году это было? Как назывались эти годы?

Стряпуха надолго замолчала.

- Это случилось около третьего года Тэмпо, - ответила, наконец, она.

По моим подсчетам, третий год Тэмпо [1832 г.] был всего лишь 33 года назад, и я не преминул сообщить об этом монахам:

- Вы слышали: боги, которые должны знать все о душе умершего, похоже, не могут точно назвать даже год его смерти! Да можно ли вообще им верить, если они так ошибаются? Ведь если бы они действительно были всемогущими, то прекрасно знали бы, в каком именно году это произошло! И, в конце концов, можно ли вообще им доверять, если они ошибаются в таких простых вещах? - сыпал я вопросами.

- Вот боги-то тебя и покарают за такие речи! - со злобой перебила меня мать Сосукэ. Однако всем уже стало ясно, что правота на моей стороне, и присутствующие снова, на этот раз с явным неудовольствием, уставились на монахов. Но помрачневшие отшельники уже пробирались к

---

31 *Симэнава* - плетеная из рисовой соломы веревка, огораживающая сакральную территорию в синтоистских храмах.

32 *Гохэй* - принадлежность синтоистского культа: бумажные полоски, вывешиваемые у входа в храм в знак священного очищения.

33 *Кондзин* - в даосском учении о светлом и темном началах - воинственный дух, крайне вредно влияющий на дела, связанные со строительством, переездом, женитьбой и т.п.

34 То есть приемная прабабушка Сибусава Эйити.

35 *Исэ* - провинция, ныне входит в префектуру Миэ. Здесь расположен храм *Исэ дзингу* - главное синтоистское святилище Японии.

выходу, недовольно бурча себе под нос, что все это, наверное, проделки лисы³⁶. «Ну, а раз дело в лисе, то и часовню строить, и молебны возносить - всё это без пользы», - судачили люди. На том и порешили. Но монахи еще долго на меня косились, а на их лицах отчетливо читалась злорада: «Ну что за мерзкий отрок выискался!»

Оскорбленный бранью податного инспектора...

Как уже говорилось, в свои 16-17 лет я все силы отдавал изучению нашего семейного дела. Дело это процветало, тем более, что отец всегда ставил его во главу угла и отдавал ему всего себя без остатка. Мы считались одной из самых богатых семей в нашей деревне, причем мой приемный дед Сосукэ слыл первым богачом в округе, а мой отец Итирозэмон - вторым. Кроме торговли, он немного занимался ростовщичеством, ссужая людей деньгами под залог имущества.

Наша деревня Тиараидзима находилась на землях господина Амбэ, правителя Сэтцу³⁷, не особо знатного феодала, чья усадьба лежала в одном *ри*³⁸ от нас, в местечке Окабэ. Хозяин время от времени требовал с деревень деньги для своих нужд. Поскольку князь он был некрупный, то и поборы эти обычно были невелики, но в отдельных случаях - свадьба дочери, первый визит молодого барина ко двору сёгуна, заупокойная служба по предкам хозяина - денег собиралось гораздо больше, например, 2000 *рё* со владений в Мусаси³⁹, или 500 *рё* с земель в Микава⁴⁰. В нашей деревне каждый дом тоже получал приказ собрать определенную сумму - к примеру, Сосукэ должен был внести 1000 *рё*, а Итирозэмон - 500. Но, надо сказать, что в те времена, когда мне было 16-17 лет, требуемые суммы доходили иногда и до 2000 *рё*.

Как-то раз пришел приказ собрать в нашей деревне 1000-1500 *рё*. Это значило, что Сосукэ должен был дать хозяину «в долг» тысячу монет, а наша семья внести остальную часть суммы. В то время отец был занят и сам не мог сходить в Окабэ к *дайкану* (податному инспектору), поэтому поручил это дело мне как его доверенному лицу. Со мной пошли еще два человека из соседней деревни, которым тоже было приказано сдать деньги. В то время податным инспектором у нас был некто Вакамори. Поговорив с ним, мои спутники - а они, в отличии от меня, были уважаемые люди, главы семейств - согласились уплатить требуемую сумму. Я же сослался на то, что я только посыльный отца, что мне приказано всего лишь уяснить суть требований досточтимого *дайкана* и размер потребной суммы, и до тех пор, пока я не доложу обо всем отцу, я не могу удовлетворить ответом господина податного инспектора.

Тогда инспектор - а он оказался человеком сообразительным, да к тому же из тех, кто на простых людях всегда смотрит свысока - с издевкой спросил:

- А годков-то тебе сколько?

- Семнадцать, с Вашего позволения, - ответил я.

- Ну вот, целых семнадцать! Уже небось, по девкам ходишь? Что тебе какие-то 300 или 500 *рё*? К тому же заплатишь - и самому легче, и людям пример! И чего из-за каких-то 500 *рё* с отцом говорить? Да при Вашем богатстве 500 монет - это тьфу! Так что нечего мотаться туда-сюда и только время терять! Скажи прямо - заплатим! А если отец отказываться вздумает - будет иметь дело со мной, и никакие отговорки ему не помогут! Так приласкаю - сразу согласится! - продолжал наседать *дайкан*. Но я, несмотря ни на что, стоял на своем:

---

36 В традиционном мировоззрении народов Дальнего Востока лиса представляется зловредным, хитрым и лицемерным существом. «... Лиса кружит человеческую голову всевозможными химерами, создающее самое необыкновенное течение событий.. Она окутывает человека злым наваждением, не давая ему жить в своем же доме, и пьет соки его жизни...», - так писал академик В.М. Алексеев. Цит. по: В.М. Алексеев. Предисловие к сборнику «Лисьи чары». В кн.: «Пу Сун-лин. Лисьи чары. Рассказы Ляо Чжяя о чудесах». М., Художественная литература, 1970, с. 11-12.

37 *Сэтцу* - провинция, ныне входит в префектуру Хёго.

38 *Ри* - старинная японская мера расстояний. 1 *ри* = 3,9 км.

39 *Мусаси* – провинция. Занимала обширную территорию вблизи Эдо, которая сейчас поделена между префектурами Сайтама, Канагава и городом Токио.

40 *Микава* - провинция, сейчас - часть префектуры Айти.

- Я уже позволил себе отметить, уважаемый господин инспектор, что отец приказал мне только узнать потребную сумму и сразу же возвращаться домой. Поэтому я очень тронут Вашим вниманием, но здесь и тотчас же не смогу удостоить Вас ответом; только после того, как я выслушаю Ваши распоряжения и, вернувшись домой, во всех подробностях перескажу их отцу, мы сможем Вам ответить должным образом...

- Нет, но каков олух! Чего тут не понимать! - продолжал браниться Вакамори, раз за разом обдавая меня нескрываемым презрением, но я в ответ только снова и снова повторял свои слова...

Всю дорогу из Окабэ домой я размышлял о случившемся. Именно тогда у меня впервые возникло ощущение, что система *бакуфу*⁴¹ не столь хороша, как нам это внушалось.

Мне представлялось вполне естественным, что каждый человек вправе сам всецело распоряжаться своим имуществом, а в связях с другими членами общества должен цениться в меру своих доброжелательности, ума и способностей. Кажется, именно поэтому умные люди и пользуются в обществе всеобщим уважением, а менее способные ценятся ниже. Для любого здравомыслящего человека это просто очевидно.

Но вот глава нашего клана Окабэ вдобавок к ежегодному оброку требует еще денег - неважно, как он их называет: «внеочередные жертвования», «деньги на непредвиденные расходы» или еще как. Да к тому же при этом людей еще и оскорбляют! Как будто это я взял у него деньги и не вернул! По какому праву инспектор со мной так обращается?! Ведь он и по речи, и по манерам никак не похож на человека умного и доброжелательного...

Но откуда берутся чиновники, унижающие других людей? Все они получают свои должности по наследству - так заведено правительством Токугава... И, поразмыслив еще немного, я решил, что во всем виновато плохое правительство.

В итоге моих раздумий я пришел к выводу, что если и дальше буду оставаться крестьянином, как сейчас, то эти безмозглые ничтожества и впредь будут меня ни во что не ставить и постоянно унижать. И самое обидное, что ничего с ними поделать нельзя!

И тогда я решил во что бы то ни стало уйти из крестьян! Отчетливо помню, что эта идея (что и говорить, на первый взгляд - довольно сумасбродная) родилась у меня именно по дороге из управы домой, а потом я ее еще долго обмозговывал и сам с собой обсуждал, но ничего более дельного придумать тогда так и не смог: мысль моя дала лишь небольшой росток - и не более того...

Вернувшись домой, я во всех подробностях передал отцу, как меня обругал инспектор, но отец в ответ только сказал, что деньги придется отдать и напомнил мне старинную поговорку: «Не унять - плачущего ребенка и хозяйского управляющего». Помню, мы уже на следующий день внесли эту злосчастную сумму, но с той поры идея порвать с крестьянской жизнью прочно засела в моей голове...

Я ПОКИДАЮ РОДНЫЕ МЕСТА. В ЛЮДЯХ.

«Порывам душевным не остановить грозные тучи...»

Между тем Япония была взбудоражена: в год Малой Воды периода Кайэй [1853 г.] американский коммодор Перри⁴² с эскадрой из четырех кораблей подошел к Симода на полуострове Идзу и потребовал от правительства *бакуфу* заключить японо-американский договор о дружбе и

---

41 *Бакуфу* - букв. «Полевая ставка» - военное правительство сёгуната.

42 *Перри, Мэтью* (1794-1858) - коммодор военно-морского флота США. Возглавил эскадру из 12 кораблей, на которой в 1853 г. прибыл в залив Урага вблизи сёгунской столицы Эдо и от имени американского правительства потребовал открыть Японию для внешней торговли. Во время повторного захода в Японию вынудил правительство *бакуфу* подписать японо-американский договор о мире и дружбе, открывший для американских кораблей японские порты Хакодате и Симода.

торговле. Можно себе представить, какая паника поднялась в правительстве, если Абэ, правитель Исэ, тогдашний глава совета старейшин при сёгуне, и его министры оказались не в силах справиться с этой проблемой и обратились за помощью (безрезультатно, впрочем) к Нариаки из Мито, который ранее решением того же *бакуфу* был принудительно отправлен «на покой»⁴³.

Вскоре и в императорском дворце в Киото, и в самурайских кланах закипели страсти. Что лучше: пойти на замирение или «изгнать варваров»? И - совсем как при сегодняшней «демократии» - там и сям стали собираться люди, которые высказывали свое мнение на этот счет и постоянно спорили друг с другом:

- Нет, неправильно поступает правитель Исэ!⁴⁴
- Что же он ответит Перри?
- Да что бы ни ответил - войны не миновать!
- Нет, правительство сейчас слишком слабо и воевать не сможет...
- Так что же, выходит, Абэ придется открыть порты?
- Но если порты откроют, начнут торговать, то что на это скажут в Киото? Его Величество никогда не даст на это своего высочайшего согласия!..

А я, как уже говорилось, все больше и больше укреплялся в мысли, что оставаться в такие тревожные времена обыкновенным крестьянином - это непростительная глупость. Пытаясь найти подтверждение своим идеям, я опять обратился к прочитанным в детстве книгам и, как писал в своих «Записках у платанового окна» Ота Киндзё⁴⁵, «все герои седой древности снова стали моими близкими друзьями». Я много размышлял о судьбах героев «Истории сёгуната», «Восемнадцати псов-самураев» и других книг. Ведь в самом деле: Ханьский Гао-цзу из болот Пэйсянь поднялся до императорского трона, стал владетелем четырехсот земель Поднебесной⁴⁶.

---

43 Токугава Нариаки, *Нариаки из Мито* (1800-1860) - глава клана Мито, принадлежавшего к одной из ветвей дома Токугава. Отец последнего сёгуна династии Токугава, Ёсинобу (Кэйки). Резкий по характеру, независимый Нариаки пытался проводить в своем клане экономические реформы, поддерживал философскую школу Мито, которая во главу угла ставила почитание императорской фамилии в противовес сёгунской. В 1844 году Нариаки был лишен своих постов и отправлен «на покой» (а фактически - под домашний арест), поскольку выступил против решения *бакуфу*, запрещающего дальнейшее укрепление вооруженных формирований в кланах. В условиях кризиса, вызванного появлением у японских берегов американской эскадры под командованием коммодора Перри, снова был призван к сёгунскому двору, стал советником военного правительства, но вскоре опять не преминул выразить свое недовольство его политикой, в частности, тем, что тогдашний глава *бакуфу* Ии Наосукэ подписал японо-американский договор без санкции императора, и снова был отправлен под домашний арест. В 1860 году самураи его клана организовали покушение на Ии Наосукэ и расправились с ним. Вскоре после этого Нариаки заболел и умер.

44 Имеется в виду Абэ Масахиро (1819-1857) – самурай клана Фукуяма из провинции Бинго (ныне входит в префектуру Хиросима), член совета старейшин при правительстве сёгуната, позднее – глава этого совета. В 1854 году подписал японо-американский договор о мире и дружбе.

45 Ота Киндзё (1765-1825) - японский ученый-конфуцианец эпохи Эдо. Трактат «Записки у платанового окна» (в шести свитках) вышел в 1841 г. и был посвящен вопросам морали, этики и культуры.

46 Гао-цзу - настоящее имя Лю Бан (247-195 гг. до н.э.) - выходец из крестьян уезда Пэйсянь китайской провинции Цзянсу, один из руководителей восстания, завершившегося захватом столицы и основанием в 202 г. до н.э. новой династии Хань. Лю Бан провозгласил себя императором, приняв титул Гао-цзу.

Тоётоми Хидэёси⁴⁷ был простым крестьянином в земле Овари⁴⁸, Токугава Иэясу⁴⁹ - незнатным *даймё*⁵⁰ в провинции Микава...

Такие мысли не покидали меня года три, до 19-20 лет. Все это время я провел за повседневными хлопотами, помогая отцу, который по-прежнему больше всего на свете был озабочен нашим семейным делом и все так же продолжал считать, что от чтения книг нет никакой пользы.

Работал он, как всегда, истово, отдавая делу все силы. Впрочем, я тоже был весьма занят: мне приходилось четыре раза в год объезжать наших поставщиков в Кодзукэ, Синано⁵¹ и Титибу.

Втянувшись в эту работу, я скоро убедился в том, что торговое дело, пусть даже и самое мелкое, тоже имеет свои маленькие хитрости и может быть весьма интересным занятием. И хотя я по-прежнему считал, что сейчас глупо оставаться крестьянином или торговцем, но вместе с тем у меня проявилась и какая-то тяга к нашему семейному делу - мне хотелось, чтобы оно процветало, чтобы мы делали самое лучшее индиго, которое не уступало бы знаменитым краскам из Ава⁵².

Я искал всякие способы поощрить производителей этого продукта. Так, однажды, скупив урожай у большого числа крестьян из соседних деревень, я пригласил их всех к нам в гости, составил список приглашенных (который по виду очень напоминал программку соревнований по борьбе сумо⁵³) и рассадил их за столом в зависимости от качества произведенного ими продукта: на самых почетных местах во главе стола сидели те, кто вырастил самое лучшее индиго. Поблагодарив всех за труды, я призвал крестьян сделать все для того, чтобы в будущем году качество выращенного ими индиго стало еще выше...

Пока я таким образом отдавал все силы нашему семейному делу, ситуация в стране продолжала обостряться и запутываться. Насколько можно было судить, Его Величество твердо выступал против присутствия в Японии иноземцев, хотя и не предпринимал против них никаких действий. На «изгнании варваров» настаивали также Нариаки из Мито и кланы Сацума и Тёсю⁵⁴. Сёгунское же правительство по-прежнему в нерешительности колебалось, что делало столкновение между

---

47 *Тоётоми Хидэёси* (1536-1598) – знаменитый японский полководец и государственный деятель. Выходец из крестьян. Рано проявив выдающиеся способности, стал одним из ближайших помощников военачальника Ода Нобунага в его войнах за объединение Японии. После гибели Ода (1582) сосредоточил в своих руках фактическую власть в стране, однако при этом формально оставался лишь канцлером (*кампаку*). Осуществил несколько походов против местных феодальных кланов с целью дальнейшего укрепления и централизации государства. В 1588 году издал указ об изъятии оружия (мечей, луков, ружей и прочего) у крестьян, позднее провел перепись земельных угодий и запретил крестьянам уходить с земли. В 1592-1598 годах возглавил военный поход в Корею, который закончился поражением японской армии.

48 *Овари* – провинция, занимавшая территории современных префектур Айти и Тоттори и части территории префектуры Нагано.

49 *Токугава Иэясу* (1543-1616) – военачальник и крупнейший политический деятель, один из объединителей Японии и сподвижник Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, которые в последней трети XVI века положили начало созданию в Японии централизованного государства. После смерти Хидэёси (1598) возглавил коалицию феодалов, разбил в битве при Сэкигахара (1600 г.) своих противников, которые группировались вокруг Тоётоми Хидэёри, сына Хидэёси. С 1603 года, когда под давлением Иэясу император присвоил ему титул сёгуна, фактически обладал всей полнотой государственной власти. В 1605 году Иэясу формально передал бразды правления сыну Хидэётада, заложив тем самым основу сёгунской династии Токугава, однако до самой своей смерти оставался реальным правителем Японии.

50 *Даймё* (букв. «Большое имя») - крупный японский феодал, феодальный князь. В эпоху правления сёгунов Токугава *даймё* назывались непосредственно подчиненные военному правительству феодалы, чьи земельные владения приносили более 10 тысяч *коку* риса в год.

51 *Синано* – провинция, ныне префектура Нагано.

52 Окрестности города Ава, расположенного в среднем течении реки Ёсиногава в нынешней префектуре Токусима, издавна славятся в Японии искусством окраски тканей.

53 *Сумо* - традиционная японская борьба. Цель борца - вытолкнуть противника из круга, в котором происходит поединок, или заставить его первым коснуться земли любой частью тела, кроме стопы. Программы и календари соревнований *сумо* выглядят как густая сеть иероглифов, причем имена фаворитов пишутся очень крупными, а более слабых борцов - мелкими знаками.

54 Южные княжества Сацума (ныне часть префектуры Кагосима) и Тёсю (входит в префектуру Ямагути) выдвинули многих лидеров антисёгунского движения, а коалиция Сацума и Тёсю сыграла решающую роль в свержении *бакуфу*.

противоборствующими сторонами практически неизбежным. Об этом мне говорили многие: и ныне здравствующий Накаи Хироси⁵⁵ из клана Сацума, и Такаяя Исаму⁵⁶ из клана Тёсю, который, как я слышал, умер несколько лет тому назад, а также Хирота Сэйити и Тода Рокуро из Уцуномия - они потом погибли в сражении при Ямадзаки⁵⁷.

Эти самураи покинули свои кланы для того, чтобы посвятить себя изучению изящной словесности, однако за декламацией стихов и толкованием старинных трактатов они не забывали обсуждать и дела современные. И чем больше я слушал рассказы этих бывалых людей, тем отчетливее понимал, что сёгунское правительство *бакуфу* уже совершенно одряхлело.

Я еду учиться в Эдо

У моего бывшего учителя Одака Ацутада был младший брат по имени Тёситиро, который был старше меня на два года. Тёситиро был крепкий, рослый юноша, который изрядно фехтовал на мечах, надеялся стать в этом деле настоящим мастером, и потому уехал учиться ратному делу в Эдо. Иногда он заезжал в наши края со своими эдосскими товарищами по школе, и, слушая их разговоры, мы тоже, как говорится, «скорбели и тревожились о судьбах Отчизны». В глубине души я уже давно для себя решил, что ни за что не останусь крестьянствовать в своей родной деревне, и теперь, когда мне исполнилось 22 года [в 1861 г.], понял, что настало время действовать.

Я знал, что Тёситиро учится у известного мастера Кайхо Сёносукэ⁵⁸ в его частной школе, которая находится в переулке Нэрибэ в эдосском районе Ситая - и там же берет уроки фехтования. И решил, что мне тоже нужно попытаться счастья в Эдо.

Однако когда я впервые заговорил об этом с отцом, то он снова принялся меня укорять:

- Неужели ты хочешь бросить торговлю, хочешь ради чтения каких-то сочинений пренебречь семейным делом? До тех пор, пока ты будешь одержим подобными идеями, не будет моей душе покоя! - повторял он. Я же отвечал, что не собираюсь долго оставаться в Эдо, а думаю всего лишь воспользоваться передышкой перед началом весенней страды и прочитать несколько книг...

Словом, я продолжал настаивать на своем, и отец, в конце концов, дал согласие на поездку.

В Эдо я решил тоже записаться в школу Кайхо и позаниматься там пару месяцев. Руководствовался я при этом все тем же соображением, что впервые пришло мне на ум в семнадцать лет, а теперь значительно окрепло: сейчас не время крестьянствовать! «Ведь в мире

---

55 *Накаи Хироси* (1838-1894) - самурай клана Сацума. Еще во времена сёгуната стажировался в Англии. После Реставрации Мэйдзи отвечал в новом правительстве за сношения с иностранными государствами, побывал в США, а в 1874 году был назначен послом Японии в Англии. В 1884 г. стал членом Палаты советников парламента Японии, в 1891 - губернатором Токио.

56 *Такаяя Исаму* (1826-1884) - выходец из клана Хаги, в 1857 г. ушел в Эдо, где примкнул к самураям клана Мито. В 1860 г. участвовал в покушении на главу сёгунского правительства Ии Наосукэ, закончившееся убийством последнего. Такаяя был арестован, но после допроса отпущен на свободу. В 1862 г. в составе группы самураев клана Мито расправился с Андо Нобумаса, видным деятелем сёгунского правительства, который выступал за сотрудничество с императорским двором. Был арестован, находился под домашним арестом, но после очередных разъяснений и разбирательств снова оказался на свободе, которой воспользовался для пропаганды идей «почитания императора» среди самураев разных кланов.

57 *Хирота Сэйити* (1840-1864) - выходец из клана Уцуномия. Учился у известного ученого-конфуцианца Охаси, позднее стал проповедовать идеи «почитания императора». Уйдя из своего клана в 1863 г., примкнул к самураям Тёсю, вместе с которыми в 1864 г. участвовал в штурме императорского дворца (командовал одним из отрядов нападавших). После поражения войск Тёсю покончил с собой. *Ямадзаки* - местность на границе нынешних префектур Киото и Осака, где в 1864 г., после неудачной попытки взять императорский дворец скрывались остатки войск клана Тёсю.

58 *Кайхо Сёносукэ (Гёсон)* (1798-1866) - ученый-конфуцианец и мастер боевых искусств. В 1839 г. опубликовал сочинение «*Сюэки косэнхо*» («Древние способы гадания по Книге Перемен с комментариями»), сразу сделавшее его знаменитым. Считался среди современников большим знатоком древних прозаических и стихотворных сочинений, гадальных трактатов, философских сочинений китайских авторов.

столько незаурядных людей, столько патриотов! - думал я. - Как же с ними не встретиться, не переговорить?! Да и вообще нужно повидать свет...»

Может быть, сейчас Вам представляется, что у меня был тогда какой-то тщательно разработанный план, но вернее будет сказать, что на самом деле я был просто опьянен открывавшимися предо мной перспективами...

На третий день после поступления в школу Кайхо учитель велел мне прочесть наизусть отрывок из «Мэн-цзы». Но едва я начал говорить, как меня прервал дружный хохот учеников. Я запнулся, густо покраснел и покрылся холодным потом. Помню, за этим последовал выговор от учителя за нарушение школьного распорядка. Но все это меня не особенно волновало, потому что я приехал в Эдо не для того, чтобы просто читать книги или совершенствоваться в фехтовании. Я, прежде всего, хотел завязать дружбу с «нашими» людьми - людьми талантливыми, одаренными, своими единомышленниками, которым были бы небезразличны судьбы Отечества. Короче говоря, я воображал себя чуть ли не Юи Сёсэцу⁵⁹ накануне восстания.

Между тем ситуация в стране все осложнялась, происходили разные события - ну, да о них много написано в книгах по новой истории Японии, поэтому сегодня я об этих событиях рассказывать не буду.

В общем, до 5-го лунного месяца [1861 г.] я вместе с остальными слушателями посещал школу Кайхо, а также усердно занимался фехтованием в школе Тиба, которая находилась в районе Отамагаикэ. И, как уже говорилось, надеялся среди этих ценителей меча и кисти⁶⁰ найти достойных людей и выбрать среди них тех, с кем не стыдно подружиться и на кого можно положиться в будущем, когда придет урочный час...

На разведку в Киото

Когда помыслы человека сосредоточены на чем-то одном, все остальное кажется ему далеким и пустячным. Вот и я уже в душе считал себя «человеком долга», патриотом до мозга костей, все мои мысли возносились к самым высоким материям, и дома мне уже было не до крестьянских или торговых дел. Отец это понял и перестал молчать: я получал один выговор за другим. Но мне тогда было 22-23 года, я уже успел кое-что повидать в этом мире, был знаком с учеными молодыми людьми, обсуждал с ними дела государственные - так что отец уже не мог меня отчитывать как несмышленного дитя, и требовать, чтобы я прекратил заниматься «этой ерундой»...

Да, с одной стороны, я, конечно, доставлял ему много хлопот. Впрочем, родители всегда беспокоятся за своих детей; наверное, тревога - это самое сильное из родительских чувств. Но за отцовской тревогой, как я сейчас понимаю, проглядывала и гордость за то, что его сын на равных общается с наезжающими к нам образованными юношами... С другой стороны, он хорошо понимал, что при моих тогдашних настроениях я просто мог в один прекрасный день уйти из дома и попасть в какую-нибудь скверную историю - вот это-то и беспокоило его больше всего... Думаю, что больше всего тревог и волнений выпало на долю отца в тот год, когда мне исполнилось 22 года - тогда, помню, я весну провел в Эдо, а зимой стал собираться в Киото... Сейчас я понимаю, что был очень беспечным сыном, и не могу не раскаиваться в этом.

В 15-ый день 1-го лунного месяца второго года Бункю [1862 г.], когда мне было 23 года, у ворот Сакасита сёгунского замка в Эдо группа самураев во главе Коно Кэндзо напала на старшего государственного советника Андо Нобумаса⁶¹. Как один из соучастников, был арестован Охаси

---

59 Юи Сёсэцу (1605-1651) – известный японский теоретик военного дела. Родился в деревне Юи в провинции Суруга (ныне префектура Сидзуока). Открыл в Эдо частную «Школу военных наук», занятия которой посещало в общей сложности 5 тысяч человек. В 1651 году был обвинен в заговоре против токугавского правительства и покончил жизнь самоубийством.

60 То есть боевых искусств и каллиграфии.

61 Андо Нобумаса (1819-1871) после убийства Ии Наосукэ в 1860 г. вошел в сёгунское правительство, с 1861 года отвечал за сношения с иностранными государствами. Пытался проводить политику, направленную на постепенное открытие страны и примирение императорского двора с бакуфу. В результате покушения на его жизнь, которое было организовано самураями из Мито, Андо был ранен и ушел с поста советника.

Тоцуан⁶². Подозрение в соучастии пало и на моего двоюродного брата Одака Тёситиро, который как раз в это время приехал погостить в родные места. Я сам слышал, будто был отдан приказ разыскать его в деревне и арестовать. Но Тёситиро, ничего не подозревая о нависшей над ним угрозе, как раз в этот день отправился из деревни обратно в Эдо. В сильной тревоге я кинулся из дома за ним вдогонку несмотря на то, что было уже десять часов вечера. Нагнать брата мне удалось только в четырех *ри* от нашей деревни, на постоялом дворе Кумагая.

- Тёситиро, - задыхаясь, начал я, - ты еще ничего не знаешь... Арестованы все, кто был у ворот Сакасита, и даже Кодзима Кёсукэ, которого там вообще не было... Сейчас очень опасно оставаться здесь, в деревне. Но и в Эдо ехать - это полное безрассудство. Ты ведь наверняка под подозрением. Это верная смерть! Мне кажется, нужно как можно быстрее уйти по тракту Синано в Киото и там схорониться, - убеждал я Тёситиро. В конце концов он со мной согласился и немедленно выехал в Киото...

Была и еще одна причина, по которой я столь страстно убеждал брата отправиться в Киото: мне очень хотелось выяснить, как обстоят дела в столице. Я, конечно, не знал всех подробностей, но краем уха слышал, что недавно в Киото основана школа Гакусюин, что сейчас ее возглавляет Сандзё⁶³, Министр-хранитель печати, что в столицу из разных кланов стягиваются самураи, что там много говорят о положении в стране... И хотя сам я не видел этих людей и не разговаривал с ними, но все же даже мне было понятно, что Киото постепенно становится центром движения за «изгнание варваров», в котором собираются и обсуждают государственные дела патриоты из самых разных самурайских кланов.

Короче говоря, уехав в Киото, Тёситиро мог не только скрыться с глаз *бакуфу*, но и разведать обстановку в столице.

Я замышляю бунт

В тот год, когда мне исполнилось 24, а именно весной третьего года Бункю [1863 г.], я снова уехал в Эдо продолжать учебу в школах Кайхо и Тиба, и так ездил туда-сюда почти четыре месяца кряду. И за это время в моей голове созрел план вооруженного мятежа... Почему мятежа?

«Да потому, - думал я, - что правительство колеблется в нерешительности, несмотря на императорский указ, который требует полностью и окончательно изгнать варваров и закрыть порты!⁶⁴ А не подчиняться императорскому указу, действовать вопреки китайскому речению «покарать варваров, наказать царства Шу и Чу»⁶⁵ - это значит пренебречь священным долгом «великого полководца, покорителя варваров».⁶⁶

К тому же если оставить в нынешнем виде заключенные неравноправные договоры о торговле, то уже одно это покроеет страну нашу несмываемым позором! Ведь из договоров этих ясно следует, что западные варвары с презрением относятся к Земле Богов - Японии и наша родина,

---

62 *Охаси Тоцуан, Охаси Масаёри* (1816-1862) - ученый-конфуцианец, сын известного в Японии теоретика военного искусства Симидзу Акасири. Пошел в приемные сыновья к богатому эдосскому торговцу Охаси Танга. Основал собственную частную «Школу искренних мыслей», в которой резко выступал против иностранного присутствия в Японии. В 1857 году изложил свои мысли в сочинении «Несколько слов в разоблачение ереси», которое сразу стало очень популярным. Участвовал в подготовке покушения на Андо, был арестован и вскоре умер - по официальной версии, «в результате болезни».

63 *Сандзё Санэтоми* (1837-1891) – дворянин, политический деятель. Активный участник движения под лозунгом «почитания императора». Был главным проводником антикугавской политики при императорском дворе и потому примыкал к клану Тёсю, одному из самых радикальных противников *бакуфу*. Когда летом 1863 года Тёсю были вытеснены из Киото войсками других кланов, Сандзё вместе с шестью своими сподвижниками бежал вместе с ними. После реставрации Мэйдзи – член нового правительства, Министр финансов, некоторое время занимал должность главы кабинета министров.

64 Под давлением самурайских кланов Сацума и Тёсю император издал эдикт, в котором потребовал от военного правительства изгнать иностранцев из страны.

65 Цитата из «Книги песен» («*Шицзин*») - одной из книг конфуцианского канона. Шу и Чу - царства в Древнем Китае.

66 Полный титул сёгуна - «*Сэйи тайсёгун*» - «Великий полководец, покоритель варваров». - Прим пер.

чего доброго, может вообще сдаться на милость неприятеля!.. И стоило ли вообще идти на замирение? Не лучше ли было до того сойтись в бою и на поле брани решить кто сильнее? Да, на их стороне - броненосцы и огромные пушки, но зато в нас - дух воинов Ямато⁶⁷, у нас в руках острые клинки из закаленной японской стали, и мы, засучив рукава, стали бы рубить всех этих супостатов без разбору - рубить, рубить, рубить!»

Вот какие сумасбродные идеи и варварские мысли бродили тогда в моей голове! Конечно, сегодня они не могут вызвать ничего, кроме снисходительной усмешки, но тогда... Тогда я был буквально одержим идеей изгнать варваров из нашей страны. Я также пришел к выводу, что *бакуфу* не в силах справиться с этой задачей и действительно находится на грани полного краха.

«Продажность уже проникла во все поры правительственного аппарата, умом пренебрегают, мудрость игнорируют, - размышлял я. - Мир наш перевернулся вверх дном! Воинский дух пребывает в упадке, моральные ценности почти утеряны. И до тех пор, пока мы сами не поднимем восстание, которое потрясет всю страну и избавит правительство ото зла, Япония не сможет обрести былую мощь! Да, мы всего лишь простые крестьяне, но ведь прежде всего мы - японцы, и потому не можем оставаться в стороне и считать, что нас это не касается. Да, сами мы мало что сможем сделать, но в наших силах положить жизни наши на алтарь Отечества и кровью проложить путь к восстанию! - так я считал, и, как уже говорилось, сам и задумал поднять это самое восстание. - Хватит уже нападать на маленькие группы, как это было в Намамуги⁶⁸ - выплатят, как тогда, компенсацию, да и дело с концом! Нет, нужно поднять действительно грандиозное восстание, с которым правительство ничего сделать не сможет!»

Долго и тщательно обдумывал я свой план. Понятно, что его нужно было держать в тайне, но я, в конце концов, поделился им с Одака Ацутада и Сибусава Кисаку⁶⁹. Втроем мы и выработали стратегию восстания.

Она была крайне проста: ворваться в Иокогама, поджечь город, а затем рубить всякого иноземца, который только попадется нам на глаза. Но, прежде чем напасть на Иокогама, мы хотели поднять гарнизон, который находился в замке Такасаки, и уже при его поддержке выйти к Иокогама по Камакурской дороге, минуя Эдо: считалось, что расквартированные там войска различных кланов («слабые, конечно!») все же могли нам воспрепятствовать. И многократно, вполне серьезно мы обсуждали детали продвижения по Камакурской дороге и ход всего восстания... Да, если бы эта задумка тогда удалась - головы наши слетели бы с плеч еще 24 года тому назад! Но, повторяю, тогда мы рассуждали вполне серьезно и рассматривали разные варианты, входя во все подробности предстоящей операции. И, кстати сказать, прекрасно понимали, что наши шансы на успех ничтожны, а поражение равнозначно гибели...

Поскольку ни ружей, ни пушек у нас не было, то мы решили идти на штурм, вооружившись только пиками и мечами - и с ранней весны начали закупать их в Эдо: мне удалось приобрести 40-50 клинков, Ацутада - 60-70. Кроме мечей, мы также закупили кожаные кольчуги для учебных боев, которые узорами своих плетений напоминали панцири черепах, фонари и другое необходимое для штурма снаряжение. Деньги на все это - наверное, 150-160 *рё* - я тайком от отца взял из средств, предназначенных для закупки индиго. Да, еще мы решили, что каждый из нас будет держать в одной руке бамбуковое копьё, а в другой - фонарь на длинном шесте...

---

67 *Ямато* - древнее название Японии. - Прим. пер

68 Этот инцидент произошел в августе 1862 года. Англичанин Чарльз Ричардсон и его спутники в ходе верховой прогулки у деревни Намамуги близ Иокогама пересекли предполагаемый маршрут следования Симадзу Хисамицу, отца главы клана Сацума, и подверглись нападению самураев клана. Ричардсон был убит, два его спутника ранены. В качестве компенсации пострадавшим сёгунское правительство выплатило Англии огромную по тем временам сумму, эквивалентную 100 тысячам фунтов стерлингов, а клан Сацума должен был заплатить 25 тысяч фунтов, но отказался это сделать. В ответ на следующий год эскадра английских кораблей обстреляла ставку клана Сацума - г. Кагосима, после чего руководство клана стало явно противостоять *бакуфу* и взяло курс на сближение с Англией.

69 *Сибусава Кисаку* (1838-1912) - двоюродный брат Сибусава Эйити. Вместе с ним поступил на службу к князю Хитоцубаси и продвигался по служебной лестнице сёгуната. После передачи власти императору участвовал в боях с войсками нового правительства, в частности, вместе с другими сторонниками сёгуната ушел в Хакодате на о. Хоккайдо, где продолжал вооруженное сопротивление новым властям. Был осужден, после пяти лет тюремного заключения вышел на свободу. В дальнейшем помогал Сибусава Эйити в организации многих промышленных и коммерческих предприятий.

Словом, все вместе мы должны были выглядеть в точности так, как в старину - ватага разбойников.

Во главе отрядов кроме меня, братьев Ацутада и Кисаку, решено было поставить четырех наших товарищей по школе фехтования Тиба: Санада Хонносукэ, Сато Цугисукэ, Такэути Рэнтаро, Ёкогава Ютаро, в также Накамура Сампэй, слушателя школы Кайхо. Общее число бойцов, которых мы набрели из числа наших родственников и знакомых, составило 69 человек. Все эти люди в строжайшей тайне вели разнообразные приготовления ко внезапной ночной атаке на замок Такасаки - именно в этом заключалась наша тактическая задумка. Причем мы первым делом хотели поджечь замок, а для этого, естественно, нужна была ясная погода - тогда огонь распространяется быстрее. И потому по примеру полководца Цжугэ Цзы Мина⁷⁰, который часто связывал свои надежды с буйными ветрами, мы решили перенести выступление на зиму, а именно на 23 день 11-го лунного месяца третьего года Бункю. Это был день зимнего солнцестояния⁷¹, который всегда считался счастливым днем, когда к людям начинает возвращаться солнечный свет и надежды на лучшее. А, кроме того, он напоминал мне о старинном изречении «Ян проникает в металл и камень, дух человеческий сметает все преграды»⁷².

Походя прощаюсь с отцом...

Наше решение о восстании было принято еще летом, и чем ближе становился назначенный день, тем чаще я задумывался о том, что рано или поздно мне придется поставить о нем в известность отца. Скоро подходящий случай для этого представился: 13-го числа 9-го лунного месяца в наших местах отмечали праздник любования луной - *цукими*. Я пригласил к нам на вечер Ацутада и Кисаку. Отец тоже был дома. Говорили о том о сём, пока я не подвел беседу к тому, что ждет меня в жизни. На самом деле я просто хотел попросить отца отпустить меня из дома, но не мог сказать об этом прямо, поэтому и здесь пришлось начать издали: я завел разговор о нашем житье-бытье, о том, что страну ждут большие перемены, о том, что в наши смутные времена даже крестьяне уже не могут просто так продолжать свою мирную жизнь и должны думать о будущем, должны готовиться к тому, что ждет их впереди...

Но отец очень скоро прервал мои рассуждения:

- Не должно людям нашего круга вести разговоры на темы, выходящие за наше разумение, - по обыкновению жестко произнес он. - Родился крестьянином - так делай то, что тебе на роду написано. Обсуждать просчеты бакуфу, ругать сановников и *даймё* за безделье - этого я тебе не могу запретить. В конце концов, ты уже достаточно набрался ума для того, чтобы самому решать, что хорошо и что плохо. Суди, как хочешь - никто тебе слова поперек не скажет. Чем-то недоволен - ладно! Осуждаешь нынешние нравы - пожалуйста! Но я как твой отец запрещаю тебе уходить из крестьян. Одумайся!

- Отец, - отвечал я ему, - я должен с Вами согласиться хотя бы потому, что Вы старше. Но не Вы ли сами недавно сетовали, что страна оказалась в бедственном положении - и говорили об этом, может быть, с большей горечью, чем говорю я. Военные власти терпят унижения от варваров, все погрязло в мздоимстве... Что дальше будет со страной? А когда под угрозой само существование нашей Японии - могу ли я оставаться в стороне и твердить: «Нет, я простой крестьянин, меня это совершенно не касается»?!. Если бы мы не знали ничего о том, что происходит - тогда другое дело. Но мы-то знаем! И как японцы не можем сохранять спокойствие и безмятежность! В такие трудные времена нет разницы, кто ты - крестьянин, торговец или самурай... Отец, мне кажется, что Вы не должны думать только о судьбе одного семейства, судьбе Сибусава из деревни Тиараидзима. А еще меньше нужно беспокоиться о том, что я решил уйти из крестьян... Вы верно говорите, что каждый должен заниматься своим делом. Но,

---

⁷⁰ Цжугэ Цзы Мин, Цжугэ Лян - легендарный полководец китайской древности, один из главных героев эпопеи «Троецарствие».

⁷¹ 21 декабря 1863 г.

⁷² Цитата из произведения китайского философа Чжу Си; *ян* - светлое, положительное начало.

согласитесь, есть большая разница между тем, что нужно делать в обычные времена и тем, что требуется в обстоятельствах чрезвычайных...

Естественно, при такой разнице во мнениях и речи не могло быть о согласии, но мы продолжали спорить всю ночь, призывая себе на помощь цитаты из «Бесед и суждений» и «Мэн-цзы». Не то, чтобы я спорил с отцом ради самого спора, на повышенных тонах - нет, я полностью владел собой.

За долгими прениями прошла ночь, за окном забрезжил рассвет. И тут мой отец с видом человека, принявшего важное решение, внезапно обратился ко мне с такими словами:

- Смотри, уже светает... Да, видно, делать нечего... Итак, решено: Вы теперь - не мой сын! Считайте, что Вы победили. Что я понял из нашего разговора - это то, что сейчас времена действительно сложные... Не знаю, что ждет Вас - гибель или слава. Но я и знать ничего не хочу, я как был крестьянином, который растит рис, так им и останусь. Пусть правительство бездарно, пусть чиновники творят беззакония - мне это все равно, я как подчинялся им, так и буду подчиняться. Вы этого делать не хотите - ну что ж, воля Ваша. Поэтому с сегодняшнего дня можете считать себя совершенно свободным. Вы, надеюсь, понимаете, что это значит: теперь между нами нет ничего общего, и не надо приходить ко мне за советами. Мы теперь не отец и сын - пути наши расходятся...

Так ранним утром 14-го числа 9-го лунного месяца [1863 г.] я получил свободу от всех обязательств перед нашей семьей.

Помню, я тогда предупредил отца, что решил целиком посвятить себя делам общественным, и потому уже не смогу, как прежде, совершенствоваться в нашем семейном деле или торговать индиго - словом, не смогу исполнять свой долг наследника дома. Поэтому я попросил отца от меня отказаться и взять на мое место приемного сына.

- Нет, - сказал мне на это отец. - Если я сейчас так внезапно от Вас откажусь, то людям это может показаться подозрительным. Лучше Вам просто уйти из дома, а я потом всем расскажу, что от Вас отказался... Да, это будет правильно: ведь тогда даже если Вы погибнете, то на семье нашей это никак не скажется. Да и если Вас арестуют, нам это тоже никак не повредит⁷³... Отныне я не вправе Вас судить и вообще вмешиваться в Ваши дела. Но прошу Вас пообещать, что Вы будете вести себя осмотрительно... Впрочем, если о Вас останется память как о человеке, который был тверд в своих убеждениях и не нарушал данного слова, то какая разница, живы Вы ли умерли, счастливы или нет. Большого я и желать не могу, - заключил отец.

Мне кажется, что и сейчас я слышу голос отца и, как и тогда, я с трудом сдерживаю слезы...

Потом отец стал расспрашивать меня о том, что я собираюсь делать в Эдо. И я вынужден был отмалчиваться, ибо, скажи я тогда хоть слово о наших тайных планах, он, несомненно, приложил бы все силы для того, чтобы нас остановить. Поэтому я перевел разговор на другую тему, а в глубине души просто попрощался на этом со своими родителями.

С другой стороны, я испытал огромное облегчение от того, что отец разрешил мне уйти из дома. Для успеха предприятия, которое было намечено на 11-ый лунный месяц, предстояло еще сделать так много дел, набрать столько людей... Словом, в тот же день, 14-го числа 9-го месяца, я отправился в Эдо и еще целый месяц набирал людей в наш отряд. Домой я вернулся лишь в конце десятой луны.

Двум смертям не бывать, а одной - не миновать...

Между тем урочный день все приближался, и наша подготовка к восстанию вступила в завершающую стадию. Мы определили, кто и где возьмет оружие в день выступления (до урочного часа копья, мечи и другое оружие были попрятаны по амбарам). Мы распределили обязанности, решили, кто, с кем и куда движется, кто за что отвечает и т.п. Оставалось только

---

⁷³ По законам токугавской Японии отец, официально отказавшийся от сына, не нес больше за его деяния никакой ответственности.

произвести детальный осмотр территории, прилегающей к замку Такасаки, но это дело я взял на себя.

Да, надо сказать, что перед своим отъездом 14-го числа в Эдо я решил открыться во всем Тёситиро, который все еще находился в Киото, и написал ему весьма подробное письмо с изложением нашего плана, а также попросил его набрать в столице побольше верных людей и прибыть с ними в Канто. Конечно, было бы крайне опрометчиво поручать такое тайное послание обычному курьеру; к тому же дело было очень спешное, поэтому я попросил передать письмо моего старого друга Такэдзава Итигоро.

25-го или 26-го числа 11-го месяца Тёситиро вернулся из Киото. Мы забросали его вопросами о положении дел в столице и поделились подробностями плана восстания. К большому нашему удивлению, Тёситиро резко высказался против этого плана. Вспыхнул спор.

Глядя на события из сегодняшнего дня, нужно честно признать, что он был абсолютно прав, а наша идея поднять восстание была совершенно сумасбродной. На самом деле Тёситиро просто-напросто спас тогда наши жизни. Но тогда все мы думали совершенно иначе...

Вечером 29-го числа на втором этаже дома Ацутада в Тэбака собрались пять человек: Тёситиро, я, Кисаку, Накамура Сампэй и хозяин дома. Я хотел в последний раз все обсудить и принять окончательное решение. Разговор начал Тёситиро:

- По-моему, весь ваш план - это одна огромная ошибка. Ну что сегодня может сделать толпа из семидесяти-ста человек? Да ничего! Ну пусть даже вы, действуя по этому вашему плану, захватите замок Такасаки - дальше-то что? Двигаться на Иокогама? Да об этом и думать забудьте! Ясно как божий день, что части *бакуфу* и верных ему кланов тут же вас сметут. Совершенно безмозглая это затея! Ну, объявят ваше выступление еще одним крестьянским бунтом - и что? Для того, чтобы суметь выйти к Иокогама и разбить иностранцев, надо было бы хоть людей по-толковому обучать. А что у вас? Да, войска *бакуфу* и кланов сейчас совсем слабы, это очевидно. Но их же много! И, поверьте, отнюдь не за вами будет победа!

Я попытался возразить, но Тёситиро меня остановил.

- Вот недавно, - продолжал он, - *ронины*⁷⁴ из Тоцугава (а среди них были Фудзимото и Мацумото - воины умелые и думающие) атаковали управу в Ямато Годзё. И что? Только инспектора *бакуфу* порешили, но больше-то ничего не добились! Войска клана Уэмура их тут же окружили и... А ведь воинов-то этих тоже с сотню было, а во главе стоял дворянин, знаменитый Накамура Тадамицу. Конечно, и Фудзимото Тэссэки, и Мацумото Эйтаро (Кэндзабуро) бились насмерть, но остальные-то бросились врассыпную, едва узнали, что Император не собирается вести войска на Канто им на подмогу, а семь главных противников *бакуфу* во главе с Сандзё Санэтоми бежали в Тёсю⁷⁵... А вы... Если добьетесь хотя бы того, что сделали воины из Тоцугава - честь вам и слава! Я не говорю, что выступление ваше не послужит делу укрепления духа подлинных воинов, но согласитесь, что толк от него будет попросту ничтожен! И ради такого пустяка губить десятки человеческих жизней? Неужели вам их не жаль? А мне - жаль, и потому я - против вашего плана.

- Хорошо, - отвечал я, - вот Вы сравниваете нас с *ронинами* из Тоцугава. Но ведь мы просто не успели собрать большие силы. Да если б мы ждали, пока окрепнем, так никогда бы не дождались того дня, когда будем готовы на великие дела! Тогда мы бы все время отставали от других, и мечтам нашим - поднять восстание - не суждено было сбыться никогда! Вот мы и решили пойти по стопам Чэнь Шэна и У Гуана⁷⁶ и подать пример всем патриотам Японии!

⁷⁴ *Ронин* - самурай, потерявший своего хозяина.

⁷⁵ Так называемый инцидент *Тоцудзава* или *Годзё* произошел летом 1863 года в окрестностях Нара и стал первым в серии вооруженных выступлений против *бакуфу*. *Фудзимото Тэссэки* (1816-1863) - самурай клана Окаяма. Ушел из клана в Киото, где примкнул к участникам антисёгунского движения. Много путешествовал по территориям различных кланов, пропагандируя идеи «почитания императора». По возвращению в Киото преподавал конфуцианские науки и военное дело в частной школе в киотосском пригороде Фусими. Один из организатором мятежа в Тоцудзава. Погиб в бою с частями, верными *бакуфу*.

⁷⁶ *Чэнь Шэн* и *У Гуан* - вожди крестьянского восстания, вспыхнувшего в Китае в 209 г. до н.э. Восстание было подавлено, но послужило первым звеном в цепи событий, которые привели к воцарению Гао-цзу, основателя новой династии Хань.

Сегодня именно мы должны нанести первый удар! И пусть нас ждет поражение - все равно, узнав об этом выступлении, повсюду поднимутся наши единомышленники, которые обязательно одолеют *бакуфу*! Да, мы хотим принести себя в жертву. Но вспомните Гао-цзу, который низверг Цзин, основал Хань и усмирил Поднебесную. При нем ведь тоже лились реки крови. И если сегодня ценою нашей жизни мы откроем путь к падению *бакуфу* - мы свой долг выполнили! А все время твердить «если» да «пока» - так это будешь всю жизнь ждать ареста и, чего доброго, вообще кончишь ее в тюрьме *бакуфу*. Нет, мы твердо решили умереть, а прочее оставляем на волю Неба!

Я делал все для того, чтобы убедить Тёситиро в нашей правоте, но он не сдавался:

- Говори, что хочешь, но я предупреждаю, что не буду сидеть сложа руки и ждать, пока вы поднимите восстание, а вас самих объявят взбунтовавшимися крестьянами и казнят, как обыкновенных смутьянов!

Так мы проспорили всю ночь напролет и, в конце концов, у Тёситиро вырвалось:

- Нет, я вас все равно остановлю, пусть даже для этого мне придется тебя убить!

- Ах, так! - взорвался я. - Ну тогда мы обязательно выступим, даже если для этого мне придется убить тебя!

То есть мы уже обезумели до того, что готовы были порешить друг друга, а Тёситиро все стоял на своем и отказывался признать нашу правоту.

Тут я, к счастью, взял себя в руки, решил спокойно все обдумать и, по трезвому размышлению пришел к выводу, что в словах Тёситиро определенно что-то есть.

«С этим безумным планом у нас действительно немного шансов на успех, - размышлял я. - Мало того, при всех словах о том, что мы твердо решили умереть за правое дело, нашу попытку действительно объявят очередным крестьянским бунтом, зачинщики которого, с очевидностью, будут брошены в застенки *бакуфу* и там исчезнут без следа, словно утренняя роса на плахе палача... Приходится признать, что план наш не только с самого начала обречен на неудачу, но и вообще в людских глазах кажется каким-то детским безрассудством. Никакие патриоты в урочный день за нами не выступят, и помрем мы все собачьей смертью! Да, Тёситиро прав: такое выступление требует более тщательной подготовки...»

Я понял, что нам действительно надо остановиться, а раз так, то нужно прежде всего как можно быстрее распустить людей по домам. Я выдал рядовым бойцам нашего отряда немного денег и приказал всем разойтись.

Сами мы теперь тоже должны были очень и очень крепко задуматься о своей безопасности, ибо *бакуфу* разослало по всему Канто своих дознавателей (сегодня их называли бы следователями), и если бы до их ушей дошел хотя бы малейший слух о нашей затее, то все подозреваемые тотчас были бы арестованы... А дознаватели уже появлялись в нашей округе, когда был арестован Охаси Тоцуан - так что они вполне могли арестовать и нас. Но тогда мы были настроены очень решительно и были бы только рады возможности убить пять-шесть человек из лагеря противника. А сейчас... Сейчас нельзя было терять ни минуты - опасность нам грозила совершенно явная. Поэтому мы с Кисаку решили уйти в Киото, а среди родственников и знакомых распустить слух, что отправляемся на богомолье в Исэ, а заодно хотим повидать красоты столицы...

Итак, мы вышли из нашей деревни в 8-ой день 11-го месяца, через 4-5 дней были уже в Эдо, а оттуда 14-го числа вышли в Киото...

Так я ушел из родного дома в Тиараидзима, или, другими словами, из крестьянина стал чем-то вроде *ронина* или бродячего студента.

Далее в моем рассказе пойдет речь о том, какие трудности и лишения претерпел я прежде, чем смог попасть на службу в дом Хитоцубаси⁷⁷, но моя служба у Хитоцубаси началась уже на

---

⁷⁷ *Хитоцубаси* - одна из боковых ветвей дома Токугава. Токугава Ёсинобу (1837-1913), сын Нариаки из Мито, был усыновлен Хитоцубаси, и именно как глава этого дома стал пятнадцатым сёгуном династии Токугава. В конце 1867 года Токугава Ёсинобу передал всю полноту власти императору, и система сёгуната прекратила свое

следующем отрезке моей жизни, после того, как я успел побывать *ронином*, и потому я расскажу Вам об этом в другой раз, а на сегодня свой рассказ завершаю.

Конец первого свитка «Бесед дождливыми вечерами»

Свиток второй

Я продолжаю рассказ о своей жизни, начатый прошлым вечером.

Самка шелкопряда за свою жизнь претерпевает четыре превращения: сначала на свет из яйца появляется гусеница, потом она превращается в куколку, та - в бабочку, и, наконец, бабочка откладывает яйца. Вот так и я за 25 лет своей жизни испытал четыре превращения⁷⁸. Пока я, фигурально выражаясь, рассказал Вам только о появлении из яйца гусеницы. Эта гусеница, прожив долгую жизнь, стала сначала куколкой, а потом бабочкой, чтобы через все эти изменения вернуться к началу жизненного цикла. Но об этом - в следующих наших беседах.

Итак, сегодня речь пойдет о втором периоде моей жизни.

Мне, рожденному крестьянином, надлежало всю жизнь трудиться на земле. Но я осмелился возмутиться своеволием чиновников *бакуфу* и, размышляя о ситуации в стране, пришел к выводу, что в нынешнем своем состоянии военное правительство долго у власти удержаться не сможет, а если, паче чаяния, и выживет, то просто вынуждено будет измениться. И я, обыкновенный крестьянин, решил - пусть даже ценою своей жизни - сделать первый шаг на пути к свержению прежнего правительства, полагая, что без справедливого и просвещенного правления Японию, несомненно, ждет полный крах.

«Можно ли в нынешние опасные времена стоять в стороне, говорить, что это, мол, нас не касается, что не нам судить о государственных делах? - размышлял я. - Нет, нужно сделать все для того, чтобы спасти страну и вывести ее из мрака!»

Я решаю навсегда уйти из дома

«Да, но как это сделать? - продолжал я свои размышления. - Пойти окольной дорогой, то есть поступить на службу к нашему мудрому господину, выслуживаться, ловчить и в результате стать младшим либо даже старшим советником, ведающим государственными делами? Слишком долгий и заурядный путь, да мне он и заказан - ведь в токугавском правительстве все должности наследуются».

Увы, тогда судьба человека действительно определялась исключительно его рождением: каким бы умом, какими бы талантами не обладал низкий по рождению человек, он на законном основании никогда не мог занять ни одну высокую правительственную должность. Впрочем, и при назначении на любые другие должности действовали те же правила, так что какие бы способности не имел крестьянин, сколько бы он не усердствовал, все равно его не подпустили бы даже к делам управления своим уездом, не говоря уже о всей стране.

Итак, пока о людях судили только по их знатности, карьера чиновника была для меня закрыта. Нужно было идти другим путем, путем оппозиции.

Размышляя дальше, я пришел к выводу, что у меня нет иного выбора, кроме как поднять вооруженное восстание и вызвать в стране большие беспорядки.

«Начнутся волнения - падет *бакуфу* и в стране поднимется смута. Поднимется смута - тогда непременно проявят себя подлинными героями и настоящими патриотами. Так что посеять смуту - это самый верный способ найти тех, кто наведет в стране порядок», - думал я.

Именно поэтому мы с друзьями решили обязательно поднять вооруженное восстание, пусть даже для этого нам придется отдать свои жизни. И для того, чтобы вспыхнуло это восстание (а если называть вещи своими именами, то - крестьянский бунт), мы решили прежде всего

существование.

⁷⁸ По-видимому, эти 25 лет нужно отсчитывать с момента ухода Сибусава из родной деревни.

выступить против одного *даймё*, а затем с помощью примкнувших к нам соратников стереть с лица земли Июкогама.

«Естественно, иностранцы не смогут оставить этих действий безнаказанными, - думали мы, - и их войска обрушатся на Японию. *Бакуфу* с ними ничего поделаться не сможет, но начнутся полномасштабные военные действия, в результате которых и проявят себя истинные герои и подлинные храбрецы, которые, в конце концов, свергнут правительство Токугава, после чего настанет черед новых людей, которые возьмут власть в стране в свои руки».

Таков был, в общих чертах, наш план.

Как я уже говорил вам в прошлый вечер, это выступление было намечено на конец 11-го месяца 3-го года Бункю [1863 г.] - мне было тогда 24 года. Однако незадолго до назначенного срока в наши места приехал из Киото Одака Тёситиро, который рассказал о том, что случилось в Ямата Годзё, и потребовал отказаться от разработанного нами плана. Я сперва резко ему возражал, но потом все спокойно обдумал и пришел к выводу, что самым правильным будет именно отказ от выступления. Тёситиро был прав: мы могли иметь и имели самые чистые помыслы, но нам просто не дали бы сообщить о них стране. Мало того, что наши шансы на успех были ничтожно малы; нас просто объявили бы взбунтовавшимися крестьянами, схватили и заживо сварили в котле, как обыкновенных бандитов...

Итак, внимательно все взвесив, мы решили отказаться от своего плана. Но легко сказать - «отказаться». А что делать потом? Мы ведь искренне хотели покинуть родные места для того, чтобы положить жизни свои на алтарь Отечества. А теперь что же, весь век прозябать в этой Тиараидзима? Сидеть в бездействии, ничего не свершив на благо родной страны?

К тому же до деревни начали доходить неясные слухи о том, что нами заинтересовались дознаватели *бакуфу*, которые рыскали по всему району Канто. А и в древней, и в новой истории есть немало примеров тому, что пока заговорщики в глубокой тайне замышляют свое выступление, окружающие об этом ничего не подозревают, но стоит только им отказаться от своих планов, как слухи о них мало-помалу начинают просачиваться наружу и, в конечном итоге, дело вдруг получает совершенно нежелательную огласку.

Так что нам с любой точки зрения было крайне опасно сидеть, сложа руки, в своей деревне, и не оставалось ничего иного, как отправиться в бега. Да, бежать. Но куда? Мы много об этом говорили, и в конце концов решили, что лучше всего нам уйти в Киото, так сказать, под сень императорского трона. Мы знали, что в то время Киото был наводнен самураями из самых разных кланов. Сюда стекались все, в ком была хоть капля патриотизма, все, кто помышлял о высоком служении и высокой цели.

Итак, я и мой двоюродный брат Кисаку 2-го или 3-го числа 11-го месяца приняли окончательное решение уйти в Киото. Одака Ацутада решил остаться дома, поскольку был старше нас на 10 лет, к тому времени уже потерял отца и как глава семьи нес множество обязанностей. Перед уходом мы долго сидели и говорили обо всем сразу, пытаясь угадать, что ждет нас в будущем. Я попросил Ацутада помогать моей семье.

Остался дома и Тёситиро, который только что вернулся из Киото и не видел смысла в том, чтобы снова туда отправляться. Большой мастер фехтования, он решил пока давать уроки мастерства и ждать подходящего случая для приезда в старую столицу.

Итак, 8-го числа 11-го месяца мы с Кисаку вышли из нашей деревни, 13-го провели в Эдо, где готовились к дальнему переходу, и, наконец, 14-го вышли из города. Насколько я помню, первая ночевка была у нас на постоялом дворе в Ходогая, который стоял на тракте Токайдо⁷⁹.

---

⁷⁹ *Токайдо* - главный тракт токугавской Японии, связывал Эдо с Киото.

ЖИЗНЬ РОНИНА

На пути в Киото

Какого рода приготовления делали мы перед выходом в Киото?

В то время на службе в доме Хитоцубаси находился человек по имени Хираока Энсиро⁸⁰. Среди чиновников он слыл человеком независимым, с характером, любил побеседовать с молодежью, поспорить. Мы с Кисаку частенько заходили к Хираока за советами и в конце концов весьма с ним сблизились.

Как-то в одном из разговоров с нами Хираока заметил:

- Значит, вы, ребята, из крестьян? Но вот поговоришь с вами - и ясно видно, что вы чисты помыслами и действительно готовы отдать все силы служению отчизне нашей... Да, жаль, что вы крестьяне - ну, да ничего не поделаешь... А, впрочем, мне почему-то кажется, что это не помешает вам пойти на службу в дом Хитоцубаси - если захотите, конечно. Соберетесь - я бы мог и словечко замолвить...

Тогда мы были всецело во власти нашего плана, о котором уже шла речь, поэтому я не придавал словам Хираока большого значения. Теперь же этот разговор снова всплыл в моей памяти, и я подумал, что дружба с Хираока дает нам благоприятный шанс. Дело в том, что тогда крестьянам строго возбранялось ношение оружия, а, находясь на службе в доме Хитоцубаси, мы могли бы не только носить самурайские мечи или ходить с пиками, но и собирать вокруг себя множество людей, не вызывая ничьих подозрений.

Вот почему перед выходом в Киото мы решили действительно поступить на службу в дом Хитоцубаси. Самого Хираока в это время в Эдо не было; еще в 9-ом лунном месяце он вместе с главой клана Хитоцубаси Ёсинобу отправился в Киото. На хозяйстве оставалась супруга Хираока, которой мы и изложили суть дела:

- Отправляясь в дальнюю дорогу в Киото, мы, с Вашего позволения, хотели бы стать вассалами Вашего досточтимого дома, на что уже получили согласие Вашего уважаемого супруга, и теперь просили бы только выдать нам письменные тому свидетельства.

- Да, - отвечала на это жена Хираока, - точно, хозяин говорил, что если в его отсутствие придут двое молодых людей и будут проситься на службу, то им нужно выдать эти разрешения...

Такие бумаги были для нас все равно, что охранные грамоты; теперь можно было быть уверенным в том, что в пути нас никто не задержит: ведь мы следовали в Киото не как какие-то безродные и потому подозрительные *ронины*, а как подчиненные господина Хираока Энсиро, а кому могло бы прийти в голову просто так задержать двух человек из дома Хитоцубаси!

Действительно, мы безо всяких происшествий прибыли в Киото - помнится, было это 25-го числа 11-го лунного месяца. Шли мы обычным порядком, особенно не поспешая, как, впрочем, и не отвлекаясь на осмотр достопримечательностей или прогулки в горах. Нас ждала столица, где собралось великое множество смелых и решительных сторонников Императора. События, происходящие в Киото, привлекали пристальное внимание всей страны, и нам не терпелось принять в них участие.

Сразу по прибытии мы отправились к Хираока Энсиро, а потом переговорили еще с некоторыми знакомыми, которые прежде нас пришли на службу в дом Хитоцубаси. Впрочем, поначалу мы вовсе и не собирались оставаться у Хитоцубаси, а просто хотели понять, что к чему в старой столице, и потому встречались и разговаривали со многими самураями из самых разных домов.

---

⁸⁰ Хираока Энсиро (1832-1864) – государственный и политический деятель, правая рука будущего последнего сёгуна Токугава Ёсинобу. Убит самураями из клана Мито у моста Хорикава в Киото.

“Человек долга” - сторонник Императора

Я уже говорил, что при подготовке к восстанию мне пришлось тайно взять у отца деньги, на которые мы закупили оружие и амуницию. Всего на это было потрачено что-то около 150-160 рё. Потом я открылся отцу, попросил у него прощения и получил его (ибо деньги эти я потратил отнюдь не на собственные развлечения). Но деньги ушли безвозвратно, и отец был вынужден списать их как непредвиденные домашние расходы.

Узнав, что я собираюсь в Киото, отец позвал меня к себе и сказал:

- Не знаю, вернетесь ли Вы когда-нибудь к нам домой или нет. Человек не ведает, в чем и когда будет испытывать нужду, сколько денег ему понадобится. Но знайте: даже если Вы ушли из дома, мои деньги - это Ваши деньги, и до тех пор, пока Вы не станете тратить их на дела неподобающие, я буду высылать Вам столько, сколько нужно... - Он говорил совершенно искренне и без тени сожаления.

- Отец, - отвечал я ему, - мне всего-то нужно денег на дорогу да на еду. Я знаю, что Вы ведь опять будете отрывать их от дома. К тому же я вообще хочу понять, сколько денег мне нужно на жизнь и смогу ли я сам себя прокормить... В любом случае, мне много не надо, но если Вы сейчас найдете для меня 100 рё...

- Хорошо, хорошо, - быстро сказал отец и, насколько я помню, тут же отсчитал мне 100 монет...

В то время я каждую минуту готовился к смерти и, может быть, поэтому начал вести в Эдо жизнь, полностью противоречившую моим прежним привычкам: зачастил в «веселый квартал» Ёсивара, стал тратить деньги на разные безделицы... Словом, довольно быстро я спустил в городе 24 или 25 рё... С оставшимися деньгами мы с Кисаку кое-как добрались до Киото, но и здесь мои траты почему-то не уменьшились, ибо я встречался с Рай Матадзи⁸¹, посещал частную школу Миябара, разговаривал с самураями из разных кланов, наносил визиты известным патриотам и сторонникам Императора, словом, имел обширный круг общения. Иными словами, почти месяц после приезда в Киото я вел крайне интересную и полную впечатлений жизнь, но все эти события не имели никакого отношения к моей главной цели - поиску путей свержения бакуфу. Я долго бродил по городу, но ничего существенного так и не узнал. До меня доходили только самые обычные пересуды: что Император настаивает на выдворении из страны иноземцев, а бакуфу скрывает от страны высочайшую волю и покрывает варваров; что кланы Сацума и Тёсю никак не могут договориться между собой; что войска Тёсю отстранены от охраны ворот Сакаимати Гомон⁸², а даймё клана Аидзу назначен Генерал-губернатором Киото... Все повторяли друг за другом эти слухи, но делать ничего не делали, не смея даже голову поднять, не то, что идти в бой.

Год заканчивался, развлечения постепенно нам наскучили, и мы с Кисаку стали раздумывать о том, не предпринять ли нам какое-нибудь путешествие.

В конце концов мы решили совершить паломничество в Исэ, которое в то время среди сторонников Императора считалось едва ли ни гражданским долгом. Мы тоже поклонились этой святыне, а затем посетили знаменитые древние храмы Нара, побывали в Осака и в середине 12-го месяца, в самую стылую зиму, возвратились в Киото.

Никаких удобных средств передвижения вроде нынешних паровозов или рикш тогда, конечно, не было и в помине, но мы были молоды, сильны духом, и для нас посещение Исэ и других достопримечательных мест казалось захватывающе интересным.

Итак, новый [1864] год мы встречали в Киото.

В столице мы часто бывали у Хираока Энсиро, которого постоянно засыпали вопросами: каковы отношения между господином Хитоцубаси и императорским двором? Как он относится к тому или

---

⁸¹ Рай Матадзи - второй сын Рай Санъё, автора уже упоминавшейся книги «История сёгуната» («Нихон гайси»), в которой в завуалированной форме критиковалось сёгунское правление.

⁸² Сакаимати Гомон - южные ворота императорского дворца в Киото. В это время в Киото находились части самых разных самурайских кланов. В июле 1863 г. войска Тёсю попытались взять штурмом дворец, но были выбиты из столицы соединениями Аидзу и других кланов.

иному клану? Собирается ли правительство выполнять императорский указ о закрытии портов и изгнании из страны иноземцев? Мы продолжали пытаться Хираока визитами и вопросами, когда вдруг случилось нечто совершенно непредвиденное: в начале 2-го лунного месяца 1-го года Гэндзи (1864) мы получили из Эдо, от Одака Тёситиро, письмо с самыми тревожными известиями.

Однако прежде, чем рассказывать об этих тревожных вестях, мне бы хотелось сказать несколько слов о том, как мы жили в Киото.

По прибытию в столицу мы остановились неподалеку от малого моста Сандзё в доме некоего Тяя Кюсиро. В действительности это был не дом, а весьма достойная гостиница, которая называлась «Тякю». Там мы жили достаточно долго, пока перед уходом в Исэ я не пересчитал оставшиеся деньги и не обнаружил, что в карманах у меня уже начинает гулять ветер.

- Надо нам как-то урезать расходы, - сказал я Кисаку, - иначе скоро мы не сможем сводить концы с концами...

Мы решили переговорить на эту тему с хозяином и пригласили его к себе.

- Нельзя ли с вашей помощью как-то сократить наши траты? - спросил я. - Может быть, за счет еды... В общем-то нам сейчас не до кулинарных изысков...

В конце концов было решено, что в гостинице мы будем только завтракать и ужинать, а от обедов отказываемся. Таким образом нам удалось сократить расходы до 400 мон на человека в день. Конечно, сегодня 400 мон - это совсем немного, но в то время, как я сейчас понимаю, на эти деньги можно было жить, и жить неплохо: так, один день в обычной гостинице обходился примерно в 250 мон. Поэтому не удивительно, что тратя по 400 мон, мы очень скоро оказались в стесненных обстоятельствах. Хотя, наверное, если бы мы с самого начала решили, что задержимся в Киото надолго, то наверняка поселились бы в более дешевой гостинице... Так или иначе, нужно учитывать, что мы тогда были кем-то вроде бедных студентов, впервые уехавших из родного дома, и понятия не имели обо всех этих материях...

Арест наших товарищей

Получив письмо из Эдо, мы предполагали, что в нем могут быть неприятные известия, но когда я вскрыл его и пробежал глазами, то буквально не поверил прочитанному. Оказалось, что Тёситиро, Накамура Сэмпэй и Фукуда Сигэсуэ по дороге в Эдо в результате какого-то недоразумения были арестованы и брошены в тюрьму! Из тюрьмы-то Тёситиро и передал нам это послание.

Мы с Кисаку несколько раз поднимали глаза друг на друга, но долго не могли вымолвить ни слова. Дело было еще и в том, что незадолго до этого мы отправили Тёситиро письмо, в котором писали, что в Киото немало наших единомышленников, что если брат сюда приедет, то мы сможем объединить наши усилия, что, «как Вы и предполагали», *бакуфу*, несомненно, скоро рухнет, будучи не в силах закрыть порты и изгнать из страны варваров, что настало время все наши силы отдать служению Отчизне, и было бы замечательно, если бы он в самом скором времени приехал в Киото и т.п.

И это письмо было при нем в момент ареста - Тёситиро сам нам об этом написал! Снова и снова мы перечитывали его записку. Одака, наша надежда и опора, Накамура и Фукуда, плечом к плечу с которыми мы хотели биться против врагов не на жизнь, а на смерть - брошены в тюрьму в Тэмматё! Что с ними будет?! Если бы мы знали, что дело так обернется, то тогда, в 11-ом месяце, все-таки подняли бы восстание! Уж по крайней мере друзья наши не познали бы оков позорного плена! Чем дольше мы вчитывались в строчки письма, тем больше в нашей душе крепили гнев и негодование, тем сильнее мы сжимали кулаки и стискивали зубы. Наверное, еще немного - и мы бы сделали *сэппуку*⁸³. Но тут Кисаку прервал молчание и с пафосом произнес:

---

83 Воин, воспитанный в традиционном японском духе, должен был четко осознавать свой моральный долг, сам оценивать свои поступки и сам морально осуждать себя в случае нарушения своих обязанностей и долга. Такое моральное самосуждение влекло за собой ритуальное самоубийство путем *сэппуку* - вскрытия живота малым самурайским мечом. Таким образом самурай кровью смывал собственное бесчестье. Другое название *сэппуку* -

- Надо прямо завтра отправиться в Эдо и объяснить этим негодьям чиновникам, что они не имеют никакого права держать людей под арестом за какие-то мелкие провинности!

- Не думаю, что это поможет, - немного поразмыслив, ответил я. - Тут кичись, не кичись - все равно нам на пару с *бакуфу* не совладать! У них вон одних земель на восемь миллионов *коку*⁸⁴! Поедем сейчас в Эдо - только сами в тюрьму угодим. А нас-то вызволять будет уже некому!

Мы долго думали о том, как поступить, предлагали разные планы, но к согласию прийти так и не смогли, ибо как только один что-то предлагал, другой сразу же возражал, что это будет очень опасно или что из этого ничего не выйдет. К тому же задача осложнялась еще и тем, что нам нужно было не просто вызволить из тюрьмы Тёситиро, но и не угодить в нее самим, поскольку из-за того злосчастливого письма нас тоже могли арестовать.

- А может, обратиться к Тагая Исаму из клана Тёсю? Мы с ним пару раз встречались в Эдо, да и позже, когда он проезжал через нашу деревню...

- Тёсю - это хорошо, но ведь мы не знаем, где сейчас этот Тагая, не знаем даже, жив он или нет! А поедешь в Тёсю его искать, так тебя же на границе и схватят! Время-то сейчас смутное, шпики там так и кишат, не успеешь оглянуться - а уже и голова с плеч долой! Что, разве не так?

Словом, рядили мы и так, и сяк, но каждый раз заходили в тупик и ничего путного придумать не могли.

Наверное, сегодня вам вся эта история может показаться просто забавным пустяком, но тогда... Тогда в нас бурлила молодая кровь, мы пронизывающе остро чувствовали несправедливость и, напомним, собирались даже брать штурмом замок в Такасаки...

Конечно, сегодня планы штурма замка или вооруженного восстания представляются крайностями, но тогда мы их разрабатывали вполне серьезно, были готовы как к победе, так и к поражению и смерти. Причем смерть мы не воспринимали всерьез; она казалась нам своего рода развлечением, чем-то вроде театрального спектакля...

Но как же все-таки быть с нашими друзьями? За что их бросили в тюрьму? А если наше письмо действительно попало в руки тюремщиков? Это ведь не только усугубляет страдания друзей, но и нас подводит под подозрение...

Сомнения и тягостные думы теснили грудь, и в ту ночь мы до рассвета так и не сомкнули глаз...

Допрос с пристрастием

На следующий день мы получили еще одно письмо, на этот раз - от Хираока Энсиро. Он писал, что хотел бы кое-что с нами обсудить и просил срочно зайти к нему. В полном недоумении мы отправились к нашему покровителю. Принял он нас не там, где мы обычно с ним беседовали, а в каком-то другом, особом кабинете.

- Я срочно вызвал Вас для того, чтобы выяснить, не замешаны ли вы в каком-нибудь грязном деле. Было? Выкладывайте все!

- Да что Вы, ничего подобного и в мыслях не держали, - в растерянности отвечали мы.

- А все-таки? - продолжал допытываться Хираока. - Между прочим, из *бакуфу* в дом Хитоцубаси пришел запрос о ваших персонах... Ребята, - продолжал он, - вы знаете о моем особом к вам расположении. Да и я достаточно хорошо представляю, кто вы такие и что собой представляете. Я никогда не желал вам зла. Давайте начистоту, а? Расскажите мне все без утайки!

Мы знали, что Хираока действительно человек долга, знали, что ему можно доверять, и потому решили ничего не скрывать от нашего покровителя:

харакири.

⁸⁴ *Коку* - японская мера объема сыпучих тел, прежде всего, риса. *Коку* составляет 180.39 литра, 1 *коку* риса весит около 150 кг. В токугавской Японии количество *коку* риса, которое ежегодно собирали с земель того или иного князя, было основным критерием силы и могущества феодала.

- Господин Хираока, - начал я, - вчера вечером мы получили письмо о том, что трое наших друзей за какие-то проступки были арестованы властями и брошены в тюрьму.

- А что за друзья?

- Ну... друзья. Одним словом, они тоже считают, что сейчас надо закрыть порты и изгнать варваров, - выпалил Кисаку. - А один из них, учитель фехтования - шурин Эйдзиро.

- И только-то? - в голосе Хираока звучало сомнение. - Наверное, еще что-нибудь?

- Нет-нет, только это... Правда, мы послали ему письмо... Он пишет, что оно было при нем в момент ареста. Может, это из-за него и разгорелся весь сыр-бор?

- А что за письмо?

- Ну, обычное письмо... Правда, там мы писали, что *бакуфу* совершенно выпустило из рук бразды правления, и что если власть в стране и дальше будет принадлежать такому правительству, то Японии не выстоять. И еще: что если не сбросить такое правительство, то страну ждет полный крах. Мы понимаем, что не следовало нам в письме так отзываться о властях...

- Да уж, наверное, - едва заметно усмехнулся Хираока и продолжал уже серьезно: - Те, кто думает о судьбах Родины, часто бывают несдержанны в своих словах и поступках... Но вы-то, надеюсь, никого не убили? А если и так, то - скажите, не держите меня в неведении. У нас ведь разговор откровенный. Было?

- Нет-нет, что Вы... Конечно, иногда очень хотелось одного-другого негодяя прикончить, да все случая не представлялось... Но уж если бы убили кого-то, то уж, конечно, никак не по злобе и не из-за денег! Нет, были у нас моменты, когда казалось, что вот этого-то нельзя оставить безнаказанным, что нужно порешить какого-нибудь мошенника, чтобы отстоять свою честь, но сами пока руки к этому делу не прикладывали...

- То есть вы ничего такого...

- Нет-нет...

- Хорошо, оставим это, - заключил Хираока.

Хираока советует нам поступить на службу в дом Хитоцубаси

Но разговор наш на этом не закончился.

- Ладно, с этим все выяснили, - произнес Хираока. - А что вы вообще собираетесь дальше делать?

- Господин Хираока, - отвечал я, - по правде говоря, мы уже устали строить планы. Началось с того, что, благодаря Вашему поручительству мы прибыли в Киото как люди дома Хитоцубаси, но на самом деле мы не собирались идти на службу в Ваш дом. Может, будет нескромно так говорить, но мы хотели посвятить себя служению Отчизне, и именно ради этого покинули родные места и пустились скитаться по свету. Придет время, когда Родина призовет нас - и мы тотчас же, не задумываясь, пожертвуем своими жизнями. И именно в этом и состоит наша конечная цель! Но сейчас... Сейчас, как Вы теперь уже знаете, в Эдо арестованы наши друзья, люди, с которыми мы поклялись жить и умереть вместе. И мы не знаем, как их выволить, не можем вернуться домой... Честно говоря, мы вообще не понимаем, что нам теперь делать...

- Ясно, - проговорил Хираока. - Вполне вас понимаю... Да, ребята, похоже настал момент, когда вам придется круто изменить свою жизнь... А что если вам пересмотреть свои идеи и все-таки пойти на службу в дом Хитоцубаси? - неожиданно предложил он. - Вы ведь знаете, что Хитоцубаси - не чета прочим самурайским домам. Правда, своих земель у нас нет - кормимся с земель *бакуфу*, но зато почти все наши самураи прежде служили при правительстве; я и сам занимал там невысокий пост, и только недавно был прикомандирован к дому Хитоцубаси. Так что безродным *ронинам* к нам на службу попасть очень и очень непросто... Но если вы решите служить этому дому, то я готов замолвить за вас словечко - очень уж мне понравилась ваша

решительность. Правда, понятное дело, на какую-нибудь высокую должность я сразу вас поставить не смогу, начинать придется снизу, среди мелюзги...

Мы слушали Хираока с напряженным вниманием.

- Вот вы говорите, что готовы пожертвовать жизнями ради славы Отчизны нашей, - продолжал он. - Похвально. Но уверены ли вы в том, что эта жертва будет принесена именно Отечеству? Может, лучше послужить достойным людям?.. Наверное, вам уже известно, что глава нашего дома Хитоцубаси - человек способный и дельный. Да, о *бакуфу* можно сказать немало плохого, но ведь верно и то, что у нашего господина немного другой взгляд на вещи. И вообще, разве это не большая честь - служить столь достойному хозяину, пусть даже вы будете поначалу, как говорится, просто подносить ему сандалии? Словом, если у вас есть желание начать новую жизнь, то готов помочь вам и порекомендовать на службу в этот дом...

- Господин Хираока, мы искренне благодарны вам за добрый совет, - отвечал я. - Ваша забота действительно тронула нас до глубины души. Но мы, как Вы изволите видеть, всего лишь оказавшиеся в затруднении нищие крестьяне, и по серости своей не можем сейчас должным образом ответить на Ваше лестное предложение. Покорнейше просим Вас дать нам время на размышление...

С этими словами мы попрощались с Хираока и отправились к себе в гостиницу, где принялись бурно обсуждать предложение покровителя.

- Послушай, - начал Кисаку, - вплоть до нынешнего дня мы упорно шли к нашей цели - сокрушить *бакуфу*. И вдруг сегодня мы решаем идти на службу в дом Хитоцубаси. А это ведь одна из ветвей того же сёгунского дома! Что люди скажут?! Да скажут, что мы просто струсили и спасаемся бегством, что мы продались за чашку риса. И будут совершенно правы! Скоро ведь все равно все об этом узнают... Как же мы тогда людям в глаза будем смотреть? Что, разве не так?

- Да так-то оно так, - заметил я. - Но посмотри ты еще хоть на один шаг вперед! Ведь у нас нет сейчас другого выхода! Что, лучше головой в петлю лезть? Я не хочу, как Такаяма Хикокуро или Гамо Кумпэй⁸⁵, только иметь благие намерения и завершить свою жизнь, так ничего и не сделав! Может, нам лучше поменьше хвалиться собственным геройством да думать о том, что скажут люди, какую пользу мы принесем обществу? Ну нет сейчас обществу от нас никакой пользы - и что с того? Будем сомневаться да колебаться - так нас еще быстрее повяжут да бросят в тюрьму! Знаешь, как говорится, «лес рубят - щепки летят». Мне кажется, что сейчас нужно прежде всего думать о том, как заработать на жизнь и освободить наших товарищей. А не пойдём на службу Хитоцубаси, тогда что? Подаваться к бандитам и грабить честной народ?.. Конечно, лучше всего сейчас отправиться куда-нибудь в Сацума или Тёсю, да нет у нас там ни друзей, ни знакомых, которые могли бы за нас поручиться... Скажут, что мы низкие людишки, что мы продались за чашку риса - ну и пусть говорят! Потом по делам узнаем, кто был тверд в своих убеждениях, а кто запятнал свою совесть! А сейчас... Попытка - не пытка, тем более в таких чрезвычайных обстоятельствах. Почему бы нам, в самом деле, не пойти служить в дом Хитоцубаси?

- Не знаю, как ты, - отвечал мне на это Кисаку, - а я возвращаюсь домой! Мне нужно друзей из тюрьмы вызволять!

- А почему ты так уверен в том, что тебе это удастся? Говорить-то об этом легко, только сделать трудно! Было бы легко - вряд ли *бакуфу* так просто упрятали бы их в тюрьму! Поверь мне - нам легче будет выволить наших товарищей, если мы пойдём на службу в дом Хитоцубаси, а не останемся какими-то безродными *ронинами*! Да, пусть у нас пока мало сил, но зато - подумай! - мы будем самураями дома Хитоцубаси! И тогда от подозрений *бакуфу* избавимся - раз! И друзей освободим - два!

Ты что, думаешь, что я ищу тихой и спокойной жизни? Нет, просто у меня есть голова на плечах, и я понимаю, что на сегодняшний день это самое лучшее, что мы можем сделать. Пойдем на службу в дом Хитоцубаси - разом двух зайцев поймаем!

---

⁸⁵ Такаяма Хирокуро (1747-1793) и Гамо Кумпэй (1769-1813) - известные в середине периода Эдо сторонники «почитания императора» в противовес сёгунской власти. В своих сочинениях призывали крепить оборону страны и противостоять «иноземцам».

- Пожалуй, в этом что-то есть... - наконец, согласился Кисаку. - Ладно, оставим гордыню и попробуем пойти на службу к Хитоцубаси...

Мы решаем пойти на службу к Хитоцубаси и вручаем заявление Хираока

Итак, мы решили пойти на службу в самурайский дом Хитоцубаси. Но наш разговор продолжался:

- Кисаку, - сказал я, - мне бы очень не хотелось говорить Хираока что-то типа: «Мы бедные-несчастные, нам нечего есть, нам негде жить, возьмите, нас, пожалуйста, к себе». Давай напишем заявление с просьбой принять нас на службу и укажем в нем более достойную причину!

Кисаку сразу согласился, и мы принялись обсуждать план нашего завтрашнего разговора.

На следующее утро мы снова отправились к нашему покровителю.

- Господин Хираока, - начал я, - вчера мы обстоятельно обсудили Ваши досточтимые указания. Как Вы совершенно верно изволили заметить, мы сейчас оказались в крайне стесненных обстоятельствах. Нам трудно переоценить Ваше благожелательное к нам отношение и Ваше любезное предложение рекомендовать нас на самурайскую службу. Мы с братом - всего лишь простые крестьяне, но считаем себя патриотами и людьми долга. Собственная жизнь для нас - не более, чем клочок лебединого пуха, прикажут исполнить свой долг - пойдем и в огонь, и в воду. Поэтому для нас было бы крайне неприятно, если бы Вы, поддавшись первому впечатлению, истолковали наше с братом согласие служить таким образом, что мы дошли до крайней степени нужды и надеемся просто заработать себе на жизнь... Если Его Светлость действительно собирает под свою руку патриотов со всей страны и будет опираться на таких воинов в интересах державы, если именно таковы мысли и чаяния князя Хитоцубаси, которому недавно высочайшим повелением вверен пост Главнокомандующего обороной Осацкого залива, - то тогда мы, ни мгновения не колеблясь, готовы пойти к нему на службу, пусть даже служить придется простыми копьеносцами в соломенных сандалиях. Но если же мотивы князя тому противны - тогда мы будем вынуждены со всем к нему почтением сказать, что не сможем быть ему полезны, на сколь бы высокие должности нас ни назначили. Поэтому прежде, чем господин примет решение, мы бы хотели представить на его высокий суд некоторые наши соображения...

- А что? Это может быть весьма интересно... - только и сказал в ответ на мою тираду немногословный Хираока.

- Тогда разрешите вручить Вам наше прошение, - проговорил я и вынул из-за пазухи заранее заготовленную бумагу. Черновик этого документа я, к сожалению, не сохранил, но смысл писания был примерно такой:

«Во времена, когда речь идет о судьбах страны, назначение Вас, главы одного из «трех благородных домов»⁸⁶, на пост Главнокомандующего обороной Осацкого залива стало поистине небывалым и неслыханным по важности событием. Если будет позволено так выразиться, то именно наше чрезвычайное время породило потребность в столь чрезвычайном и своевременном решении. И все мы искренне надеемся на то, что Вы, Ваша Светлость, со всей возможной решительностью будете выполнять возложенные на Вас высокие обязанности и, прежде всего, откроете путь вверх достойным людям со всей страны. Они давно ожидают таких решительных мер для того, чтобы как можно быстрее найти применение своим способностям».

- Хорошо, - сказал Хираока, прочитав письмо. - Попробую доложить о нем хозяину.

- Господин Хираока, - продолжал я, - Вы извините, но у нас есть еще одна просьба. Раз уж мы поступаем на службу к князю Хитоцубаси, то... Не знаем наверняка, были ли тому примеры... Но

---

⁸⁶ «Три благородных дома» (госанкё) - семейства Хитоцубаси, Симидзу, Таясу, принадлежавшие к боковой ветви сёгунской фамилии Токугава. Наряду с семьями Мито, Овари и Кисю («тремя знатными домами», госанкэ) они находились на вершине токугавской иерархии, и только представитель одного из этих шести домов, в случае отсутствия прямого наследника, мог стать сёгуном.

нельзя ли нам хоть ненадолго предстать пред очами Его Светлости и, вовсе не рассчитывая на благосклонное внимание князя, сказать ему несколько слов до того, как...

- Ну нет, это невозможно! - перебил меня Хираока. - Да вы что! И не бывало такого никогда...

- Да, но ведь и крестьян раньше не брали на службу к Его Светлости...

- Нет! И не просите!

- Ну, раз так, нам не остается ничего другого, кроме как прямо сейчас отказаться от Вашего любезного предложения и понести заслуженное наказание. Приказывайте: жить нам или умереть?

- Ну вы и упрямцы!.. - удивился Хираока. - Ладно, что-нибудь придумаем...

Частная аудиенция у князя Хитоцубаси. Мы излагаем свои предложения

Через несколько дней после этого разговора Хираока снова вызвал нас к себе и в задумчивости сказал:

- Знаете, ребята, мне, кажется, удалось договориться о вашей встрече с господином. Осталась одна проблема: как может Его Светлость дать аудиенцию тем, кого он не знает и никогда в глаза не видел? Похоже, что нужно сделать так, чтобы встреча произошла как бы ненароком, чтобы он вас увидел случайно и издали... А откуда взяться такому случаю, если вы у него даже не служите?... Да, задали задачку... Но давайте поступим так. Через три дня Его Светлость будут совершать верховую прогулку по Мацугасаки, пригороду Киото. Мне кажется, лучше всего будет, если вы попадетесь князю на глаза во время этой прогулки...

Тут я пришел в сильное замешательство, ибо уже тогда был весьма тучен, да к тому же невысок ростом, и потому не мог быстро бегать. Однако делать было нечего - пришлось начать подготовку к аудиенции. На следующий день, завидев кортеж Хитоцубаси, я изо всех сил бросился вдогонку и пробежал за ним от Симогамо до Ямахата - почти десять кварталов!

Через два дня после этого действительно пришло разрешение на аудиенцию, и мы получили возможность свободно высказать будущему хозяину свои сокровенные мысли. Говорил я примерно следующее:

«Ваша Светлость, покорнейше прошу меня выслушать. Вы, достойнейший отпрыск светлейшего Нариаки из Мито, глава одного из трех благородных домов, соизволили взять на себя бремя высокой должности Главного командующего обороной Осацкого залива. Сегодня положение дел в стране таково, что *бакуфу* уже, можно сказать, доживает последние дни. Вы задумали заштопать дыры в этой расплзающейся от старости ткани. Но ведь вместе с правительством может рухнуть и досточтимый дом Хитоцубаси! А, не лучше ли, как говорится, принять помощь издалека? Мы нижайше просим Вашу Светлость обратить свое благосклонное внимание на людей, которые исполнены высоких помыслов, и постепенно собирать их вокруг себя. В нынешние беспокойные времена, когда власть правительства ослабла, а его распоряжения повсеместно не выполняются, повсюду появились люди, которые стремятся взять бразды правления в свои руки. Есть и такие, которые хотят посеять в стране смуту. И именно те, кто мечтает о смуте, могут однажды оказаться у кормила страны. Но если Вы, Ваша Светлость, соберете всех таких людей под свою руку, то сеять смуту в стране будет некому. Именно такой образ подразумевают, когда говорят, что подлинный герой держит Поднебесную в кулаке... Если Ваша Светлость не задумается над этими словами, то, как нам кажется, Ваше назначение на новый пост может пропасть втуне. Но если, как я уже позволил себе предложить, Вы начнете собирать вокруг себя патриотов, хотя бы на время простите им старые грехи, словом, оживите здоровые силы в стране нашей... Конечно, это вызовет подозрения *бакуфу*. Позволю себе предположить, что правительство может даже послать против дома Хитоцубаси карательную экспедицию. В таком случае Вам придется собирать войска и оказывать вооруженное сопротивление. Иными словами, начнется что-то наподобие войны Императора Тэмму с принцем

Отомо⁸⁷. Это, конечно, не совсем то, чего бы нам всем хотелось, но интересы страны должны быть превыше всего. Только с падением же *бакуфу* может начаться новый подъем дома Токугава... Мы откровенно высказали наши соображения, которые, как нам кажется, имеют под собой основания. Нижайше просим их рассмотреть.»

Князь Хитоцубаси в ответ на мою речь не проронил ни слова, Мы услышали от него лишь невнятные восклицания. Но мне почему-то кажется, что он понял наши предложения и уделил им какое-то внимание.

НА СЛУЖБЕ В ДОМЕ ХИТОЦУБАСИ

Начало

Вскоре после этой аудиенции мы начали нашу службу в доме Хитоцубаси. Точно не упомню, но, по-моему, было это 22 или 23 числа 2-го лунного месяца [1864 г.] Поначалу нас назначили охранять внутренние ворота усадьбы, и начальник караула привел нас в каморку для стражи. Это была действительно каморка - неприглядная комната с рваными циновками-*татами*⁸⁸, пригодная разве что для разведения мух или комаров. В комнатухе сидели два старика, по виду - полностью выжившие из ума. Не ведая всех тонкостей этикета, мы, новобранцы, посчитали себя равными им по чину и стали рассаживаться на циновках, чтобы совершить положенные поклоны. Старцам это явно не понравилось:

- Вы что, совсем приличий не ведаете? - пробурчал один из них. Чего расселись?! *Татами* - это для тех, кто выше званием!

У меня мелькнула мысль, что делиться по званиям в этой грязной комнатенке чрезвычайно глупо, но, не зная всех правил, мы со стариками спорить не стали, а поспешили совершить глубокие поклоны и извиниться за оплошность.

К счастью, вскоре нас с Кисаку избавили от обязанностей стражников и перевели на службу в Гоёдансё - Управление внешних сношений дома Хитоцубаси. Правда, звания у нас остались теми же, но мы все равно были счастливы тем, что нам не придется больше нести обязанности сторожей. По соседству со зданием Управления нам с Кисаку была выделена комната, в которой мы и обосновались. Жалованье наше - первое жалованье в моей жизни! - составляло 4 коку 2 *футу*⁸⁹. Кроме того, на время пребывания в Киото нам полагалось еще 4 *рё* 1 *бу* денежного содержания.

Поначалу мы как-то стыдились своей службы, но постепенно стали чувствовать от нее некое удовлетворение, испытывать в этой работе определенную потребность и даже находить в ней удовольствие. Вместе с тем мы хорошо понимали, что эта служба для нас - лишь первый шаг в жизни. Чтобы чего-то добиться, нам нужно было быть скромными, усердно учиться и работать не за страх, а за совесть.

Жизнь своим домом. Как отдать долги?

А сейчас я хотел бы немного рассказать о том, как мы с Кисаку тогда жили в Киото.

---

87 Имеется в виду так называемая смута годов Дзинсин. В 671 году после смерти императора Тэнти началась борьба между сыном покойного, принцем Отомо, и его дядей Оама, младшим братом Тэнти. Отомо царствовал всего 8 месяцев и после военного поражения покончил жизнь самоубийством, а дядя-победитель провозгласил себя императором Тэмму (на троне с 673 по 686 гг.).

88 *Татами* - стандартные соломенные циновки, которыми устилают пол в комнатах традиционного японского дома. Площадь 1 *татами* - чуть больше 1,5 кв. м.

89 *Футу*, *футимай* - надбавка к самурайскому рисовому пайку, которая полагалась за выполнение конкретной службы. В период Эдо характерный масштаб *футу* составлял 5 *го* ежедневно (1 коку = 1000 *го*), то есть за год самурая дополнительно причиталось примерно 1,8 коку. В действительности объем *футу* мог меняться в зависимости от рвения самурая и благосклонности хозяина.

Та сотня *рё*, которую мне дал отец, когда я уходил из дома, пошла на дорогу, расходы в Эдо, паломничество в Исэ и оплату почти двухмесячного проживания в киотосской гостинице. За два месяца деньги у нас вышли полностью, и, чтобы сводить концы с концами, мы были вынуждены занять по 3-5 *рё* у разных людей, служивших в доме Хитоцубаси. Так у нас набралось долгов примерно на 25 *рё*. Иными словами, получая поначалу за службу 4 *коку* 2 *футти* рисом и 4 *рё* один *бу* деньгами, мы должны были во всем себе отказывать для того, чтобы рассчитаться с долгами. Особенно важны были для нас наличные деньги - те самые 4 *рё* и 1 *бу* - и потому мы старались не тратить попусту ни единой монеты.

Мы сняли квартиру из двух комнат по восемь *татами* каждая и крохотной кухни. В такой квартире, конечно, было немыслимо жить на широкую ногу, поэтому мы сами готовили себе завтрак и ужин, сами ходили на рынок за свежими овощами и маринованной редькой для супа, и лишь изредка могли позволить себе купить кусок говядины, завернутый в бамбуковые листья - мясо было для нас дорогим удовольствием.

Помню, как мы учились варить рис: ни я, ни Кисаку никогда этого не делали, поэтому рис у нас то разваривался в жидкую кашу, то оставался полусырым. Мы долго предавались этим кулинарным мучениям, пока методом проб и ошибок не пришли к такому способу: в кастрюлю ровным слоем засыпался полированный рис, который накрывали ладонью и добавляли в кастрюлю столько воды, чтобы она скрыла тыльную сторону ладони. Рис получался отменный!

Скоро мы уже знали, как варить суп из бобовой пасты - *мисосиру*, научились готовить овощную похлебку и суп из соевых бобов...

В Киото у нас не было никаких постельных принадлежностей, кроме трех коротких тюфячков, но мы не могли себе позволить купить по комплекту белья, и потому спали с Кисаку вдвоем, спина к спине, укрывшись одним из этих тюфячков.

Нет, нам нужно было во что бы то ни стало отдать эти 25 *рё*, и мы скорее бы умерли с голоду, чем попросили прислать эти деньги из деревни! И надо прямо сказать, что нам было очень трудно отрывать эти деньги от жалования в 4 *рё* 1 *бу*, но все-таки за четыре-пять месяцев мы сумели полностью рассчитаться с долгами!

С тайной миссией у Орита Ёдзо

Как я уже говорил, наше Управление, Гоёдансё, занималось внешними связями дома Хитоцубаси. Кроме того, в его ведении находились общий надзор и, так сказать, кадровая политика клана. Иными словами, в Гоёдансё стекалась вся информация о положении дел вокруг дома Хитоцубаси. Здесь постоянно обсуждались отношения с Запретным городом (императорским дворцом), аристократами, другими самурайскими кланами и т.п. И мы тоже, хоть и находились на самых низких должностях, чувствовали себя причастными к этим важным сведениям.

По весне в Киото вновь потянулись самураи из самых разных кланов. Среди них было немало патриотов, которые, скорбя об упадке Японии, требовали от правительства закрыть порты и изгнать из страны иностранцев. Вскоре остро стал вопрос, как тогда говорили, «обороны морских границ».

Суть дела была в том, что ввиду возможной войны с иностранными державами Японии необходимо было укрепить оборону Осацкого залива вблизи недавно открытого для иностранцев порта Хёго (Кобэ). Строительство оборонительных сооружений и организация батарей береговой артиллерии были поручены известному знатоку фортификации Орита Ёдзо, самураю из клана Сацума⁹⁰. Орита получил на это от военного правительства 100 *футти*.

В целом этот Орита, если говорить о нем с позиций сегодняшнего дня, был никудышным специалистом. Единственное, что он умел - так это много и велеречиво говорить; может быть, именно поэтому его и посчитали тогда выдающимся фортификатором и дали этот заказ.

---

90 Сейчас он под именем Тосихидэ служит настоятелем синтоистского храма в Минатогава. - Прим. автора.

В это время при дворе высказывались самые разные точки зрения на возможность открытия для иностранцев города Осака. Для обсуждения этих вопросов в Киото прибыл Симадзу Сабуро [Хисамицу]⁹¹. Однажды он вызвал Орита в свою резиденцию в замке Нидзэйдзэ⁹² для отчета. Послушать Орита собрались и другие высокопоставленные персоны, в том числе Хитоцубаси Ёсинобу и министр военного правительства Итакура Кацукиё.

Орита обрушил на них поток красноречия, причем говорил он не только об обороне морских границ на данном участке, но и обо всех стратегически важных местах Японии вообще: в заливе Эдо нужно сделать то-то и то-то, у побережья Осака дело обстоит так-то и так-то, там-то нужно столько-то кораблей, а на таком-то расстоянии нужно разместить столько-то пушек... В конце концов он пришел к выводу, что для обеспечения обороны морских границ нужно построить порты и крепости в устье реки Адзикава, в Тэмбодзан, в Симая, в устье реки Кидзугава и т.п. - всего в 15 местах!

Думаю, что все эти его речения были по большей части простым вздором и хвастовством, но он представлял могучий клан Сацума, а вопрос об обороне границ тогда обсуждали много и часто, так что не удивительно, что именно Орита и получил от *бакуфу* 100 *футу* под план строительства в районе Осака форта, который носил громкое название «стационарная батарея береговых орудий и сопутствующие фортификационные сооружения».

Примерно в это время я начал понимать, что если бы кто-то и воспользовался слабостью *бакуфу* для того, чтобы попытаться подчинить себе страну, - то это были бы самурайские кланы Сацума и Тёсю. Не имея возможности сообщить о своих выводах непосредственно господину Хитоцубаси, я решил обратиться с предостережениями к Хираока Энсиро.

- Господин Хираока, - сказал я ему, - мне кажется, что сейчас необходимо держать под самым пристальным вниманием деятельность клана Сацума, иначе мы не сможем сохранить в наших руках Киото...

- Полностью с тобой согласен! - ответил Хираока. - Более того (но это - строго между нами!), я думаю, что сейчас было бы правильно в нашей работе прибегать к самым разным методам. Не послать ли кого-нибудь из наших в Осака попытаться узнать, что именно замышляют сацумцы? Скажем, под видом помощника Орита на строительстве форта?

- Прекрасная мысль, - подхватил я. - А, может, меня и пошлете? Я с людьми схожусь легко... Орита скажу, что хочу, мол, у Вас, наставник, поучиться, возьмите, пожалуйста, в помощники... Думаю, он вряд ли мне откажет... Только не надо меня посылать официально от дома Хитоцубаси - боюсь, это будет выглядеть подозрительно... К тому же как личный помощник я и узнать смогу больше: я ведь учиться приехал - а есть ли лучший повод для того, чтобы войти во все дела?

В конце концов Хираока согласился поручить это дело мне. Я поблагодарил его и в тот же день попросил моего знакомого Кавамура Сёхэй (в то время он носил имя Эйдзиро) замолвить за меня словечко перед Отаи Курата, который был в особо тесном знакомстве с Орита. Я сказал ему, что хочу поучиться фортификационному делу и прошу Орита взять меня в помощники. Одновременно я на всякий случай попросил прислать мне из дома Хитоцубаси бумагу о том, что такой-то является вассалом семейства Хитоцубаси и по службе замечаний не имеет...

Так я стал учеником Орита и выехал в Осака. Было это в начале 4-го месяца, всего лишь через два месяца после того, как я поступил на службу в дом Хитоцубаси.

К слову сказать, сам Орита никаким наукам систематически не обучался, а так как моя работа под его началом тоже была в основном практического толка, то и в моих занятиях особой системы не было; лишь изредка он просил меня сделать какой-нибудь чертеж или снять копию с документа. До этого мне никогда не приходилось чертить чертежи, и потому они никогда у меня

---

91 Симадзу Хисамицу (1817-1887) - государственный деятель, один из руководителей клана Сацума (ныне префектура Кагосима). Выступал за примирение императорского двора и правительства бакуфу, но, не найдя поддержки своим усилиям, потерял влияние и удалился от политической деятельности.

92 *Замок Нидзэйдзэ* - киотоская резиденция сёгунов, в которой они и высокопоставленные чиновники военного правительства останавливались во время визитов в императорскую столицу. Пышное сооружение было построено в 1603 году в центральной части города основателем сёгунской династии Токугава Иэясу.

не получались по задуманному: то тушь пойдет неровными черными пятнами, то линия прервется... Ну да что делать: я ведь сам напросился в ученики... Потом копии с документов у меня мало-помалу стали получаться, но вот чертежи по-прежнему шли прямым в мусорную корзину, так что я получал от начальника один выговор за другим, причем возразить мне на его замечания было нечего. Впрочем, благодаря такой практике и чертежи у меня в конце концов, стали получаться более-менее пристойными...

В своем клане Орита никогда не был на первых ролях, но, будучи востребован *бакуфу*, вдруг возгордился до такой степени, что даже украсил ворота своей резиденции занавесом лилового цвета⁹³. Все его люди говорили на кагосимском диалекте, так что уроженцы других мест их почти не понимали. Сам я тогда говорил на эдосском диалекте, но немного понимал и кагосимский говор, поэтому Орита часто давал мне различные поручения: съездить в губернаторство Осака, договориться о чем-то в Казначействе, передать бумаги в Генеральную инспекцию, принять посетителей и т.п. Одним словом, я самым добросовестным образом выполнял все обязанности помощника...

Впрочем, проработал я в Осака совсем недолго: ведь в действительности моя «практика» служила разведывательным целям, а я достаточно быстро вычислил все самое существенное и решил, что мне пора возвращаться в столицу. Хираока дал «добро», и 8-го числа 5-го лунного месяца я уже был в Киото.

Капризы Орита. Пьяный дебош

Теперь хочу рассказать Вам одну забавную историю.

В то время Орита Ёдзо жил в осакском районе Тосабори в гостинице «Мацуя». Именно там он распорядился повесить лиловый занавес, о котором я уже говорил. Еще на гостинице укрепили большую вывеску, на которой огромными жирными иероглифами было написано: «Орита Ёдзо, уполномоченный *бакуфу* по строительству фортификационных сооружений для обороны Осацкого залива» - иероглифы эти просто били в глаза любому прохожему.

В гостиницу «Мацуя» к Орита приходило множество сацумских самураев: Мисима Мицумунэ (сейчас он Начальник управления полицейского надзора), Кавамура Сумиёси (он потом еще стал Морским министром), нынешний президент компании «Японские железные дороги» Нарахара Сигэру, а также Накахара Наосукэ, Каэда Нобуёси, Утида Масакадзэ, Такасаки Гороку - всех не перечислить! Но чаще всего приходили к нему Кавамура и Мисима - оба они по делам клана находились в Осака и постоянно жили по соседству с «Мацуя», в другой гостинице, разрядом пониже. В противоположность Орита, который всегда напускал на себя важный вид, старался предстать перед окружающими чрезвычайно значительной персоной и вообще всячески демонстрировал барские замашки, Кавамура и Мисима были людьми простыми и сердечными, и я не видел причин не общаться с ними.

В то время в «Мацуя» служила одна девушка по имени О-Мики. Орита стал оказывать ей особое расположение, что очень не нравилось и Кавамура, и Мисима...

Так вот, я уже получил из дома Хитоцубаси приказ возвращаться в Киото, и вечером накануне моего отъезда Мисима и Кавамура решили пригласить меня выпить с ними *сакэ* в одном чайном домике в квартале Дзакоба. Я получил разрешение Орита и спокойно отправился в это заведение, где мы втроем расположились за столиком и начали пить *сакэ*, распевать песни, словом, гулять вольно. Напились вчистую, так что в «Мацуя» я вернулся около одиннадцати вечера.

А, надо сказать, что Мисима ушел раньше, а я, хоть и удивился его раннему уходу, но подробностями интересоваться не стал. Добравшись до гостиницы, я первым делом направился в номер к Орита доложить о своем возвращении. К моему удивлению, в комнате все было перевернуто вверх дном, а вся посуда перебита. В углу номера лежала О-Мики, разбитая голова которой была наспех перевязана каким-то полотенцем, а посередине всего этого великолепия, среди осколков чашек и рюмок, сидел совершенно ошеломленный Орита.

---

⁹³ Использование лилового цвета считалось в старой Японии традиционной привилегией высшей знати.

- Сэнсэй, в чем дело? - моментально протрезвев, спросил я.
- Да вот, понимаешь, Мисима приходил. Видишь, как бесновался?
- Вижу. А из-за чего?
- Как из-за чего? Ты же сам с ним попойку устроил по поводу своего отъезда в Киото...
- Да, верно, выпили. Но Вы же сами разрешили мне пойти...
- Ну да, разрешил, но кто же знал, что этот болван Мисима на твоих проводах так напьется, что ворвется сюда и все перебьет? Да и ты, небось, тоже там на меня напраслину возводил, поносил последними словами, а? Ты еще хуже Мисима этого!

Тут я буквально рассвирепел, тем более, что хмель у меня из головы еще полностью не выветрился:

- Ах, так говорите, хуже Мисима?! - с трудом сдерживаясь, я вскочил и уставился на Орита. - Я - хуже Мисима?! Не знаю, сами ли Вы эти бредни выдумали, или Мисима наболтал, но это просто возмутительно! Я Вас считаю наставником, учусь у Вас, многим Вам обязан, и потому - запомните это раз и навсегда! - никогда не буду злобствовать у Вас за спиной! У меня и в мыслях ничего не было! А если Мисима такое нес, если он приписывал мне свои бредни, то он просто подлый трус! Нет, я этого так не оставлю: сейчас притащу его сюда и прикончу, подлеца!

Переполненный желанием действительно расправиться с Мисима, я выскочил из комнаты и стремглав бросился к соседней гостинице. Узнав, что Мисима отдыхает в своей комнате на втором этаже, я мигом пронесся по лестнице и хотел уже ворваться к нему в спальню, но меня с трудом удержал оказавшийся поблизости Кавамура:

- Ты что, с ума сошел? - он схватил меня за руки. - Да ты что? Что ты делаешь?
- Где Мисима?! - кричал я, стараясь оттеснить с дороги Кавамура. - Где этот подлец?! Зарублю его, как собаку! Оттащу вот только в «Мацуя» к Орита и там, у него на глазах, и прикончу!

Некоторое время я безуспешно пытался вырваться из рук Кавамура, а перепивший Мисима продолжал при этом спокойно спать, не обращая никакого внимания на поднявшуюся кутерьму.

В самый разгар событий примчался посыльный от Орита, который передал, что хозяин приказал немедленно вернуться к нему в гостиницу. Делать было нечего - я поплелся в «Мацуя». Орита, который еще минуту назад пылал гневом и негодованием, теперь стал путано просить у меня прощения:

- Слушай, ты извини, если что не так. Правда, ты, в общем-то, был вправе осерчать. Я ведь все это не со зла, в запале как-то само с языка сорвалось... Мисима ничего такого о тебе не говорил... Просто когда он на твоих проводах перебрал, заявился сюда и устроил дебош, я не сдержался... ну и понес околесицу. Поверь, я против тебя ничего не имею, ничего совершенно. Если можешь - давай забудем все, что я тебе сегодня наговорил...

- Как Вам будет угодно, - ответил я. - А Вы действительно меня ни в чем не подозреваете?
- Да ни сном, ни духом! - засуетился Орита. - Слово даю! Ни в чем! И чего уж я совсем не хочу - так это чтобы ты из-за меня дрался с Мисима. Давай на этом закончим, а?

На том, действительно, и закончилась эта история.

Работая с Орита, я постоянно был в курсе того, что предложил Симадзу Сабуру, что написал Сайго Такамори и т.п. Все эти сведения я сразу передавал Хираока.

Насколько я понял, поначалу у князя Хитоцубаси была мысль взять Орита к себе на службу, и он даже дал Хираока указание повнимательней к нему присмотреться. Но я как человек, который основательно изучил Орита, в частном разговоре с Хираока не считал нужным держать свое мнение при себе:

- Мне не показалось, что этот Орита обладает какими-то незаурядными способностями, - начал я.
- Да, он изредка обменивается письмами с Сайго Такамори, но вообще-то тому, что Орита говорит, нельзя верить ни на грош! Я бы даже позволил себе заключить, что все его хваленое

влияние - не более, чем видимость. А ведь я за ним наблюдал очень внимательно, изучил все, вплоть до манеры держаться и особенностей речи...

Хираока слушал молча, постоянно кивая, а в конце нашей встречи сказал, что теперь он хорошо понимает обстановку и поблагодарил меня за службу.

Я отправляюсь в район Канто набирать рекрутов

Когда мы поступали в дом Хитоцубаси, то просили Хираока привлекать к службе в клане людей с высокими моральными принципами из разных районов страны. А поскольку таких людей было немало среди наших друзей в районе Канто, то мы сказали, что сами готовы отправиться туда и помочь в этом деле.

Хираока, похоже, понравился этот план, ибо потом он несколько раз спрашивал, действительно ли у нас на примете есть люди, которые готовы, не гонясь за должностями и высоким жалованьем, послужить делу дома Хитоцубаси. И мы всякий раз отвечали: «Да, конечно, есть», потому что хотели, чтобы как можно больше наших товарищей служили вместе с нами. Кроме того, такая поездка позволила бы нам хоть что-то предпринять для освобождения Одака Тёситиро. Так что вопросы Хираока были для нас все равно, что попутный ветер для парусника - ведь если в конце концов будет принято решение набирать желающих служить в доме Хитоцубаси, то их отбор наверняка поручат нам!

Такое решение и было принято, причем принято, по-видимому, еще в то время, когда я находился в Осака, ибо сразу после моего возвращения Хираока в одной из бесед сказал:

- Хочу отправить тебя в Канто набирать рекрутов. По-моему, тебе уже можно доверить такую работу, а? Но все-таки, - тут же засомневался Хираока, - а как ты собираешься их искать?

- Да, честно говоря, пока и сам точно не знаю, - признался я. - Но прежде всего буду искать среди тех, кто умело бьется на мечях, тех, кто изучает китайские науки - *кангаку*, в общем, среди наших единомышленников, среди тех, кто высок духом, кто не думает о себе, а печется о судьбах Отечества, среди людей твердых принципов, воинов смелых и отважных, для которых жизнь - не более, чем пушинка на ветру... Думаю, соберем в общей сложности человек тридцать-сорок.

- Отлично! - просиял Хираока. - А дел на всех хватит!. Тогда что ж - быстрее за работу!

Итак, получив подробные инструкции, я совершенно легально отправился набирать людей на службу в самурайский дом Хитоцубаси. Было это, насколько мне помнится, в самом конце 5-го или в начале 6-го лунного месяца [1864 г.].

Но было у этой поездки и две других, тайных цели: во-первых, я хотел убедить присоединиться к нам как можно больше старых друзей и знакомых, во-вторых, уже частным образом, - попытаться выволить из заточения Тёситиро и его товарищей. И обе эти задачи были не из легких.

Добравшись до Эдо, мы прежде всего поспешили в резиденцию Хитоцубаси, где по команде доложили о цели своей поездки, а затем отправились в особняк клана в районе Коисикава, где уладили формальности, необходимые для посещения деревень, расположенных на территории, принадлежащей Хитоцубаси⁹⁴.

Покончив с этими формальностями, мы решили, наконец, выяснить, что можно сделать для освобождения Одака. Новости были неутешительными. Оказалось, что Одака арестовали за то, что по пути в Эдо, на постоялом дворе Тоданохара, он случайно ранил одного постояльца и скрылся. Потом, уже на станции Итабаси, его с большим трудом повязали и отправили в тюрьму. Иными словами, дело казалось далеко не пустячным - по всему выходило, что Одака действительно совершил серьезное преступление...

Еще до отъезда из Киото у нас состоялся разговор на эту тему с Курокава Кахэй, самураем из дома Хитоцубаси. Курокава согласился дать нам рекомендательные письма к Ода Матадзо,

---

⁹⁴ Автор широко пользуется словом *горёти* - «территория клана, княжества». Формально же у самурайского дома Хитоцубаси не было своей территории, и он получал рис «на кормление» с земель, принадлежавших сёгунскому правительству *бакуфу*.

который служил в Эдо на высокой должности в казначействе правительства *бакуфу*. Мы встретились с Ода и все ему рассказали, но и Ода посчитал это дело нелегким.

Тогда мы на некоторое время оставили освобождение Одака и обратились к нашему основному заданию - набору рекрутов. Прежде всего, как и было задумано, мы пришли в школу фехтования Тиба, но там нас ждало полное разочарование: оказалось, что большинство ее слушателей перебрались в Мито, где в это время вспыхнули столкновения между «Тэнгу» и «Сёсэй» - двумя противоборствующими группировками, на которые раскололся этот клан⁹⁵.

В Мито повторилась старая история: брат пошел войной на брата. Глава клана, который постоянно проживал в Эдо, послал в Мито в качестве посредника Мацудайра Ёринори, но тот скоро сам попал под влияние «Сёсэй» и в конечном итоге в местечке Наканоминато свел счеты с жизнью. Но мятеж между тем продолжался. Люди из «Тэнгу» заняли гору Цукуба и долгое время ее удерживали, отбивая все атаки посланных на их усмирение войск *бакуфу*.

В этой сумятице, конечно, и речи не могло быть о том, чтобы найти наших эдосских друзей - судьба разбросала их по всей стране. А большинство тех, кто меньше года назад намеревался вместе с нами поднимать восстание, теперь говорили, что отошли от этих дел и намерены остаток жизни посвятить крестьянскому труду.

Короче говоря, обойдя все земли Хитоцубаси, мы набрали всего человек тридцать-сорок, согласных за низкое жалованье служить этому княжескому дому. Кроме того, десяток рекрутов удалось найти в самом Эдо; в их число попали восемь фехтовальщиков и пара школяров, изучавших китайскую классику.

Мы решили вывести этих людей в Киото по тракту Накасэндэ, минуя Эдо. Как раз на этом тракте стояло местечко Окабэ, где находилась управа, которой подчинялась моя родная деревня. Естественно, нам очень хотелось посетить родные места и повидать родителей. Мы обратились за помощью к Одака Ацутада и попросили нас встретить, однако неожиданно выяснилось, что и эта встреча состояться не может: Одака был арестован и содержался в тюрьме там же, в Окабэ. Кроме того, как оказалось, чиновники из Окабэ уже успели объявить в розыск «двух негодяев, подозреваемых в заговоре с целью поднять мятеж» - имелись в виду я и Кисаку. Поэтому вместо того, чтобы честь по чести посетить родную деревню, мне пришлось тайно встречаться с отцом в деревне Мэнума.

В начале 9-го лунного месяца мы с пятьюдесятью новобранцами двинулись по тракту Накасэндэ в Киото. Именно тогда, во время стоянки в Фукая, мне в близлежащем местечке Сюкунэ впервые удалось увидеть свою дочь Утако. Ей тогда было уже два года... Хорошо помню, что она сидела на руках у матери...

Наверное, власти Окабэ очень хотели тогда арестовать двух своих бывших крестьян, братьев Сибусава, но увы - мы уже были вассалами дома Хитоцубаси, и имели полное право носить мечи и пики. И пусть бы кто-нибудь попробовал так просто нас задержать! У нас было достаточно сил, чтобы прорубить себе дорогу!

В результате, когда мы проходили по Окабэ мимо управы, никто и пальцем не пошевелил, чтобы нас остановить. И только у околицы отряд нагнали два самурая, которые стали говорить одному из наших людей что-то вроде: «У вас в отряде двое бывших крестьян нашей деревни, прикажите им следовать за нами!», на что тот ответил: «Я им Вашу просьбу, конечно, передам, но ведь если они вот так, вдруг, возьмут да и вернуться домой, так нам же их будет не хватать! Боюсь, милейшие, ничего у вас не выйдет...»

---

⁹⁵ Противостояние между двумя соперничавшими группировками в клане Мито берет свое начало в 1830-х годах, когда глава клана Токугава Нариаки начал реформировать систему управления кланом, что встретило ожесточенное сопротивление консерваторов из «Сёсэй». В 1844 году *бакуфу* вынудило Нариаки уйти «на покой», так что фракция «Сёсэй» получила полный контроль над делами клана. Но в 1850-х годах, после того, как Нариаки снова был назначен советником *бакуфу*, борьба вспыхнула с новой силой. Сторонники крайних взглядов из фракции «Тэнгу» подняли восстание против сёгунского правительства, обвиняя его в слабости и уступках иностранным державам. Весной 1864 г. противостояние между мятежниками из «Тэнгу» и правительственными войсками достигло апогея. Восставшие соорудили хорошо укрепленный военный лагерь на горе Цукуба и грозили набегами на окрестности сёгунской столицы. После неудачи миссии Мацудайра Ёринори правительственные войска окружили Цукуба, где в течение нескольких месяцев продолжались бои, закончившиеся полным поражением восставших. Автор ниже пишет, что были казнены более 180 мятежников, но обычно японские источники сообщают о 350 казненных.

Смерть нашего благодетеля Хираока Энсиро

Тем временем произошло трагическое событие, которое нас потрясло до глубины души. 17-го числа 6-го лунного месяца, когда мы еще были в Канто, в Киото был злодейски убит Хираока Энсиро. Убийцы были самураями из Мито, из боковой ветви родного семейства князя Хитоцубаси.

Эта горестная весть достигла Канто в конце 6-го или начале 7-го лунного месяца, но мы тогда как раз были в какой-то деревне и узнали об этом только спустя еще две недели. Узнали - и предались самому глубокому отчаянию. Хираока, который приветил нас в Киото и определил на службу в дом Хитоцубаси, Хираока, которому мы столь многим обязаны, наша надежда и опора - убит! Нашему горю не было предела, а ноги сами вели нас прочь от его дома...

Теперь было важно выстоять. Да, человек, который доверил нам столь важную работу, погиб, но мы, несмотря на все наше горе, несмотря на трудности нашего нынешнего положения, не имели никакого права бросить на полпути начатое им дело. Мы просто обязаны были выполнить его приказ!..

После смерти Хираока его должность в доме Хитоцубаси занял Курокава Кахэй. При жизни Хираока он считался по степени влияния вторым человеком в клане, и не было ничего удивительного в том, что после смерти Энсиро именно он принял на себя общее руководство делами Хитоцубаси.

Вообще дела клана Хитоцубаси традиционно вели именно управляющие. Формально в клановой иерархии над управляющими находился еще пост советника, но в домах Хитоцубаси, Симидзу и Таясу эти посты обычно занимали заслуженные старцы, которые прежде служили в правительстве на важных должностях вроде Генерального инспектора или префекта Эдо. А иногда советниками в доме Хитоцубаси назначали придворных аристократов или даже старичков из Кобусин⁹⁶. Впрочем, эти люди обычно влияли на дела клана не более, чем резные украшения в их кабинетах.

Что касается собственно управляющих, то их в клане Хитоцубаси было шестеро: трое - в Киото и трое - в Эдо. Среди киотосских управляющих основную роль играл Хираока, за ним шел Курокава, а третьим был человек по фамилии Нарита. Собственно, именно Нарита и являлся формально в Киото главным управляющим, но он был человеком весьма заурядным, да к тому же и пожилым, и потому реальная власть была у Хираока Энсиро, а теперь, после его безвременной кончины, оказалась в руках Курокава.

Таким образом, благодаря своему усердию и прилежанию Курокава, который начинал свою карьеру мелким чиновником тайного надзора, стал управляющим в знатном самурайском доме. Честно говоря, не знаю, что стало с ним потом, после Реставрации Мэйдзи. Конечно, Курокава был далек от идеала, но он, надо отдать ему должное, умел работать с подчиненными и вообще был, что называется, человек на своем месте. Но мы-то начинали службу при Хираока и, собственно, благодаря ему и попали в клан Хитоцубаси. Возвращаясь в Киото, мы не могли не думать о том, как нас встретит Курокава. В общем-то мы знали, чего от него можно ожидать, но меня почему-то не покидало чувство, что нас будут подстерегать неприятности.

Однако Курокава, по-видимому, действительно хорошо разбирался не только в делах клана, но и в людях, и тонко чувствовал веяния того трудного времени. Когда мы с новобранцам добрались до Киото, он встретил нас на удивление тепло и сердечно:

- Я понимаю, что вы, что называется, люди пришлые, в *бакуфу* не служили, да и дому Хитоцубаси служите всего ничего. Поэтому для вас смерть Хираока, вашего покровителя и друга, - это крушение всех надежд. Но запомните: до тех пор, пока я нахожусь на своем посту, я в меру своих сил буду делать все, чтобы вы воспряли духом. Важно только не опускать рук и продолжать усердно работать!

Эти слова, сказанные с глубоким чувством, снова вселили в нас большие надежды, которые мы пред тем совсем было уже утратили.

---

⁹⁶ *Кобусин* - «золотая рота» *бакуфу*, состоявшая из высокопоставленных отставников, отстраненных от дел по причине возраста или болезни.

Положение в Киото

В конце 9-го лунного месяца [1864 г.] меня повысили в звании. Теперь я назывался *окати* - «пехотинец». *Окати* стоял чуть выше стражника, и теперь мне оставалась всего лишь одна ступень до получения звания, которое позволяло лицезреть нашего князя. Насколько я помню, жалованье *окати* составляло 8 *коку* 2 *футу*; на время пребывания в столице *окати* полагалось также ежемесячное денежное довольствие в размере 6 *рё* золотом...

Может, виной тому была наступившая зима, но постепенно шумное движение с требованиями изгнать из страны иноземцев и закрыть порты как-то пошло на убыль. В силу этого немного улучшились отношения между сёгунским правительством и императорским двором и, как следствие, возросло влияние клана Аидзу. Этот клан всегда был близок к *бакуфу*, его людей отличали редкостные простодушие и упорство, и не удивительно, что некоторые находившихся сейчас в столице самураи Аидзу приобрели большое влияние, а глава клана даже был назначен Генерал-губернатором Киото.

Что же касается клана Тёсю, люди которого уже несколько лет пытались бороться с присутствием иностранцев в Японии, то его влияние уменьшилось после того, как в 8-ом лунном месяце [1863 г.] самураи из Тёсю были отстранены от доверенной им было охраны ворот императорского дворца и, в большинстве своем, вернулись на родину.

Однако зимой того же года в столицу из ее пригорода Фусими прибыл советник Ихара Кадзуэ. Сразу же по прибытии Ихара направил в императорский дворец прошение на высочайшее имя. Суть документа была примерно следующая:

«Клан Тёсю, обстреливая в проливе Симоносэки иностранные суда⁹⁷, действовал не самочинно, а исполняя волю Его Императорского Величества, повелевшего изгнать из страны иноземных варваров. Однако, к нашему глубочайшему сожалению, в последнее время Дворцовый Совет стал проводить туманную и неопределенную политику. Многие кланы, не говоря уже о самом *бакуфу*, тоже тяготеют Высочайшей волей, не считают изгнание варваров своим первоочередным делом. В довершение всего, они открыто признали обстрелы кораблей в Симоносэки ошибочными. Было бы желательным раз и навсегда настойчиво и недвусмысленно подтвердить монаршее волеизъявление».

Эти требования в императорском дворце были отвергнуты, после чего в Тёсю, по-видимому, были приняты какие-то тайные решения о начале вооруженного противодействия, ибо летом 1-го года Гэндзи [1864 г.] многочисленные соединения клана высадились вблизи Киото и стали несколькими лагерями в окрестностях столицы. В начале осени, а, если быть точным, на рассвете 17-го числа 7-го лунного месяца, Тёсю обстреляли из пушек императорский дворец и начали массированное наступление на город. Но защищавшие дворец войска Хитоцубаси, Аидзу, Кувана, Хиконэ, Сацума и других кланов отбили нападение, выстояли в тяжелом оборонительном бою и, в конце концов, обратили противника в бегство. Нас с Кисаку в это время не было в Киото (мы как раз набирали в Канто новобранцев), поэтому всех подробностей этих боев я не знаю, но, насколько можно судить, это была редкостная по напряжению битва. Тёсю понесли огромные потери; с противоположной стороны наибольшее число убитых и раненых было в войсках клана Аидзу.

После подавления мятежа, поднятого Тёсю, даже такие их бывшие союзники, как клан Сацума, стали ратовать за примирение между *бакуфу* и императорским дворцом.

Естественно, в результате этих событий значительно выросло могущество князя Хитоцубаси, который в это время носил уже носил звание Генерал-губернатора Киото и хранителя Запретного города, а также степень влиятельности его окружения. Поэтому всех нас, служивших у князя, теперь старались всячески приветить представители самых разных кланов - и, прежде всего, их управлений внешних сношений. Да, собственно, и общее число хлопотунов и посредников, увивавшихся вокруг дома Хитоцубаси, чрезвычайно увеличилось... Конечно, вокруг князя всегда было достаточно много просителей и ходатаев, готовых взять на себя решение каких-то

---

⁹⁷ В мае 1863 г. войска Тёсю обстреляли американское торговое судно, проходившее через пролив Симоносэки; позднее обстрелу подверглись также французские, английские и голландские суда.

закулисных вопросов, но сейчас добровольные помощники и советчики просто бродили толпами...

Надо сказать, что люди эти были просто-таки мастерами по части уговоров, услуг и одолжений: «Не могли бы Вы посодействовать, чтобы нас освободили от службы по охране таких-то дворцовых ворот?». Или: «Глава нашего клана прибывает в столицу. Не могли бы Вы посоветовать, как сделать так, чтобы во время высочайшей аудиенции...»

Стремясь заручиться поддержкой вассалов Хитоцубаси, эти ходоки присылали нам огромное число всяческих приглашений: «Покорнейше просим Вас пожаловать на прием, имеющий место быть в квартале Гион по случаю прибытия господина такого-то...» Или: «Просим пожаловать в Тогано на прощальный ужин по случаю отъезда на родину господина такого-то...» Или: «Имярек был бы счастлив встретиться с Вами и иметь частную беседу. Просим Вас пожаловать вечером на прием...» И таких приглашений, повторяю, поступало великое множество.

Дело ронинов из Мито

Между тем в начале 12-го месяца [1864 г.] *ронины* и самураи из Мито стали продвигаться из района Канто на запад. Князь Хитоцубаси лично возглавил экспедицию против повстанцев; сначала он вывел правительственные войска к Оцу, а затем, по мере получения сведений о продвижении *ронинов*, прошел вдоль западного побережья озера Бива через Катада и Имадзу к Кайдзу.

Кисаку тогда, помнится, по делам службы отправился в Тюгоку⁹⁸, а я был прикомандирован к этой экспедиции в качестве ординарца Курокава.

Главная причина, по которой *ронины* из Мито двинулись на запад, коренилась, как я уже говорил, в расколе этого клана на две враждующие группировки, несовместимые, словно лед и пламень. Вожаки одной из них - Такэда Коунсай, Фудзита Косиро и некоторые другие - не смогли ужиться с людьми из второй группировки прежде единого клана и скоро, как это часто бывает, стали просто непримиримыми врагами. Весной [1864 г.] одна из группировок, а, точнее, Итикава Содзаэмон и его люди из партии «Сёсэй» обвинили сторонников Такэда в подготовке вооруженного мятежа и обратились к *бакуфу* с просьбой послать войска «для усмирения смутьянов». В клане вспыхнули волнения... Такэда и его соратники из партии «Тэнгу», единые в том, что страну нужно закрыть для иностранцев, не смогли покорно подчиниться таким мерам правительства и ушли в горы. Самураи Такэда заняли Цукуба, Охира и другие господствующие высоты и несколько раз отбивали наступления войск *бакуфу*, но в конце концов были рассеяны. Такэда и Фудзита с остатками своего отряда решили по горным дорогам выйти к Киото, где они хотели обратиться к князю Хитоцубаси с просьбой решить, кто прав, а кто виноват, а также снять со своих сторонников ложные обвинения...

И мне думается, что сейчас мы должны попытаться понять мотивы действий этих людей и - независимо от того, как они поступали - почувствовать к ним сострадание, ибо помыслы их были кристально чисты...

Но тогда *бакуфу* посчитало выступление Такэда и его товарищей обыкновенным мятежом и выслало на их перехват войска, которые поначалу возглавил Танума Окитака. В княжества, лежавшие на пути Такэда, были посланы приказы любыми силами остановить «бунтовщиков». Князь Хитоцубаси как Генерал-губернатор Киото и хранитель Запретного города тоже не мог безучастно наблюдать за происходящим и безотлагательно испросил у императорского двора разрешение самому выступить в поход и возглавить правительственные войска. Вместо себя он оставил в Киото своего младшего брата Акитакэ, который как раз в то время находился в столице. Цель Хитоцубаси состояла в том, чтобы выяснить маршрут движения *ронинов* и остановить их, не дав беспорядкам докатиться до стен императорского дворца в Киото.

---

⁹⁸ Тюгоку - область в центральной части главного японского остова Хонсю, включает территории нынешних префектур Окаяма, Хиросима, Ямагути, Симанэ, Тоттори.

Однако в тот день, когда князь со своими войсками достиг Кайдзу, пришло известие, что *ронины* вышли к Иманосё в провинции Этидзэн⁹⁹ и там сдались командующему войсками клана Кага господину Нагахара Дзинситиро. Нагахара послал депешу с этим известием князю Хитоцубаси, и тот приказал разоружить пленных и содержать их в Кага под стражей с тем, чтобы впоследствии передать Танума. В конце 12-го месяца все войска вернулись в Киото.

Вскоре после этого клан Кага действительно передал пленных Танума, но тот, вместо того, чтобы провести детальное расследование и попытаться найти истинную причину выступления, обвинил всех самураев Такэда в неповиновении и единым махом объявил мятежниками. Такэда, Фудзита и еще около 180 «зачинщиков» вывезли в порт Цуруга и там казнили. Мне рассказывали, что из всех арестованных в Кага смерти удалось избежать только носильщикам, обслуживавшим отряд - казнь им заменили ссылкой...

Вот такая случилась тогда трагическая история... В то время в Киото нашлись люди, которые порицали князя Хитоцубаси за то, что он передал сдавшихся в плен воинов из Мито прямо в руки правительства; говорили и о том, что князь явно склонился перед *бакуфу*, что можно было бы проявить к пленным больше человеческого сострадания. Но мне представляется, что те, кто так думал, требовали от князя невозможного...

Решительно отвергаю соблазны «веселых кварталов»...

Наконец, и этот год подошел к своему закату. Наступил Новый год, первый год периода Кэйю [1865 г.]. Как я уже говорил, в самом конце предыдущего года в Киото установилось временное затишье. Но зато резко оживились отношения между Хитоцубаси и другими кланами. Курокава Кахэй, который теперь исполнял должность главного управляющего дома Хитоцубаси, получил полный контроль над делами клана и, следовательно, нашего управления. Текущими связями с представителями других кланов занимался уже упоминавшийся Кавамура Сёхэй, который тогда тоже служил в нашем управлении и по должности стоял на одну ступеньку выше меня. Как подчиненные Курокава мы были обязаны ходить вместе с ним на всякого рода приемы и вечеринки, которые случались почти ежедневно: сегодня нас приглашали поужинать самураи из клана Тикудзэн, завтра - из Кага, а послезавтра в одном из чайных домиков квартала Киямати нас с неподдельной радостью встречал некто Окамото Хансукэ...

Конечно, и на этих вечеринках нам доводилось встречаться с людьми, которых по-настоящему заботили судьбы Отчизны, людьми, которые заинтересованно обсуждали действия правительства или международное положение. Но в большинстве своем самураи приходили на такие встречи только для того, чтобы выпить изрядное количество *сакэ*, да, как говорится, «оценить красоту цветов и изящество ивовых деревьев», то бишь насладиться прелестями столичных красоток.

Я не был любителем подобного времяпровождения, но не ходить на такие вечеринки не мог, ибо они были обязательной частью протокольного общения между самураями различных кланов. К тому же мы никогда не были во время этих встреч на первых ролях, а посещали их по долгу службы, только как подчиненные Курокава.

Пирушки эти с неизменными возлияниями проходили в Гион, Киямати и других значных районах столицы почти каждый вечер, и, конечно, у нас, людей молодых, был большой соблазн всецело отдаться во власть легкомыслия. Но мы изо всех сил старались обуздать наши желания, быть сдержанными и благоразумными, ибо дали себе слово не участвовать в подобных развлечениях и твердо ему следовали. Как ни хотелось нам, что называется, «унестись в море чувственных наслаждений среди зеленого вина и красных фонарей», мы проявили твердость и ни разу не позволили себе предаться этим удовольствиям, не выпили ни капли вина и не приблизились ни к одной из женщин.

Курокава было тогда на вид около 50-ти, а мы были в самом расцвете, лет по 25-26, так что все только удивлялись, как это среди загулов, которым предаются самураи из разных кланов, мы ухитряемся избегать развлечений и до сих пор не закрутили роман ни с одной из гейш.

---

99 Ныне территория провинции Этидзэн входит в префектуру Фукуи.

Помню, в начале 1-го года Кэйо [1865 г.], когда мне исполнилось 26 лет, стояли очень сильные холода. В один из вечеров я, как обычно, сопровождал Курокава, который засиделся далеко за полночь в одном чайном домике на восточном берегу реки Камогава. Вечеринка, наконец, закончилась, и все стали расходиться. Служанка повела меня в спальню, но не в ту, которую я обычно занимал, а в другую. Там у расстеленной постели сидела женщина.

- Что все это значит? - в полном недоумении спросил я служанку.

- Да это Таю-сан¹⁰⁰ заметил, что Вы были не в духе, вот и приказал прислать Вам женщину...

Гнев захлестнул меня. Не помня себя от ярости, я стал одеваться, молча отбиваясь от всполошившихся женщин, которые пытались меня остановить.

- Да оставьте вы меня, наконец! Мне нужно идти! Дело есть! А если Таю спросит, то так ему и скажите: ушел, мол, по спешному делу!..

Оставив женщин, я быстрым шагом вышел из гостиницы и был уже у малого моста на Третьем проспекте, когда меня с криками «Стойте! Погодите!» стал нагонять Курокава. Я остановился.

- Пройдемся? - улыбнулся он. Довольно долго мы шли медленным шагом в полном молчании.

- С чего это ты вдруг отправился домой вместо того, чтобы заночевать со мной в гостинице? - заговорил, наконец, начальник.

- Да так, захотелось... - нехотя ответил я.

- Ладно, брось, - перебил меня Курокава. Он вдруг стал совершенно серьезным. - Послушай, ты меня извини. Не сердись. Я повел себя непростительно...

- Да я и не сержусь. Наоборот, это я должен извиниться за то, что не воспользовался Вашей любезностью. Но несколько лет тому назад я дал себе слово, что...

- Нет, это мне должно быть стыдно, - снова перебил меня начальник. - Да, если бы все были такими, как ты... На тебя действительно можно положиться в самых серьезных делах...

Я был очень тронут его словами. До того Курокава никогда меня не хвалил, а тут я впервые заслужил его высокую оценку, пусть даже по совершенно пустячному поведению...

Думаю, что этот случай упрочил и мое служебное положение... По крайней мере, во 2-ом лунном месяце года Быка [1865 г.] я снова получил повышение и стал *кодзюнин* - десятником. Жалованье мое тоже выросло и составляло теперь 17 *коку* 5 *футти*, а ежемесячное денежное довольствие - 13 *рё* 2 *бу*. Я также получил право на аудиенции у князя Хитоцубаси. И если до этого я был в нашем Управлении на вторых ролях, то теперь мне стали поручать более ответственную работу.

Итак, в течение неполного года, который прошел со дня моего прихода в дом Хитоцубаси, я за свою усердную службу дважды удостоивался повышения! Но, с другой стороны, я продолжал служить все в том же Гоёдансё, Управлении внешних сношений клана, и служба моя не приносила никому никакой пользы. Все так же наезжали в Киото самураи из разных кланов, которые в большинстве своем плыли по течению жизни и не интересовались ничем, кроме приемов и пирушек. Все так же на этих пирушках за рюмкой *сакэ* велись пустопорожние разговоры о государственных делах... Зачем мне это? Для чего? Я чувствовал, что если тотчас же не найду себе достойного дела, которое будет приносить хоть какую-то пользу людям, то мне придется оставить службу.

И тут мне в голову пришла одна интересная идея...

---

100 Так они называли между собой Курокава - Прим. автора.

ТРУДНОСТИ РЕКРУТСКОГО ПРИЗЫВА

Я предлагаю набирать пехотинцев для клана Хитоцубаси

Идея эта состояла в следующем. Как известно, у самурайского дома Хитоцубаси до сих пор не было ни одного собственного воина, если не считать так называемого ближнего круга - сотни бойцов личной охраны князя. Они, конечно же, прекрасно владели всеми воинскими искусствами, но их задача состояла не в том, чтобы противостоять противнику в открытом бою, а в том, чтобы защищать своего господина.

Кроме того, у клана было еще небольшое число так называемых пехотинцев (*окати*), но по слабости военной подготовки их и за солдат-то никто не считал. Был еще небольшой отряд, вооруженный европейскими винтовками. Эти люди уже больше походили на настоящую пехоту и при случае могли драться по-настоящему (сегодня здесь с нами находится Окубо, который как раз в то время и нес эту службу). Но, повторяю, их было мало, общим числом взвода два... нельзя даже сказать «солдат», потому, что они хоть и назывались солдатами, но по-настоящему не были обучены военному делу. К тому же нужно учитывать, что пехотинцы эти находились в прямом подчинении военного правительства и по существу были в клане на положении наемников. Так что стоило только *бакуфу* дать приказ - и клан Хитоцубаси моментально оказался бы без единого воина.

Конечно, так уж истари велось, что глава дома Хитоцубаси всегда был главным советником сёгуна и не нуждался в каких-то особых воинских соединениях, но ведь сейчас господин Хитоцубаси Ёсинобу назначен главнокомандующим обороной столицы, а главнокомандующий без армии... - это по меньшей мере странно.

И в один прекрасный день я пришел со своими идеями к Курокава.

- Господин Курокава, - сказал я ему. - В слове «*сюэй*» - «оборона» - два иероглифа, которые значат, соответственно, «защита» и «охрана». Но как можно следовать высочайшей воле, не имея войск? О каких таких «защите» и «охране» можно вести речь? Какая же это «оборона»? Одна видимость. Что, разве не так? Что могут сделать в трудную годину какие-то два взвода? Да ведь *бакуфу* и этих-то людей может в любой момент отозвать, и тогда мы остаемся буквально с голыми руками, без единого солдата! Как же можно говорить о том, что Его Светлость должным образом исполняет обязанности Генерал-губернатора Киото и хранителя Запретного города, если...

- Понял, понял, - перебил меня Курокава. - Ты все правильно говоришь, но что нам делать-то? Мы ведь подчиняемся *бакуфу*, которое и дает нам этих солдат... А потом... ну ладно, допустим, клан сможет выделить на содержание солдат 15 тысяч *рё* и 5 тысяч *коку* в месяц, но где мы людей столько наберем? К деньгам-то люди нужны!

- С Вашего позволения, хочу поделиться одной задумкой. А что, если в пехоту брать крестьян с земель Хитоцубаси? Ну, хоть тысячу человек-то мы сможем набрать! А на те деньги, о которых Вы говорили, из них вполне можно сформировать пару настоящих, боевых батальонов.

- Да, мысль неплохая. Но почему ты так уверен в том, что нам удастся набрать столько людей? Как это вообще нужно делать? Если знаешь - скажи, составим детальный план действий...

- Мне кажется, что знаю. Но я хотел бы еще раз все обдумать и, с Вашего позволения, если представится такая возможность, доложить обо всем непосредственно нашему господину...

- Ладно, - согласился Курокава. - Я тотчас же переговорю с князем.

Мои предложения принимаются

Для того, чтобы получить аудиенцию у князя Хитоцубаси установленным порядком, нужно было пройти утомительную процедуру. Однако я уже несколько раз до этого имел счастье лицезреть Его Светлость и даже разговаривать с ним. В первый раз это случилось после моего возвращения от Орита, потом было еще две или три аудиенции. Поэтому на сей раз князь

принял меня буквально через пару дней. Я был с господином предельно откровенен и говорил примерно следующее:

«Ваша Светлость, для того, чтобы в полной мере исполнить возложенные на Вас высокие обязанности Генерал-губернатора Киото и хранителя Запретного города, вам непременно нужно иметь под началом собственные вооруженные отряды. А для того, чтобы организовать такие войска, нужно перво-наперво позаботиться о пехоте. Мне кажется, что лучше всего было бы набрать пехотинцев из крестьян, живущих на Ваших землях. Но делать это нужно с особым тщанием; если положиться на местные власти, то толковых рекрутов нам не набрать... Для этого нужно Вашим приказом назначить в Киото человека, ответственного за набор новобранцев. Он должен сам объезжать деревни, собирать крестьян и объяснять им, почему в нынешние времена так важна воинская служба в Ваших частях, почему их священный долг - стать под знамена Вашей Светлости.

И если бы Вы, Ваша Светлость, изволили осведомиться, кого я вижу на такой должности, то я, недостойный, попросил бы поручить это дело мне. Может быть, это нескромно, но я хочу откровенно Вам сказать, что я костыми лягу, чтобы непременно и как можно быстрее набрать потребных Вам людей и создать из них прекрасно обученные войска, превосходящие воинские части прочих кланов».

Мои предложения были приняты, и через два дня я был назначен офицером, ответственным за призыв новобранцев в пехотные войска Хитоцубаси. К этому времени в клане уже действовал военный комиссариат во главе с Курокава, в который входили несколько ответственных лиц. Как офицер, ответственный за призыв в пехоту я, естественно, оказался в их числе. Приказ о моем зачислении на новую службу я, помнится, получил 28-го дня 2-го лунного месяца [1865 г.]...

Тогда мне, грешным делом, казалось, что стоит только поманить крестьян, как выстроится длинная очередь из людей, желающих записаться в солдаты и покинуть родные места, как это сделал в свое время я сам...

Дом Хитоцубаси получал 15 тысяч коку риса с земель в провинции Сэтцу, 7-8 тысяч коку - с Идзуми, 20 тысяч - с Харима, около 33 тысяч - с Биттю и еще около 20 тысяч с земель, расположенный на востоке Японии, в районе Канто¹⁰¹. Землями в Биттю занималась отдельная управа клана, которая находилась в Ибара, а остальными тремя участками - специальное управление, расположенное в осакском районе Кавагути. Финансовое ведомство клана - а оно находилось в Киото - направило в Ибара и Кавагути официальные письма, в которых сообщалось, что к ним выезжает офицер по призыву в пехоту по имени Сибусава Токудаю¹⁰², все указания которого подлежат неукоснительному выполнению...

Прежде всего я в сопровождении младшего офицера по имени Сунага (сейчас он живет в Сэнгокубара) отправился в осакское управление. Собрав там всех служащих, я попытался объяснить им важность стоявшей перед всеми нами задачи.

«Да, эта задача действительно очень важна, - нехотя согласились со мной слушатели - Но для ее успешного решения Вам прежде всего нужно выехать в Биттю. Если там получится, то и здесь дело пойдет! Поезжайте!». Начальник осакского управления тоже говорил о моей миссии как о совершенно рутинном деле.

Я ответил, что готов прислушаться к их рекомендациям и выехать в Биттю, но в середине четвертой луны, завершив свои дела там, обязательно вернусь, предварительно уведомив их о точной дате своего приезда, и буду продолжать работу в Харима. На том мы и распрощались. 4-го числа 3-го лунного месяца я выехал из Осака.

---

¹⁰¹ Идзуми и Харима - провинции, теперь входит в префектуру Хёго. Провинция Биттю - ныне часть префектуры Окаяма.

¹⁰² Именно такое имя мне было приказано носить с момента зачисления на службу в дом Хитоцубаси, и я, конечно, этому приказу следовал. - Прим. автора.

Неожиданные затруднения

Проведя в дороге почти пять дней, в 8-ой день 3-го лунного месяца я прибыл в деревню Ибара провинции Биттю. Но еще накануне, поздно вечером, десять самых уважаемых жителей деревни во главе со старостой вышли приветствовать меня на почтовую станцию Итакура. Здесь находился замок местного князя, *фудай дайме*¹⁰³, поэтому встретили меня исключительно учтиво, вплоть до того, что когда мы проходили по улицам городка, то мои сопровождающие кричали прохожим: «На колени! Кланяйтесь!» И - не скрою - тогда я думал, что это укрепляет мой авторитет. Я и сам, выезжая из столицы в провинцию, стремился произвести должное впечатление на крестьян и потому повсюду перемещался в паланкине с длинными ручками в сопровождении копьеносцев в длинных форменных накидках. В *бакуфу* такими паланкинами могли пользоваться лишь сановники, имевшие право лицезреть сёгуна. Соответственно, по примеру центрального правительства, в клане Хитоцубаси паланкин тоже полагался только тем, кто имел право аудиенции у князя. Хотя, честно говоря, такие почести новоиспеченному самураю вроде меня были явно не по чину.

На следующий день мы прибыли в деревню Ибара в уезде Сицуки, которая лежала на землях Его Светлости в провинции Биттю. Я собрал в управе старост близлежащих деревень и предложил им как можно быстрее собрать по деревням людей, которые хотели бы идти в солдаты. Выбирать следовало из вторых и третьих сыновей в семьях. Начальник управы и все собравшиеся клятвенно уверили меня, что они обязательно оповестят всех юношей с тем, чтобы те сами пришли ко мне и я бы смог с ними переговорить.

День за днем созывал я крестьян, съездил в Сирасу, где была резиденция представителя сёгуна, и попросил его тоже собрать старост окрестных деревень и объяснить им, как важно набрать солдат для Его Светлости. Словом я, что называется, стучался во все двери.

Каждый день ко мне приходило множество людей, но ни один из них - ни один! - не хотел идти в солдаты. Я был просто обескуражен. Если бы такой шанс представился мне, то я бы просто прыгал от радости! А они... Ну почему они отказываются?!

Я стал приводить более тонкие доводы:

- Не знаю, что вы думаете о нынешнем положении в стране, - говорил я своим собеседникам, - но могу вас уверить в том, что в ней не всегда будут царить тишь да гладь! Не сегодня-завтра вспыхнет война. Думаете, что вы, крестьяне, сможете отсидеться в сторонке? Вы же молодые, здоровые ребята! Пойдете сейчас на службу, будете стараться, попадетесь на глаза начальству, подниметесь до небес, знаменитыми станете! Что, хотите всю жизнь крестьянствовать, в грязи копошиться? По-моему, на службе много лучше!.. Вот я, например, тоже раньше был крестьянином, но увидел, что в стране творится, и решил служить нашему князю. А теперь - сами видите - в гору пошел, начальником сделался!

То таской, то лаской, не мытьем, так катаньем - всеми доступными мне способами я пытался заманить крестьян на службу. Но - увы! Несмотря на все усилия, мне не удалось завербовать ни одного человека. Ни единого!

Я был совершенно ошеломлен. Ну почему они не идут?! Ведь не случайно же, в самом деле? Должна же быть какая-то причина? В чем она? Я терялся в догадках.

И потом, я ведь сам напросился на эту работу! И что теперь? Не могу же я вернуться в Киото, развести руками и сказать: «Простите, с призывом у меня ничего не вышло?»

---

¹⁰³ В иерархии сёгуната четко различались кланы, главы которых (*дайме*) в свое время выступили на стороне Токугава Иэясу в битве при Сэкигахара (1600 г.), и те, которые подчинились сёгунскому дому позднее. Первые именовались *фудай дайме* (слово «*фудай*» означает «находящийся на наследственной службе»), вторые - *тодзама дайме*, то есть «сторонние» *дайме*. По правилам, установленным еще Токугава Иэясу, лидеры «сторонних» кланов не допускались к государственным должностям, должны были платить повышенные единовременные налоги, в большем, чем *фудай дайме*, объеме выполнять работы в пользу военного правительства и т.п.

Деревенские праздники

Я в очередной раз собрал старост окрестных деревень и попросил их больше не присылать ко мне крестьян.

- Да, кстати, - как бы невзначай продолжал я, - а нет ли у Вас в округе умелых фехтовальщиков или тех, кто разбирается в конфуцианских науках?

- Как же, имеются. Фехтованию на мечех учит Сэкинэ-сэнсэй, а наукам - Сакатани-сэнсэй. У него своя школа в деревне Тэрадо, Кодзёкан называется.

- Вот как? Да-да, припоминаю, мне много хорошего рассказывали об учителе Сакатани Кихатири, - подхватил я. - А нельзя ли нанести ему визит?

Я тотчас же послал Сакатани китайское стихотворение собственного сочинения, не забыв приложить к нему баклажку сакэ и записку с нижайшей просьбой позволить мне завтра побеспокоить учителя своим посещением. Из всего посланного стихотворения помню, к сожалению, только заключительную строфу:

Прежде себя посылаю румяного друга,¹⁰⁴

Чаю в покоях Ваших изведать весну без границ.

На следующий день я прибыл в Кодзёкан. Мы долго обсуждали с сэнсэем и его ведущими учениками положение в стране, а потом я пригласил их к себе в гостиницу поужинать. За столом Сакатани неожиданно завел разговор об открытии портов. Он считал, что их непременно надо открыть. Я возражал, убеждая сэнсэя, что открыв порты, мы уже никогда не сумеем избавиться от иноземцев. В этой полемике мы зашли достаточно далеко, как вдруг Сакатани сказал:

- Господин Сибусава, я понимаю, Вы - лицо официальное. Но давайте хоть сегодня поговорим без обиняков, как простые люди...

- Согласен. Думаю, это будет правильно, - ответил я. Отбросив формальности, мы допоздна просидели за вином и откровенными разговорами. Не скажу, что ледок отчуждения между нами полностью растаял, но время прошло просто замечательно.

Теми же днями я посетил дом некоего Икэда Тандзири и попросил его устроить показательный бой между мной и местным учителем фехтования господином Сэкинэ. Сэкинэ оказался далеко не так силен, как считалось. Пропустив несколько моих не самых мощных ударов, он признал себя побежденным.

После этого обо мне заговорили по всей округе. «Смотрите-ка, - думали, наверное, крестьяне, - а этот-то, из Киото, не таков, как обычные надувшиеся начальники! И науки знает, и на мечех дерется!»

А дальше дело пошло по пословице: «Один сказал, двое откликнулись...» Известность моя ширилась, из соседних деревень в гостиницу потянулись парни, имевшие склонность к наукам и боевым искусствам. Каждый день у нас проходили то ученые споры, то показательные бои...

Однажды я спросил крестьян, не будет ли у них в ближайшее время какого-нибудь храмового праздника или другого интересного события. Как оказалось, вскоре они собирались всем миром выйти на ловлю морского окуня. Мы с учениками Сакатани и другими деревенскими парнями тоже отправились к морю...

Ловили окуня просто: в море неподалеку от берега забрасывали с лодок сеть, а потом сводили ее концы вместе. Рыбы вполне могли бы поднырнуть под сеть (она была без дна), но вместо этого выпрыгивали из воды и попадали прямо в руки рыбаков. Причем окуня было так много, что весь участок моря казался красным...

---

104 То есть вино. - Прим. автора.

Полюбоваться этим зрелищем собралось множество зевак. Они не только подбадривали с берега рыбаков, но и весьма успешно боролись с избытком принесенного с собой *сакэ*, опрокидывая одну баклажку за другой и закусывая очень дешевой в этот день рыбой. Мы тоже нарезали себе свежей рыбки, выпили *сакэ*, почитали любимые стихи - словом, славно провели время...

Решительный разговор со старостами деревень

Через несколько дней после этого ко мне пришли двое парней из Ибара и трое юношей из другой деревни и заявили, что хотят отправиться в Киото и поступить на службу к Его Светлости князю Хитоцубаси.

- Похвально, - сказал я им, стараясь не выдать своей радости. - Похвально, что вы выражаете такое желание. Но одних слов мало. Напишите-ка вы мне заявления с просьбой принять вас на службу. Образец я дам.

Они так и поступили, а я, уже не скрывая своей радости, собрал все бумаги и в тот же вечер снова пригласил к себе в гостиницу старост окрестных деревень «для серьезного разговора».

- Уважаемые, я пригласил вас для того, чтобы обсудить один вопрос. Почему, несмотря на все призывы и увещевания отдать из крестьянских семей вторых и третьих сыновей на службу в Киото ни один человек из ваших мест (кстати говоря, земель князя Хитоцубаси) не выказал желаний послужить своему господину? Точнее, почему так было до сего дня? Сегодня уже начали поступать такие просьбы, подано пять заявлений - вот они! Причем, заметьте, двое из подателей - старшие сыновья в семьях! Почему, я вас спрашиваю, мне, человеку постороннему, который знает ваших крестьян без году неделю, удалось найти среди них пятерых добровольцев, а вы среди сотен крестьян в ваших деревнях ни нашли ни одного?! Этому должна быть причина! И, сдается мне, что причина эта проста: кто-то нам мешает, кому-то очень не хочется, чтобы мы вместе и сообща сделали важное дело! А если это так, то прошу вас запомнить раз и навсегда: вы очень, очень сильно ошибаетесь, если думаете, что я - такой же, как прочие подчиненные Хитоцубаси, которые только бездельничают да жалованный рис делят! Нет, была бы моя воля, я бы тут же, на месте порешил с десятком старост-саботажников! Хватит, наконец, дурака из меня делать!! Можете не сомневаться - вижу я все ваши хитрости да уловки насквозь, все вижу! А дело-то простое: это наверняка *дайкан* да другие чиновники всему противятся. Ведь верно, а?! Но я вам вот что скажу: если только это так, если это действительно саботаж, то мне все равно, что староста, что *дайкан* - пощады никому не будет! Я ведь сам вызвался ехать сюда рекрутов набирать, сам и ответ держать буду! Так что терять мне нечего! И на полумерах я не остановлюсь!.. Ну что, может, перестанете, наконец, в прятки играть и расскажете, что тут у вас творится?!

После недолгой паузы один из старост выступил вперед и произнес:

- Видать, господин офицер и вправду все знает... Так чего нам теперь таиться? Надо рассказать все, как на духу...

- Да-да, сказывай, сказывай, - загомонили остальные.

- Вы уж извините меня за прямоту, - начал староста, - но господин *дайкан* нам и вправду сказал, что сейчас вокруг дома Хитоцубаси крутится много разных проходимцев, что нынешний его главный управляющий, Курокава этот, он, мол, из низкородных и тоже плут изрядный, разными кознями-то как раз быстро наверх и вознесся. А потому и *ронинов* привечает, что сам из их же братии. И как ударит ему что в голову, так и шлет по деревням своих людей с приказами... И еще говорил *дайкан*, что если хоть раз дадим им потачку, то попадем в большую беду. И что начальство нужно уважать, но лучше держаться от него подальше. И что если мы скажем, что никто не хочет идти в солдаты, то от нас и отстанут. И еще он говорил, чтобы мы держали рот на замке, иначе нам всем не поздоровится... Вот, все как на духу...

Староста на мгновение остановился и продолжал:

- А желающих у нас много, Вы не сомневайтесь, это мы только говорили, что никто не хочет, да парням наказали. Но кому-то из наших, видно, очень понравилось, что Вы и на мечях бьетесь, и

ученье знаете. Вот они и пришли, как мы их не отговаривали... И еще... Вы уж извините, коли что не так, но мы Вас вот еще о чем попросить хотели... Ведь как оно: ежели узнает кто, что мы Вам все рассказали, то бог весть, что с нами со всеми случиться может.. Мы же старосты, нам же еще при этом *дайкане* служить и служить... Рассчитываем на Ваше снисхождение, - церемонно закончил он.

- Ну, теперь мне все ясно, - увидев, что старосты во всем признались, я немного смягчил тон. - Так и быть, если наберется достаточно желающих служить, то... Да, а с *дайканом* я поговорю. А вам ничего не будет, не бойтесь... Кстати, я ведь еще не раз сюда приеду, так что запомните: если что...

- Да что Вы, что Вы... Да мы бы никогда... Если бы не *дайкан*... Вы уж не извольте беспокоиться... - забормотали крестьяне, низко кланяясь.

Стало ясно, что препятствий для набора рекрутов больше не будет, и на следующий день я отправился к самому *дайкану*.

Я переубеждаю *дайкана*

В отличии от крестьян, с *дайканом* нельзя было говорить откровенно, поэтому я избрал другую тактику. Придя в управу, я принял озабоченный вид и с порога пустился в самые серьезные рассуждения:

- Как Вам известно, глубокоуважаемый господин *дайкан*, я уже довольно длительное время пытаюсь убедить местных молодых крестьян пойти на службу к господину Хитоцубаси. Но видно, вербовщик из меня никудышный, потому как, к сожалению, ни один из них на это пока не согласился... Поэтому с завтрашнего дня я начну все снова и попытаюсь действовать по-другому. Буду говорить примерно так:

«Вы знаете, что у Хитоцубаси нет своих войск. Призвать крестьян в новые войска - это искреннее чаяние самого князя Хитоцубаси Ёсинобу. Он сам мне об этом говорил!

Вы знаете, - скажу я им, - что сейчас Его Светлость возложили на себя ответственность за оборону Киото, а поскольку нельзя оборонять столицу, не имея ни единого солдата, то нам нужно как можно быстрее набрать рекрутов. Конечно, теперь это все равно, что «завидев вора, начинать вить веревку», но лучше поздно, чем никогда. И потому мне было поручено как можно скорее найти желающих поступить на эту почетную службу из числа вторых и третьих сыновей в крестьянских семьях. Иными словами я, недостойный, был назначен офицером по особым поручениям, ответственным за набор и подготовку пехоты».

- Да, вот так я им скажу, - продолжал я, обращаясь к *дайкану*, - но ведь старосты ваши прямо говорят, что желающих идти в солдаты в деревнях нет. Почему - не знаю... Может - действительно нет, может - я что не так делаю, а, может быть, Вы не в полной мере используете свой авторитет... Но какова бы ни была причина, я призываю Вас, господин *дайкан*, крепко над всем этим поразмыслить... Допустим, я ничего не добьюсь, брошу все и уеду. Думаете, этим все и закончится? Нет, все далеко не так просто... Вы ведь должны понимать, сколь важна возложенная на меня миссия, какой долгий путь я проделал, чтобы добраться сюда...И если я вернусь домой не солоно хлебавши, то, ясное дело, не миновать нам всем расследования... Не знаю, насколько оно обеспокоит лично Вас, но мне почему-то кажется, что в результате такого расследования вполне может встать вопрос о том, что Вы как лицо ответственное за все происходящее на подведомственной Вам территории не в полной мере отвечаете должности правительственного чиновника... Завтра я еще раз переговорю с крестьянами. Думаю, что и Вам будет бесполезно сказать им несколько слов. Иначе я не смогу в полной мере ручаться за Вашу будущность... Я не так давно служу князю дому Хитоцубаси и не могу сказать, как Вы, что долгие годы пользуюсь его благосклонностью. Но ведь мы с Вами все равно один хлеб едим, одному господину служим. Поэтому я решил в интересах нашего общего дела быть с Вами совершенно откровенным. Прошу Вас хорошенько поразмыслить над всем, что я Вам сейчас сказал...

- Все понятно... - только и смог произнести на это сразу помрачневший *дайкан*. - Сказать по правде, я был с ними весьма строг. Ну что ж, значит, придется быть еще строже...

Успех миссии

Наутро я снова встретился с крестьянами. На этот раз все наперебой стремились записаться в солдаты, и за несколько дней только в Биттю я набрал более двухсот человек.

Но, что самое важное, ко мне начали приходить со своими просьбами старосты:

- Есть тут у меня в деревне один крепкий парень... - начинал один.

- Крепкий, говоришь? Значит, знаменосцем будет. Зови!

- А меня тоже есть один, бравый такой...

- Давай и braveго! Возьмем и его!

За короткий срок ко мне пришли более двадцати рекрутов, и я, наконец, успокоился: составил список призывников, сообщил им, когда они выходят в Киото и с легким сердцем отправился из Биттю в поездку по Харима, Сэтцу и Идзуми. Там уже все знали о том, как успешно прошла призывная кампания в Биттю, поэтому за рекрутами дело не стало: крестьяне записывались в солдаты по первому моему слову.

Всего призывников набралось 456 человек...

В середине 5-го лунного месяца я вернулся в Киото и сразу был принят Его Светлостью князем Хитоцубаси, который изволил меня похвалить и выразить полное удовлетворение проделанной мной работой. Кроме того, он пожаловал мне парадное платье и премировал пятью слитками серебра...

Вскоре в столицу из разных мест начали прибывать многочисленные новобранцы. Всех их размещали в буддийском монастыре Дайтокудзи в киотосском районе Мурасакино. В комиссариате было решено назначить над вновь прибывшими двух батальонных командиров из числа самураев, знакомых с европейскими методами формирования воинских частей. Труднее оказалось подобрать младших командиров, но и с этой задачей мы справились, и в 7-ом лунном месяце того же года формирование новых частей было завершено. Я все это время занимался подбором людей на разные командирские должности, снабжением и тому подобными делами, рассказ о которых был бы для Вас слишком утомительным...

ПООЩРЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И ВЫПУСК ЦЕННЫХ БУМАГ ДЛЯ КЛАНА ХИТОЦУБАСИ

Планы развития промышленности и сельского хозяйства

Пока я объезжал земли клана Хитоцубаси, занимаясь набором солдат для Его Светлости, мне в голову пришла пара интересных идей.

До сих пор дом Хитоцубаси жил за счет значительного денежного содержания, которое выплачивало ему токугавское правительство, однако было ясно, что вечно такое положение сохраняться не будет. Я стал размышлять о том, как улучшить управление хозяйством клана, хоть немного поднять доход с его невеликих земель, да и жителям этих земель дать приработок. В конце концов, это ведь теперь была и моя земля!

«Прежде всего, рассмотрим продажу риса, - рассуждал я. - Вот в Харима, как известно, собирают большие урожаи хорошего риса. Этот рис каждый год везут на продажу из Харима в Хёго. Но по недосмотру *дайкана*, видимо, связанного с местными перекупщиками, цены на рис из Харима остаются чрезвычайно низкими. А если этот рис напрямую продавать туда, где делают хорошее *сакэ*, например, в Нада или Нисиномия? Ведь там бы наверняка дали за него куда больше!

Далее. Харима славится свои хлопком и полотняными тканями, которые там производятся, что называется, в изобилии. Но я никогда не слышал, чтобы их на регулярной основе поставляли, скажем, в Осака. Если бы нам удалось обеспечить постоянный сбыт полотна на осакском рынке, то, глядишь, и производство бы его пошло в гору, да и люди дополнительные деньги бы зарабатывали...

Что еще? Вот в Биттю под старыми домами находят селитру. Кое-где ее даже уже начали разрабатывать, правда, кустарным способом. Спрос на селитру сейчас огромный, и разве мы не можем этот спрос обратить в наши доходы, всерьез занявшись ее добычей?»

Я продолжал размышлять дальше:

«Наши земли в Харима и Сэтцу ежегодно дают до десяти тысяч коку хорошего риса. А если продавать его чуть-чуть дороже, чем сейчас? Подсчеты показали, что при самом минимальном увеличении цены за год можно было получать до 5 тысяч рё дополнительной прибыли...»

Снова о хлопке и полотне. Может быть, разрешить поставлять их на осакский рынок, но брать за это пошлину и пускать на развитие того же производства селитры?...»

Напомню, что моя основная задача в тот момент (и я сам ее себе поставил) состояла в том, чтобы обеспечить рекрутский набор в пехоту Хитоцубаси. Но, сказать по правде, мне эта работа уже успела надоесть. Теперь меня интересовало другое: как увеличить доходы клана? Для начала я решил попробовать получить прибыль на тех, может быть, малозначимых участках деятельности, о которых только что было сказано.

Но прежде, чем продолжать свое повествование, я хотел бы сказать вот о чем. Когда я объезжал земли клана, то мне в голову пришла и еще одна, может быть, весьма банальная мысль: почему бы нам не воздать должное местным жителям, являвшим собой пример добродетели - например, детям, которые хорошо ухаживают за престарелыми родителями, или слугам, которые верой и правдой прослужили своим хозяевам многие годы? Мне показалось, что такие люди могут быть небезынтересны местным властям, и в своих поездках постоянно наводил справки и записывал их имена. Начал я список с уже упоминавшегося господина Сакатани, наставника школы Кодзёкан. Потом в него попала женщина из Биттю, в полной мере исполнившая свой дочерний долг, крепкий духом и телом одинокий старик, крестьяне, известные своим усердием и трудолюбием - всего более десятка заслуженных людей. По возвращении в столицу я передал их имена управляющим клана Хитоцубаси и попросил их, чтобы деяния этих людей как можно быстрее получили должную оценку. Мои предложения были приняты, все отличившиеся получили поощрения. В частности, Сакатани-сэнсэй был приглашен в Киото и удостоен аудиенции у князя, во время которой господин изволил выразить похвалу учителю и выделил его школе дополнительный рисовый паек.

После этого в провинции заговорили о мудрости князя Хитоцубаси, а многие люди прямо указывали на то, что в результате посещения их мест господином Сибусава власти стали намного лучше обходиться с простыми людьми. Иными словами, мой авторитет в провинции также вырос.

Меня назначают заместителем главы казначейства клана

Итак, я предлагал, во-первых, увеличить поставки риса на рынок в Осака, во-вторых, рассматривать полотно из Харима как важный для клана товар (и наладить торговлю им) и, в-третьих, завести в Биттю несколько селитроварен. С этими предложениями я обратился к Курокава и другим управляющим клана. Они нашли эти проекты чрезвычайно важными и поручили мне их выполнение.

Поскольку теперь моя работа оказалась связана с финансовой деятельностью, то осенью [1865 г.] я был назначен на должность заместителя главы казначейства клана Хитоцубаси с жалованьем в 25 коку 7 фути; кроме того, во время пребывания в Киото я получал дополнительно 21 рё денежного содержания. Одновременно мне было приказано также исполнять свои прежние обязанности в Гоёдансё - управлении внешних сношений клана.

Формально над должностью заместителя главы казначейства в иерархии находилась должность главы казначейства, но на самом деле всеми текущими финансовыми делами клана занимался именно заместитель главы ведомства - так было заведено в *бакуфу*, так, по примеру сёгунского правительства, было и в клане Хитоцубаси. Иными словами, я оказался на весьма и весьма высокой должности.

Как я уже говорил, сейчас передо мной стояла задача улучшить руководство финансовыми делами клана. Для ее решения я прежде всего заручился поддержкой своих действий со стороны всех ответственных лиц. Чиновники нашего ведомства тоже довольно быстро стали относиться ко мне с уважением, ибо поняли, что я взялся за дела клана всерьез и основательно. Фактически мне было поручено провести в клане полномасштабную финансовую реформу. У меня, конечно, не было никаких конкретных планов этой реформы, но я был уверен в собственных силах и полагал, что смогу наладить дела в хозяйстве, как до этого наладил набор рекрутов.

Итак, я стал приводить в порядок финансовые дела клана Хитоцубаси...

Для начала мне пришлось снова выехать в провинцию: сначала - в Хёго, чтобы разобраться с торговлей рисом, а затем - в Биттю, чтобы наладить работу селитроварен.

Селитроварня оказалась не столь прибыльной, как ожидалось, а вот с продажей риса дело устроилось как нельзя лучше: Мы установили цену на рис, который в землях Хитоцубаси всегда отличался высоким качеством, на 50 *сэн*¹⁰⁵ за коку выше тогдашней рыночной цены, и, вопреки сложившейся традиции, стали продавать его производителям *сакэ* не через посредников, а напрямую.

Для того, чтобы наладить закупки хлопка в Харима, я предложил напечатать в клане свои собственные банкноты, на которые можно было бы скупать хлопок и отправлять его в Осака оптовикам. Вырученные от продажи денежные средства должны были накапливаться в специальной конторе клана в Осака. Еще одну такую контору предлагалось основать в самой провинции Харима, в местечке Имайти. Она должна была контролировать закупки хлопка в Иннами, Така, Като, Касай и других окрестных деревнях, накапливать его запасы на складе, который находился в четырех *ри* от Имайти, а затем по мере необходимости направлять хлопок и полотно на продажу в Осака. Контора в Имайти также накапливала наличные металлические деньги, полученные от продажи хлопка и полотна с тем, чтобы желающие всегда могли обменять на них банкноты клана. Последнее представлялось мне особенно важным, ибо для завоевания доверия крестьян мы должны были убедить их в том, что они всегда смогут обменять полученные банкноты на привычную наличность.

К тому времени несколько княжеств уже выпустили в обращение собственные бумажные деньги, но их обменный курс быстро упал, и настоящим платежным средством они так и не стали. Поэтому, вводя в обращение наши банкноты, мы из всех сил старались себя обезопасить: во-первых, позаботились о том, чтобы иметь достаточный запас монеты, а, во-вторых, приняли самые строгие меры к тому, чтобы исключить утечку наших бумаг за пределы клана. В результате если уж наша банкнота имела номинал в один *моммэ*¹⁰⁶, то она всегда и стоила один *моммэ* серебром, а банкноту в десять *моммэ* всегда можно было обменять на десять серебряных *моммэ*.

Мы начали с того, что выпустили бумаг на 30 тысяч *рё*, планируя в дальнейшем довести их объем до 100 тысяч. Все приготовления были закончены к осени 1-го года Кэйю [1865 г.], а к весне следующего года бумаги уже полностью вышли в оборот. Пока все шло по задуманному.

Я продолжал намечать планы новых финансовых реформ в клане Хитоцубаси, когда в стране произошло одно очень печальное событие: осенью года Тигра [1865 г.] в Осака скончался четырнадцатый сёгун династии Токугава, Токугава Иэмоти. Новым, пятнадцатым главой сёгунского дома стал Хитоцубаси Ёсинобу.

---

105 Сэн - весовая и денежная единица, которая в старой Японии равнялась примерно 37,5 г.

106 Моммэ - весовая и денежная единица. Один моммэ равен 3,75 г.

На первый, поверхностный, взгляд, для меня этот ход событий был в высшей степени благоприятен: ведь теперь, следуя за господином, я бы мог достичь важных постов в правительстве. Но на самом деле хуже того, что случилось, для меня просто ничего не могло быть.

Так или иначе, в результате этих событий в моей судьбе произошел еще один поворот, и я уехал в Европу. Однако время у нас уже вышло, поэтому рассказ о моем третьем превращении я оставляю для новой встречи, а сегодня на этом свое повествование заканчиваю.

Конец второго свитка «Бесед дождливыми вечерами»

СВИТОК ТРЕТИЙ

Итак, я продолжаю рассказ о своей жизни с того места, на котором остановился в прошлый раз. Теперь я хочу рассказать о третьей своей метаморфозе. В прошлый раз, как вы помните, речь шла о том, как я поступил на службу к князю Хитоцубаси, как набирал рекрутов для войск клана, объезжая провинции Биттю, Харима, Сэтцу и Идзуми, и набрал их более пятисот человек, как вернулся в Киото. Рассказал я вам и о том, что в поездках по разным землям мне пришла в голову мысль провести в клане экономические преобразования, а именно - упорядочить торговлю рисом, наладить закупки полотна в Харима и начать в Биттю производство селитры. Все эти предложения были приняты правительством клана, и мне было поручено не только их выполнение, но и проведение в клане гораздо более широкой финансовой реформы. Я получил повышение по службе и был назначен заместителем главы казначейства клана Хитоцубаси (а в действительности стал отвечать за всю его финансовую деятельность).

В прошлый раз мой рассказ закончился на том, что я начал работу над своими тремя проектами и уже успел выпустить в клане бумажные деньги, но тут неожиданно скончался сёгун Иэмоти. Новым сёгуном Японии стал князь Хитоцубаси - Токугава Ёсинобу.

Успех трех предприятий

Как уже говорилось, получив новый пост в финансовом ведомстве клана, я сохранил за собой и прежнюю должность в управлении внешних сношений. Правда, честно говоря, оказавшись в казначействе, я свою предыдущую работу по существу забросил.

Если сравнивать мою должность в казначействе с нынешними, то можно сказать, что я был кем-то наподобие заместителя Министра финансов княжества. Как и во многих других организациях, в нашем финансовом ведомстве было множество правил и инструкций, так что новичку в этом деле нужно было потратить пару месяцев только на то, чтобы в них разобраться, не говоря уже о том, чтобы попытаться их реформировать. Руководство казначейства клана состояло из двух главных казначеев, трех их заместителей, собственно казначеев, а также людей, прикомандированных из других ведомств - всего около десяти человек. В подчинении же у них находились старшие счетоводы, младшие счетоводы, бухгалтеры, курьеры и т.п. - общим числом более сотни. В сферу ответственности финансового ведомства клана попадали также такие влиятельные фигуры, как *дайканы*, которые фактически управляли местными клановыми владениями...

Конечно, реформировать всю эту систему мне было не под силу, но я и не ставил такой задачи. Моя цель состояла в том, чтобы улучшить управление финансами, а посредством этого - и все управление хозяйством клана. Это, в частности, позволило бы направить средства на формирование воинских частей, подобных тем, какие были в других княжествах.

Я поделился своими соображениями с начальством, а также обсудил их с коллегами по работе, стараясь не упустить ни одной, пусть даже самой мелкой детали, постоянно советуясь с ними и пытаюсь понять, как улучшить работу на том или ином участке, что будет, если отдел А и отдел В объединить в один, а часть работы сектора С поручить сектору D... Я всячески подчеркивал, что мои предложения обоснованны, отвечают здравому смыслу, а самое главное, - что их осуществление реально улучшит положение клана.

В ходе напряженной работы над реформой финансовой системы мне поступило указание оставить пока эту деятельность и заняться двумя другими предложенными мною проектами.

Я выехал в Хёго, чтобы наладить продажу риса, который поступал сюда из Харима и Сэтцу. До того момента весь наш рис направлялся специальным торговым агентам, которые, как считалось, продавали его по сложившимся рыночным ценам. Фактически же всей торговлей заправлял осакский *дайкан*, который «за коробку конфет» мог позволить агентам продавать рис таким хитрым образом, что с каждого *коку* у продавцов оставался избыток в три *го*¹⁰⁷. Порок ситуации состоял в том, что и цена на рис, и объемы его продаж находились в руках одних и тех же людей - торговых агентов.

Как уже говорилось, рис из Харима и Сэтцу отличался высоким качеством, поэтому если бы мы стали продавать его (скажем, в Надо) непосредственно производителям *сакэ*, то за него можно было выручить на десять процентов больше, чем получали до сих пор. Это я и решил сделать.

Среди наших торговых агентов был один по имени Тодзицуя, который показался мне посмышленнее прочих. Я с ним договорился, и дело пошло. Результаты прямых поставок сказались сразу же: мы стали продавать рис дороже, чем в прошлом году, и теперь на каждый получаемый нами *рё* поставляли риса на 5 *го* меньше, чем прежде. Но вот какой тогда был урожай и сколько мы на этом выручили - этого я, к сожалению, уже не помню...

Затем я выехал на селитроварни в Биттю. Когда я занимался набором новобранцев, то познакомился с одним докой этом деле (его звали Сэкинэ), и теперь решил использовать его опыт. Кроме того, я переговорил с самыми уважаемыми крестьянами из окрестных деревень, и уверил их, что правительство поможет деньгами тем, кто займется производством селитры, а, кроме того, будет закупать всю производимую ими продукцию по твердым ценам. В результате этих переговоров в Биттю удалось запустить четыре селитроварни.

Потом я выехал в провинцию Харима, где занялся закупками полотна. Харима издавна знаменита своим хлопком и тканями - вы, наверное, знаете, что и сейчас прекрасное отбеленное полотно, из которого шьют одежду для жителей Токио, поставляется сюда именно из этой провинции. В те времена дом Хитоцубаси брал со своих земель в Харима, в основном, рис - до 20 тысяч *коку* в год. Однако местным жителям немало дохода давало и производство хлопка. К тому же, в отличие от риса, крестьяне могли свободно продавать хлопок или полотно в Осака, никаких ограничений для этого не было. Не так обстояло дело на землях Химэдзи. Здесь власти законодательно установили другую систему: весь хлопок, выращенный в их владениях, свозился в город Химэдзи, где из него делали полотно, отбеливали его и только потом продавали в Осака или Токио¹⁰⁸. Иными словами, за один и тот же рулон ткани в Химэдзи получали гораздо больше, чем в наших деревнях, где и тканей делали меньше, и продавали их дешевле. А между тем у нас и рабочих рук было много, и земли были благодатные - словом, и хлопок, и ткани можно было производить в изобилии.

В Химэдзи производство полотна считалось важным местным промыслом. Что нам мешало это сделать? Пусть земли у нас меньше, но это не должно было помешать властям взять производство хлопка под свое покровительство, а именно, покупать хлопок у производителей по более высоким ценам, найти более дешевый способ для переправки его в Осака или Эдо - и вот вам источник дохода для всего клана!

Для оживления же торговли и получения дополнительных прибылей я предложил выпустить в клане свои собственные ценные бумаги.

Выпуск банкнот

Эти бумаги были чем-то похожи на нынешние кредитные билеты или банкноты. Предлагая выпустить ценные бумаги я, в целом, не видел причин к тому, чтобы люди в нашем клане отнеслись к ним с каким-то предубеждением, ибо тогда такие бумаги уже в изобилии ходили в

---

¹⁰⁷ *Го* - мера объема, один *го* равен 0,18 л. Один *коку*, напомним, равен 180 л. Разница кажется небольшой, но присвоенные агентами объемы могли быть весьма значительными, поскольку в сделках фигурировали тысячи *коку*.

¹⁰⁸ Так у автора. Тогда Токио назывался Эдо.

разных кланах района Тюгоку и на острове Кюсю. Но было одно «но»: в теории все подобные бумаги можно было свободно обменивать на золото и серебро. Не так обстояло дело на практике: из всех выпущенных бумаг повсюду более-менее котировались лишь банкноты, выпущенные в княжествах Тёсю, Хиго¹⁰⁹ и Этидзэн. Остальные же, в том числе и бумаги Химэдзи, в других кланах хождения не получили, и даже при самом сильном желании за границей данного княжества даже за пачку таких его «денег» нельзя было купить и кусочка соевого творога *тофу*. Впрочем, и в самом выпустившем их княжестве такие бумаги чаще всего ценились ниже их номинала: так, например, банкнота достоинством в 100 *моммэ* оценивалась только в 30 *моммэ*. Так что выведенные на банкнотах цифры в действительности ничего не значили: реальная ценность этих бумаг определялась рынком. Помню, при выезде из Окаяма, у меня оставалось немного местных денег, которые не имели хождения за границей этого клана, так я был вынужден все их потратить, накупив массу ненужных вещей...

Главная причина падения ценности таких «денег» заключалась в том, что у выпустивших их кланов не было достаточного количества золота и серебра для обмена. По этой же причине меняльные конторы часто либо закрывались на неопределенный срок, либо вовсе прекращали обмен. Но самое ужасное было в том, что многие служащие клановых казначейств, имея доступ к таким деньгам, вывозили их за пределы клана и пытались сбывать, чтобы на этом хоть немного заработать. Поэтому не было ничего удивительного в том, что люди чаще всего не доверяли таким, с позволения сказать, деньгам, и всеми силами старались от них избавиться.

Я основательно поразмыслил над всеми этим и пришел к выводу, что бумажные деньги все же гораздо удобнее металлических монет, нужно только при их выпуске не повторять чужих ошибок и хорошо подготовиться к обмену банкнот на золото и серебро. А что касается высказывавшихся тогда возражений вроде того, что бумажные деньги могут сгореть, что их легко потерять, что ворами проще их красть и т.п. - то они были просто смешотворны; так говорили те, кто привык наживаться за счет казны, а нам не к лицу было за ними следовать. И, главное, я понял, что если мы в клане действительно хотим выпустить надежные деньги, то самое существенное - это обеспечить их свободное хождение. Итак, теперь, когда я (как мне тогда казалось) уже понял всю плюсы и минусы этой работы, настало время приступить к самому выпуску банкнот...

Надо сказать, что тогда я действительно не имел никаких специальных знаний об этом предмете, никакого опыта и - тем более! - ничего не слышал о том, как ведут дела с ценными бумагами в других странах. Поэтому мне приходилось принимать быстрые, а порой и скоропалительные решения. Но когда я смотрю на ту мою работу с позиций сегодняшнего дня, то с удивлением обнаруживаю, что многие мои идеи случайно оказались экономически осмысленными...

Уезд Иннами в провинции Харима всегда славился хлопком и полотном, поэтому я решил устроить меняльную контору в деревне Имайти, которая находилась в центре этого уезда. Правда, строго говоря, большую часть хлопка производили не в Имайти, а в других деревнях, расположенных в двух-трех *ри* к северу от нее, но зато в Имайти было немало зажиточных крестьян, имелись склады, где можно было хранить товар и, наконец, хорошие подъездные пути. Здесь я и решил ставить контору. Да, а еще неподалеку от Имайти находились долины Такасаго и Сонэ, знаменитые своими вековыми соснами. Был даже такой термин - «изголовье из сосны Сонэ».

Бумажные деньги мы собирались ввести в оборот следующим образом. Купец, который искал деньги для торговли хлопком или полотном, должен был обратиться в казначейство и получить в бумажных деньгах сумму, соответствующую тому количеству товара, которое он обязуется поставить на рынок. А дальше будет происходить что-то типа торговли наложенным платежом. Если купец решает сам скупить по деревням хлопок и доставить его в Осака, то в осакской конторе клана в обмен на хлопок ему возвратят наличными ту сумму, на которую он вначале получил банкноты клана. Если же купец хочет сдавать хлопок в контору в Имайти, то контора забирает хлопок, продает его и возвращает купцу эквивалент его бумажных денег, оставляя себе небольшие комиссионные.

---

109 Хиго - провинция, соответствует нынешней префектуре Кумамото.

Успех нового предприятия

Контора в Имайти, в которой предполагалось вести обмен банкнот клана на звонкую монету, должна была обладать достаточным запасом средств для того, чтобы обеспечить операции и в Имайти, и в Осака. Что касается Осака, то там я разместил деньги у надежных местных купцов, которые выплачивали по ним определенный процент. Для начала планировалось выпустить бумаг на 10 тысяч рё, половина из которых должна была храниться в Осака, а половина - в Имайти. Я также договорился с осакскими воротилами, что они будут возвращать нам наличные деньги с депозита по первому требованию, но, правда, только через тридцать дней после уведомления. Из двадцати двух осакских меняльных контор мы выбрали для наших операций самые надежные и состоятельные, включая Имабори, Томура, Цуда и пару других. Пяти этим конторам и были поручены все операции - от хранения монеты, необходимой для обеспечения клановых бумаг, до покрытия текущих расходов. Казначейство клана не потратило на эти подготовительные работы ни гроша! Теперь, наконец, все было готово к тому, чтобы начать выпуск бумаг.

Правда, нам пришлось внести кое-какие поправки в первоначальные планы. Теперь на первом этапе мы хотели выпустить ценных бумаг на сумму 30 тысяч рё, а в случае успеха предприятия довести этот объем сначала до 100, а затем и 200-300 тысяч рё. Замысел был вполне ясен, однако подготовка деревянных печатных досок, сама печать, а также обустройство контор в Осака и Имайти потребовали больше времени, чем планировалось.

Почти половину следующего года, года Быка [1865 г.] я провел в постоянных переездах между Харима и Осака. Наконец, в самом конце года Быка (а, может, и в начале следующего года Тигра) все было готово. К счастью, теперь работа пошла по плану, и за следующие четыре месяца мы выпустили бумажных денег на все 30 тысяч рё, причем практически никто не стремился обменять их обратно на монеты - настолько удобно оказалось пользоваться нашими банкнотами при проведении закупочных операций. Правда, некоторые крестьяне поначалу противились этим, как они их называли, «новым порядкам», но в конце концов также оценили преимущества бумажных денег и успокоились.

Вскоре после этого я получил из Киото приказ, в котором указывался мой преемник на посту ответственного за выпуск бумажных денег, а мне предписывалось передать ему дела и немедленно вернуться в столицу. Я оставил преемнику подробные инструкции и в конце 3-го или начале 4-го лунного месяца года Тигра [1866 г.] вернулся к своей постоянной работе в казначействе клана.

НА СЛУЖБЕ В БАКУФУ

План военной экспедиции против Тёсю

Хочу вернуться в своем повествовании немного назад. Летом года Тигра [1866 г.] четырнадцатый сёгун Токугава Измоти, который по преимуществу находился в Киото, прибыл в Осака. Связано это было со следующими событиями. Осенью года Мыши [1864 г.] находившиеся в Киото войска клана Тёсю под командованием Мори отказались выполнять приказы военного правительства, пренебрегли указом Императора и даже обстреляли из артиллерийских орудий территорию императорского дворца. Император Комэй в гневе изволил приказать *бакуфу* «усмирить» Тёсю, послав против княжества карательную экспедицию. Правительство начало собирать войска, которые было поручено возглавить главе дома Овари¹¹⁰. Однако боевой дух этих частей был крайне низок, приказы не выполнялись, а командующий не вызывал ничего, кроме жалости. Словом, корпус не сделал ни шага вперед, и карательная экспедиция, едва начавшись, закончилась полным провалом. На следующий год было решено начать новый поход против Тёсю, в котором *бакуфу* опиралось уже на собственные войска, а также на части исстари верных сёгунскому правительству *фудай даймё*. Но и эти войска оказались слабее армии Тёсю и после

---

110 Дом Овари в это время возглавлял Токугава Ёсикацу.

неудачи в сражении у Гэйсюгути стали терпеть одно поражение за другим. Положение усугублялось тем, что правительственные части постоянно перебрасывали с одного места на другое без всяких видимых результатов. Наконец, последовал еще один указ Императора, согласно которому *бакуфу* надлежало удвоить усилия и быстро добиться успехов в усмирении Тёсю.

Таким образом, нынешняя экспедиция против Тёсю приобретала первостепенное значение для судьбы Токугава вообще. Если поход и на этот раз закончится неудачей, то это будет означать только то, что власть сёгуна одряхлела окончательно и бесповоротно. Поэтому ответственность за командование новой экспедицией возложил на себя лично Хитоцубаси Ёсинобу.

Эти события происходили летом 2-го года Кэйю [1866 г.]. Замечу, что все, включая главу клана, отмечали, что наши пехотные батальоны, сформированные весной прошлого года, несмотря на отсутствие боевого опыта, пришлось бы в этой экспедиции как нельзя более кстати.

Я тоже получил приказ принять участие в подготовке экспедиции против Тёсю, для чего был отозван с должности заместителя главы казначейства клана и назначен офицером по особым поручениям. Как уже говорилось, после назначения в казначейство я прилагал все усилия, чтобы привести в порядок бухгалтерию и вообще улучшить финансовое положение дома Хитоцубаси. Но когда я узнал о решении господина лично возглавить поход против Тёсю, то не захотел уподобляться табуретному воинству, только и умевшему, что прятаться за спины других. Напротив, я твердо и недвусмысленно высказал свое желание пойти в действующую армию и, если нужно, отдать жизнь за своего господина.

Однако тут произошло уже упоминавшееся печальное событие: в Осака неожиданно скончался сёгун Иэмоти, и потому князь Хитоцубаси отдал приказ отложить подготовку экспедиции против Тёсю. Все ее руководители, включая Государственного советника Итакура Кацукиё и Генерального инспектора Нагаи Наомунэ, спешно вернулись в Киото, чтобы просить Его Светлость Хитоцубаси Ёсинобу возглавить сёгунский дом.

Ёсинобу становится пятнадцатым сёгуном династии Токугава

Выбор сёгунского наследника всегда сопровождался большими спорами. Так, Его Светлость князь Хитоцубаси уже однажды претендовал на этот пост. Было это в годы Ансэй [1854-1860], еще при жизни тринадцатого сёгуна Иэсада¹¹¹. В киотосских придворных кругах очень хотели сделать Ёсинобу сёгунским наследником, но тогдашний глава правительства Ии Наосукэ¹¹², который ненавидел Ёсинобу за его ум, не только не посчитался с мнением императорского двора, но и вообще посадил Ёсинобу под домашний арест, а наследником сделал Иэмоти¹¹³ из дома Кисю.

Однако времена изменились. На этот раз других подходящих кандидатов на должность сёгуна никто предложить не мог, тем более, что токугавскому правительству сейчас было не до долгих раздумий. И почти все были уверены в том, что главой сёгунского семейства должен стать не кто иной, как Хитоцубаси Ёсинобу.

Я высказываю свое особое мнение

Когда эти толки дошли до нас с Кисаку, мы крайне огорчились и решили открыто высказать свою точку зрения. Замечу, что к этому моменту Курокава Кихэй потерял остатки бывшего влияния, и его на посту главного управляющего клана сменил Хара Итаносин. Хара, выходец из Мито,

---

¹¹¹ *Токугава Иэсада* (1824-1858) – тринадцатый сёгун династии Токугава, правил с 1853 по 1858 год. Отличался слабым физическим и душевным здоровьем.

¹¹² *Ии Наосукэ* (1815-1860) – глава клана Хиконэ (ныне часть префектуры Сига). В 1858-1860 годах фактический правитель Японии. Подписал торговые договоры с западными странами. Организатор массовых арестов противников собственной политики (так называемые репрессии годов Ансэй). В 1860 году убит самураями из Мито у замка Эдо.

¹¹³ Будущего четырнадцатого сёгуна *Токугава Иэмоти* (*Ёситомо*) (1846-1866), правившего с 1858 по 1866 годы. Самурайский клан и провинция Кисю носили и другое название - Кии.

некоторое время возглавлял академию этого клана, которая называлась Кодокан - «Зал расширенного пути». Он хорошо знал китайские науки, словом, в отличие от Курокава, считался способным и образованным человеком. Я уже давно был с ним в достаточно теплых отношениях и решил этим воспользоваться для того, чтобы постараться убедить Хара, что Его Светлость ни в коем случае не должен становиться сёгуном.

В беседе с Хара я иносказательно сравнил дом Токугава с большим обычным домом, который по старости прогнил от пола до конька крыши:

- В таком доме бесполезно заменять главную опору, его нужно заново перестраивать. Другого пути нет! Более того, если сейчас начать заменять в этом доме балки или крышу, то это только ускорит его падение. Лучше уж оставить все как есть, поставить какие-нибудь временные подпорки или ждать, когда дом все-таки обрушится, чтобы тут же начать возводить его заново. Один человек, один правитель, каким бы просвещенным и талантливым он ни был - пусть это будет даже князь Хитоцубаси со всей его глубокой мудростью и многочисленными талантами - сам по себе в этом положении ничего сделать не сможет! Напротив, он только ускорит общий распад. Почему? Да потому, что люди сейчас считают, что в *бакуфу* все чиновники плохи. А представьте, что будет, если пост сёгуна займет князь Хитоцубаси?! Да на него все шишки посыплются, именно его будут обвинять во всех смертных грехах!.. Или представим себе какую-нибудь обычную семью, - продолжал я. - Если глава ее тяжело болен или, скажем, уехал по делам, то нерадивым домочадцам многое сходит с рук. Но если хозяин находится дома и пребывает в добром здравии, тогда даже малейшая оплошность домашних считается серьезным нарушением и не прощается. Князю Хитоцубаси ни в коем случае нельзя наследовать должность главы сёгунского дома. Поступать так - это не просто крайне опрометчиво, это значит подвергать себя смертельной опасности, впустую рисковать жизнью! Поэтому я, Ваш покорный слуга, хочу приложить все силы, чтобы отговорить Его Светлость от этого шага, и предлагаю другой план. Власть *бакуфу* - это пирамида из яиц, она может рухнуть в любой момент. И если Его Светлость хочет, чтобы она простояла еще хотя бы день, то он должен отказаться от наследования поста сёгуна и выдвинуть на это место какого-нибудь тихого молодого человека из боковой ветви семейства Токугава. Его Светлость вправе поддерживать нового сёгуна, помогать ему советами, но самому господину Хитоцубаси, нам кажется, лучше держаться от этого поста подальше и оставаться главнокомандующим обороной столицы. А эти обязанности, кстати говоря, в нынешних условиях невозможно выполнять без должных людских и финансовых ресурсов. Поэтому прошу вас передать Его Светлости, что сейчас самое время расширить свои землевладения и довести доход с них до 500 тысяч, если не до миллиона коку в год...

Я снова и снова повторял свои доводы, приводил примеры, и Хара, который, конечно же, хорошо знал истинное положение вещей, в конце концов признал мою правоту и предложил мне самому обратиться к Его Светлости. Я немедленно подал прошение об аудиенции, надеясь изложить хозяину свои соображения, но уже на следующий день пришло известие о том, что господин согласился с предложением Итакура Кацукиё и Нагаи Наомунэ стать сёгуном и спешно выехал в Осака. Аудиенция моя, к сожалению, так и не состоялась.

Новый поворот судьбы: я становлюсь вассалом *бакуфу*

Весть о том, что князь Хитоцубаси согласился занять место главы сёгунского дома, мгновенно разнеслась по всему клану. Для нас она означала буквально крушение всех надежд; я и сейчас помню охватившее нас чувство то ли полного разочарования, то ли крайнего сожаления. И если все остальные вассалы князя были вне себя от счастья и предавались бурной радости («Наш господин станет сёгуном и, может статься, предложит мне пост в правительстве! Теперь передо мной открыты все пути!..»), и только мы с Кисаку, бессильные что-либо изменить, проводили время в бесконечных спорах:

- Что же нам делать? Что делать?

- Может, снова стать *ронинами*?

- Ну, станем, и что тогда? Куда податься-то? Кому мы нужны? Мы ведь уже два с лишним года верно служим своему господину. Нет, теперь нам остается только свести счеты с жизнью! Надежд

никаких. Князь станет сёгуном, это теперь ясно, как божий день. Но будь он даже семи пядей во лбу - другие-то князья, все это *бакуфу* все равно умнее не станут! Да, видно, не дошли до господина наши советы!

И действительно, в конце 8-го лунного месяца [1866 г.] Ёсинобу стал главой семейства Токугава, а мы всей нашей группой были переведены в правительство *бакуфу* и стали прямыми вассалами сёгуна. Хара Итиносин, Умэдзава Маготаро, Эномото Кёдзо и другие высшие чины дома Хитоцубаси были назначены на высокие посты в правительстве: кто-то стал Генеральным инспектором, кто-то - сёгунским ординарцем... Мы же, будучи не в чинах, получили лишь невысокие должности в Войсковом управлении (Генеральном штабе) без права аудиенции у сёгуна.

Как я уже говорил, для нас эти события знаменовали крушение всех надежд, поэтому на новом месте работа буквально валилась из рук. Вместо того, чтобы с самого утра приниматься за дела, мы читали всякие книжки о героях древности или просто бесцельно глазели по сторонам...

Прошло уже два с половиной года с тех пор, как началась моя служба у князя Хитоцубаси. Почти все это время я трудился не покладая рук. Казалось, мне удалось немного улучшить положение в армии и финансовом хозяйстве клана... А теперь от моих начинаний не останется и следа, все исчезнет, как пена на воде! Поистине жаль!..

Правда, перед отъездом из Киото я передал все финансовые дела моему преемнику и весьма детально объяснил ему, что нужно делать с ценными бумагами и как правильно торговать рисом...

Едва новые служащие *бакуфу* успели перебраться в Осака и разместиться в гостиницах, как новый сёгун решил вернуться в Киото. Мы, конечно, последовали за ним.

Каждое утро я приходил на службу в небольшой флигель, примыкавший к зданию Генерального штаба. Всего в нашем отделе работали человек 14-15, все примерно в одинаковых званиях. Во главе отдела стоял Мори Сюдзюро, человек деятельный и небесталанный, по виду и манерам - типичный уроженец Эдо. Я по-прежнему находился в мрачном расположении духа и потому не проявлял в работе особого рвения... Но тут вялый ход событий был прерван неожиданным происшествием.

Я участвую в аресте Осава Гэндзио

В это время под подозрение в антиправительственной деятельности попал некто Осава Гэндзио, который формально служил в сёгунской канцелярии, но был прикомандирован к Управлению по охране императорского дворца в Киото.

Генерал-губернаторство Киото передало его дело в наше управление, поскольку несмотря на то, что Осава принадлежал к сёгунской гвардии, по его нынешнему месту службы он подпадал под нашу юрисдикцию. Как оказалось, у Осава было множество сообщников, вооруженных, в числе прочего, и европейскими винтовками, и все они даже Генеральному штабу просто так, за здорово живешь, сдаваться не собирались. Возникло замешательство; перетрусившие служащие *бакуфу* обратились за поддержкой к отрядам Новой Гвардии¹¹⁴ и поручили им задержать смутьяна. Однако поскольку Осава подпадал под юрисдикцию нашего управления, то вместе с отрядом Новой Гвардии на его задержание обязан был идти кто-то из военных дознавателей. Начальник наш, как человек слабовольный и неумелый, идти на это отказался сразу же и бесповоротно, а среди остальных начались споры: «Может, ты пойдешь?!» «Да нет, пусть лучше идет он...» и т.п. И тут кто-то неожиданно предложил:

- А давайте Сибусава пошлем! Он ведь у нас сам бывший *ронин*, так, наверное, ничего не боится...

---

¹¹⁴ Новая Гвардия (*синсэнгуми*) – вооруженные формирования, созданные правительством *бакуфу* из крестьян и самураев. Использовались для военного давления на сторонников императора. Командовал соединениями известный военный деятель Кондо Исामी (1834-1868). Позднее в одном из сражений с войсками, верными императору Мэйдзи, он потерпел поражение, попал в плен и был казнен.

С одной стороны, мне, как говорится, выпал черный шар. Но, с другой - это меня даже обрадовало:

- Как прикажете, - сухо ответил я. - А что делать-то?

- Поскольку этот Осава подпадает под юрисдикцию Военного управления, - охотно пустился в разъяснения Мори, - то надо с отрядом Новой Гвардии найти его, заявить, что он находится под подозрением, арестовать и передать Новой Гвардии. Те его повяжут и отправят в Эдо - вот и все дела! Пойдем в Генерал-губернаторство к Кондо Исами - это командир Новой Гвардии.

Мы отправились к Кондо, который и присоединился ко мне с 5-6 своими людьми. Вечером того же дня мы уже были в столичном районе Китано, где в одном из домов, по слухам, скрывался Осава. Я послал пару человек на разведку, и вскоре один из них вернулся с известием, что Осава собирается заночевать в одном из местных храмов и что сейчас его там нет, но он обещал скоро вернуться. Через минуту прибыл второй разведчик, который доложил, что Осава уже на месте.

- Давайте ворвемся в храм, схватим его, а Вы потом скажете ему все, что нужно... - стали предлагать самураи.

- Ну нет, так не пойдет.

- Почему же? Нам вроде и в штабе так объяснили...

- Нет уж, это мое поручение, так давайте и делать по-моему, что б там ни говорил Мори! Я должен сначала зачитать ему приказ об аресте. Поймите: пока я этих слов не сказал - он невиновен, и хватать его нельзя!

- Ну, дела! - удивились самураи. - Да связать его побыстрее - и дело с концом! Сначала свяжем, а Вы потом говорите, что хотите!..

- Нет, так нельзя!

- Нельзя, нельзя... Да пока Вы рассуждать будете, он с мечом на Вас бросится. И что тогда?

- Не беспокойтесь, я сумею поставить его на место!

- Да неужто?

- Слушайте, за кого вы меня принимаете? За молокососа?

Самураи рассмеялись. Я велел подождать им у ворот храма, а сам вместе с Кондо Исами вошел внутрь.

- Гэндзиро, выходи! - несколько раз прокричал я.

Осава, по-видимому, уже спал, ибо он появился на пороге храма в одном исподнем, зевая и протирая заспанные глаза. Я зачитал приказ о его аресте и отобрал оба меча. Кондо и его люди повели арестованного в штаб, а я около трех часов ночи прибыл в гостиницу для высших чинов доложить о выполнении задания.

Главой всего Военного управления был тогда Мидзогути Кацуюки, которого все уважали за ум и порядочность. Несмотря на поздний час, он ждал моего рапорта, хотя в другие, более спокойные времена, может быть, и не стал бы снисходить до подобных мелочей.

Когда я доложил, что задержание Осава прошло гладко, Мидзогути в видимом удовольствии несколько раз произнес: «Исправно служишь! Исправно!» и изволил наградить меня шерстяным *хаори*¹¹⁵.

Уныние и безрадостность

Если этот инцидент благополучно пришел к своему концу, то в целом, как я уже говорил, дни у меня тянулись совершенно безрадостно. Как-то постепенно я почти полностью потерял интерес к жизни. И сколько я не размышлял над ходом событий, все равно неизменно приходил к выводу,

---

¹¹⁵ *Хаори* - накидка, принадлежность парадного мужского костюма и парадной военной формы. Шерстяная ткани была в токугавской Японии предметом роскоши.

что через год-два правлению Токугава неизбежно придет конец. Выходит, я по собственной оплошности пошел на службу правительству, которое вот-вот прикажет долго жить? Ну ладно, тут уж ничего не поделаешь. Но дальше-то что? Я долго над этим раздумывал, но ничего путного мне в голову не приходило. Бросить все и уехать? Но куда?... Раньше, в доме Хитоцубаси, можно было хоть изредка лицезреть своего господина, но с тех пор, как он стал сёгуном, это невозможно - даже от таких людей, как Хара Итиносин, господин теперь отделен высокой стеной. Так что и с этой стороны поддержки ждать не приходится... Я мрачнел все больше и больше, и иногда у меня даже возникало чувство безвозвратной потери чего-то дорогого и нужного...

В конце концов после долгих размышлений я пришел к выводу, что нет никакого смысла продолжать служить этому отжившему правительству. Придется, видно, мне снова подаваться в *ронины*...

Было это в 11-ом лунном месяце 2-го года Кэйю [1866 г.].

ЗА РУБЕЖОМ

Мне предлагают поехать во Францию. Сборы в дорогу

29-го числа того же месяца ко мне прибыл посыльный, который сообщил, что со мной хочет срочно переговорить Хара Итиносин. Я поспешил к нему

- Сразу к делу, - начал Хара. - О чем идет речь? В 1867 году по европейскому летоисчислению в Париже будет проходить Всемирная выставка, на которую приедут монархи из разных стран. Французский посланник предложил направить в Париж одного из близких родственников нашего правителя. После долгих обсуждений Его Высокопревосходительство Токугава Ёсинобу выбрал для поездки своего младшего брата, сёгунского наследника Акитакэ из Мито. Естественно, его должен сопровождать кто-то из Коллегии иностранных дел. Дальше: сёгун хочет, чтобы после того, как выставочные церемонии закончатся, Акитакэ остался во Франции еще лет на пять-семь для изучения страны и языка... Раз так, то мы не сможем направить в его свите очень большое число людей. Самураи из Мито, которые его обычно сопровождают, все как один рвутся ехать с господином, но мы решили, что их в свите будет только семь человек. Проблема еще и в том, что все эти семеро - люди до крайности ограниченные, никто из них не имеет ни капли интереса к Западу, а иностранцы для них, как и прежде, варвары и нелюди. Поэтому понятно, что полагаться только на таких сопровождающих - дело очень и очень рискованное. Наставником господина Акитакэ в этой поездке назначен прямой вассал *бакуфу* Яматака Нобуцура. Но мы очень опасаемся, что эти «семеро из Мито» могут помешать и обучению наследника... Короче говоря, сёгун хочет, чтобы Акитакэ сопровождал ты! Господин сказал, что работа эта как раз по тебе, да к тому же и перед тобой самим открывает большие возможности... А я сказал, что поддерживаю выбор Его Высокопревосходительства и обязательно передам тебе его добрые слова. Так что - соглашайся скорее!

Я слушал Хара, и меня переполняло огромное, ни с чем не сравнимое чувство радости. Вот она, нежданная удача! Да об этом можно было только мечтать!

- Конечно, я согласен! Согласен! Очень хочу поехать! Сделаю все, что в моих силах! А когда? - я буквально забросал Хара восклицаниями.

- Скоро, наверное, еще в этом году. Так что на сборы тебе - месяц. От Коллегии иностранных дел едет Мукояма Эйгоро, но он отправляется прямо из Эдо. А наставник Яматака - здесь, так что ты можешь с ним встретиться и все обговорить. Люди из Мито тоже уже здесь. Зовут их Кикиути Хэйхатири, Исака Сэнтаро, Кандзи Гондзабуро, Мива Тандзо, Ои Рокудзаэмон, Минакава Гэнго и Хаттори Дзюндзири. С ними тебе тоже нужно переговорить...

Я поспешил сообщить о своей радости отцу, написал о приказе направляться в Европу и своему брату Кисаку. Он повез в Эдо арестованного Осава Гэндзири, и, похоже, не успевал вернуться в Киото до моего отъезда. Кисаку был моим самым близким другом, мы дали клятву не

расставаться до самой смерти, поэтому перед отъездом мне очень хотелось с ним повидаться, но...

Я начал собираться в дорогу, складывая в багаж все, что в моем положении взял бы всякий одинокий путешественник: положил *косодэ*¹¹⁶ и хаори из черного шелка, не забыл хакама «Ёсицунэ»¹¹⁷ из узорчатой камки, купил пару европейских башмаков, которые сегодня, наверное, не стал бы носить ни один бедняк. Да, еще взял подержанный фрак, который мой друг Окубо Гэндзо купил по случаю в Иокогама - и сдается мне, что купил он его у швейцара какого-то европейского отеля... Заметьте, что ни европейских брюк, ни жилета у меня не было... Сегодня, конечно, над всем этим можно только посмеяться, но нужно учесть, что тогда я совершенно не представлял, куда еду, да и спросить мне было не у кого, поэтому я собирался в путь, полагаясь только на собственные представления о Европе...

Я как раз заканчивал сборы, укладывая белье и посуду, когда из Эдо вдруг неожиданно вернулся Кисаку. Мы долго говорили о последних событиях и о жизни вообще:

- Да, Кисаку, вот мне, к счастью, повезло. Я получил приказ отправиться в путешествие. Но ты-то как? Что будешь делать? В *ронины* пойдешь? Нет, конечно, на все воля Неба, но мне почему-то кажется, что нужно держаться поближе к Ёсинобу. К Ёсинобу, но не к *бакуфу* - это правительство, помани мое слово, долго не протянет, а быть на службе у призраков... Правда, это и ко мне относится, вся разница только в том, что я буду служить этим призракам за границей... Видишь, как все обернулось? Мы ушли из родных мест, чтобы бороться с *бакуфу*, а теперь сами в нем служим.. Ну да что можно с этим поделать? В нашем положении - ничего, как только продолжать служить этой пережившей себя власти... Но при всем при том, я хочу, чтобы мы достойно встретили свой смертный час. И пусть ты будешь на родине, а я на чужбине, но давай приложим все силы и, не видя друг друга, все же оба будем вести себя так, чтобы в урочный час нас обошла стороной позорная смерть, чтобы мы ушли из жизни, не уронив чести и достоинства!..

Потом я еще долго прощался со всеми своими друзьями и знакомыми, но в этом нет ничего примечательного, поэтому рассказ о таких событиях я опущу...

Путешествие в свите Акитакэ

Итак, 29-го числа 12-го лунного месяца я в свите Акитакэ выехал из Киото. Новый, 3-й год Кэйю [1867 г.] мы встретили на борту корабля «Тёгэй-мару», а 4-го или 5-го числа вошли в Иокогама. Там мы провели несколько дней в приготовлениях к отъезду и встречах с главой Финансовой коллегии *бакуфу* Огури Кодзуносукэ и главой Коллегии иностранных дел Кавакацу Хиромити. Нас также пригласили на обед к учителю французского языка по имени Бيران. Именно тогда я впервые в своей жизни попробовал европейскую еду...

Завершив все многочисленные приготовления, мы 11-го числа 1-го месяца [1867 г.] на французском пароходе «Альпе» отбыли из Японии. Началось наше долгое путешествие по странам Запада.

Естественно, и я, и семеро сопровождавших Акитакэ самураев из клана Мито понятия не имели о том, что такое заграничное путешествие, поэтому на судне с нами приключались разные забавные истории, но они не столь существенны для моего рассказа, поэтому я на них останавливаться не буду. Если кто-то интересуется деталями нашей поездки, то их можно найти в «Дневнике путешествия на Запад», который мы вели с Сугиура Аидзо.

Прежде, задолго до путешествия за границу я, надо сказать, полностью находился под властью теории о необходимости «изгнания варваров» и потому относился к иностранцам с нескрываемым презрением, считая их дикарями и недочеловеками. Но потом решил как можно быстрее начать изучать иностранный язык, чтобы читать на нем разные иностранные книги.

---

116 *Косодэ* - шелковое кимоно на вате.

117 *Хакама* - часть японского традиционного мужского официального костюма в виде широких брюк, заложённых жесткими складками. «Ёсицунэ» - походный вариант *хакама*, удобный, в частности, для езды верхом. В этом случае штанины брюк подхватывались снизу специальными тесемками. Название связывают с именем Минамото Ёсицунэ (1159-1189) – военачальника, знаменитого рыцаря японского средневековья.

Почему? Еще в Киото, занимаясь набором в пехоту, я пришел к выводу, что и в военном деле, и в медицине, и в кораблестроении, и во всяких приборах мы уступаем за границе. Значит, нам нужно как можно быстрее начать перенимать у них все самое лучшее!

Поэтому, оказавшись на иностранном корабле, я решил брать уроки французского языка. Грамматику я усвоил довольно быстро, но тут начал страдать от морской болезни и понял, что продолжать учение не смогу. Поэтому по лености своей я не нашел ничего лучше, как вместо французского языка заняться стихотворчеством. Среди японцев, находившихся на корабле, оказалось несколько человек, имевших склонность к литературным занятиям - например, Мукояма из Коллегии иностранных дел, помощник главы того же ведомства Танабэ Таити или тот же Сугиура Аидзо. Особенно мастерски, почти как настоящий поэт, писал стихи Мукояма. Так что на корабле мы дни за днями проводили в поэтических турнирах и других развлечениях...

Всего в свите Акитакэ было 28 человек, и иногда казалось, что весь французский корабль занят исключительно японцами. Долгое путешествие прошло без происшествий, мы посетили множество иностранных портов, но повсюду останавливались лишь на сутки-двое. Наконец, на 59-й день после выхода из Иокогама, 29-го числа 2-го месяца, «Альпе» вошел во французский порт Марсель.

Прибытие в Париж. Проблемы и сложности

Из Марселя мы отправились в Париж, где в это время проходили торжества по случаю открытия Всемирной выставки. Здесь на официальной церемонии Императору Франции Наполеону III были вручены верительные грамоты...

Естественно, все протокольные дела были в руках чиновников из Коллегии иностранных дел, я же больше занимался личными нуждами сёгунского наследника, писал официальные письма в Японию, ежемесячно выплачивал жалованье Яматака и другим сопровождающим Акитакэ, покупал для наследника всякие необходимые ему вещи и т.п. Иными словами, на мне лежали обязанности секретаря и казначея миссии.

Поначалу у меня было довольно много свободного времени, поэтому я снова решил заняться французским языком. Я договорился с двумя другими членами миссии, и мы вместе наняли преподавателя. Наследник и сопровождавшие его чиновники из Коллегии иностранных дел жили тогда в знаменитом «Гранд-Отеле», а мы втроем снимали квартиру в другом месте. На этой квартире и проходили занятия языком. Каждый день мы усердно занимались с преподавателем, и уже через месяц я заговорил по-французски. Но, конечно, это был ломаный, самый простой и повседневный разговорный язык, поэтому даже в магазинах я был часто вынужден изъясняться жестами.

После окончания церемоний, связанных с открытием Всемирной выставки, наследник со своей свитой должен был отправиться в турне по европейским странам. Предполагалось посетить Швейцарию, Голландию, Бельгию, а затем Италию и Англию, после чего, если позволят дела, - Германию и Россию. Но все это - во вторую очередь, а на первом этапе, в этом году, задумывалась поездка в Швейцарию и оттуда - в Голландию и Бельгию. Затем наследник должен был вернуться во Францию и лишь после этого выехать в Италию и Англию.

Выезд в Швейцарию был назначен на первую декаду 2-го месяца, но тут возникли разногласия между самураями из свиты и чиновниками из Коллегии иностранных дел в вопросе о том, кому сопровождать Акитакэ в этой поездке.

Яматака и его люди хотели уменьшить число сопровождающих, подчеркивая, что на этот раз наследнику нет необходимости окружать себя и людьми из иностранного ведомства, и личными слугами.

- Зачем нам такая свита? - убеждал нас Яматака. - Во всех зарубежных странах так уж заведено, что знатные персоны путешествуют с небольшим числом сопровождающих и берут с собой в дорогу лишь самое необходимое. Наша же огромная свита будет просто бросаться в глаза. А правильно ли это? Подобаает ли такой шлейф столь юному наследнику? Я уж не говорю о том,

что все наши люди по-прежнему носят волосы узлом и длинные мечи в кожаных ножнах... По моему, в глазах иностранцев мы выглядим просто дико и нелепо!

Однако когда Яматака попробовал привести те же доводы Кикиути, Исака, Кандзи и другим людям из Мито, то те просто рассвирепели.

- Мы приехали в эту Францию служить господину наследнику, а не учить этот варварский язык и уподобляться иноземцам! И потом, не забывайте, что мы получили от Его Высокопревосходительства как нельзя более четкие приказы: во-первых, денно и ночью охранять наследника, во вторых - познакомиться с положением дел в иностранных государствах. А раз так, то наш прямой долг повсюду сопровождать господина наследника и смотреть, что там в этих странах творится! А сидеть во Франции да зубрить науки эти - нет, увольте! Знали бы, что так дело обернется, вообще бы никуда не поехали! Короче: или все наши едут, или мы возвращаемся домой, в Японию! Или все, или никто! Вы же знаете, господин без нас шагу не сделает, - отрезал Кикиути.

Яматака оказался в тупике. Дело происходило за границей, и здесь он не мог отстранить от дел ни чиновников Коллегии иностранных дел, ни самураев из Мито, а если бы и попытался это сделать, то его приказ наверняка бы не выполнили. Яматака обсудил создавшееся положение с Мукояма, Танабэ и Сугиура, но решения так и не нашел. И тогда он обратился ко мне.

Я улаживаю разногласия

К тому времени Акитакэ и его сопровождающие из числа чиновников Коллегии переехали из «Гранд-Отеля» в новый дом неподалеку от Триумфальной арки, который мы сняли у одного русского, переоборудовали, обставили новой мебелью и снабдили всякими мелочами...

После того, как мы в конце дня попрощались с наследником, я выслушал чиновников из Коллегии иностранных дел и сказал им примерно следующее:

- Мне кажется, дело здесь весьма простое: люди из Мито ведь ясно сказали, что либо едут с наследником, либо возвращаются в Японию...

- Согласен, - ответил Яматака, - но это они говорят так, а вот как поступят?.. По-моему, от этих людей можно ожидать чего угодно...

- Ну, если они затеют смуту, то тогда их просто надо задержать. Что, думаете, попытаются применить силу против Вас и Ваших людей? Но тогда этого вполне достаточно для того, чтобы арестовать их и отправить в Японию. И если будет принято решение отправить их домой, то я готов их сопровождать! А кстати, - продолжал я, - сколько всего людей из Мито Вы собираетесь брать в поездку?

- Трех, - сказал Мукояма.

- Понятно!.. Вы знаете, я все-таки постараюсь с ними переговорить... А уж если ничего не выйдет, то тогда Вы прикажете им вернуться домой...

- Буду Вам очень признателен. Постарайтесь, пожалуйста, уладить дело миром...

- Слушаюсь! - ответил я и тотчас же отправился к Кикиути, Исака и другим самураям из Мито.

- Я понимаю, что Вам не нравится решение взять в свиту наследника только несколько человек, - начал я разговор. - Но ведь, насколько я понимаю, речь идет о простой экономии... Почему Вы решили, что поедут или все, или никто?

- «Не нравится!» Да это просто стыд и срам! - сразу обрушился на меня Кандзи. - И Вы, и посольские прекрасно знаете, что мы всегда охраняли господина Акитакэ, с самого Мито! Для того нас и за границу эту послали, для того мы и во Францию приехали! И теперь, когда наследнику снова нужно отправляться в опасное путешествие, у меня берут в свиту аж двоих! Это не только опрометчиво, это бездушно! И еще об экономии толкуют... Да, мы понимаем, что чем больше людей поедет, тем больше расходы. Но тогда давайте уж всюду экономить! А то вместо того, чтобы самим все делать, слуг нанимаем, безделушки какие-то покупаем чуть ли не

по сэну за штуку да на полки их ставим! «А Вы, мол, ради экономии оставайтесь дома!» Да они нас просто за людей не считают! Нет, не будем мы подчиняться таким приказам!

- Да, я прекрасно понимаю Вашу обиду, - отвечал я, - но послушайте и Вы меня. В каждом деле должен быть главный, должен быть ответственный, без которого ничего не делается и который, как говорится, всему определяет меру. И если его приказам не следовать, то все пойдет прахом... Неужели Вам не ясно, что отказ Ваш ни к чему хорошему не приведет? Все понимают Ваше желание сопровождать господина повсюду, куда он направляется. Но в зарубежье таков обычай, что с большим числом сопровождающих ездить не принято, и даже государи у них никогда не появляются с большой свитой... Так что когда глава нашей миссии говорит, что охранников должно быть двое, то он только следует местным правилам. Как говорится, «пришел в деревню - поступай по ее обычаям». Это не такая уж неразумная японская пословица, верно? А если Вы будете настаивать на своем, то начальник просто отошлет Вас домой, и все!

- Да пусть отсылает, мы как раз только этого и хотим! - перебил меня Кандзи.

- Постойте, об этом мы уже говорили... Но что еще Вам хочу сказать: если Вы решили вернуться, то и я с Вами поеду...

- Прекрасно! Тогда переговорите с начальством...

- Переговорю. Получим приказ и вернемся. Будь по-вашему!

- Да, вернуться-то мы вернемся... Но это же позор - возвращаться домой, не выполнив приказ Его Высокопревосходительства, - перебил нас Кикиути.

- Вот и я о том же. Так, может быть, все же лучше следовать приказу и оставаться во Франции? - обратился я к нему.

- Но ведь начальник-то не прав, - начал тот.

- Подождите-подождите, чего-то я не понимаю. Либо начальник не прав, и тогда его не надо слушать, а надо возвращаться домой. Либо Вам стыдно возвращаться в Японию. Мне кажется, что если Вы выберете второе, то тогда нам вообще говорить не о чем...

- Да, что-то в этом есть, - заколебался Кикиути. - А, может, так сделать: скажем, трое останутся здесь, а остальные вернутся в Японию?

- Мудрый план, - подхватил я, - но тогда Вам нужно как можно быстрее решить, кто остается, а кто возвращается...

Они принялись бурно обсуждать этот вопрос, но так и не смогли прийти к согласию, и тогда я предложил:

- А что, если трое поедут в Швейцарию, Голландию, Бельгию, а остальные потом в Италию и Англию? Думаю, начальник учтет Ваше мнение и согласится с такой пересменой. Да и в Японию никого отсылать не придется...

Все решили, что это будет самый правильный выбор, и встреча наша завершилась ко всеобщему удовлетворению.

Как мы проводили время в Европе

Итак, в первой декаде 8-го лунного месяца мы выехали в Швейцарию, затем посетили Голландию и Бельгию, в середине 9-го месяца вернулись во Францию, но уже в конце того же месяца отправились в Италию, причем Мукояма и его люди в этой поездке уже не участвовали. Поездка в Италию закончилась в конце десятой луны; 23-го числа мы возвратились во Францию, а в начале 11-го лунного месяца отправились в поездку по Англии, где провели месяц и только в последние дни одиннадцатой луны вернулись в Париж.

Во время пребывания во Франции у нас не было ни одной свободной минуты: мы посещали Всемирную выставку, осматривали достопримечательности, участвовали в разнообразных церемониях. А с началом 8-го месяца, когда церемонии, связанные с выставкой, закончилась и мы целиком посвятили себя путешествиям, нам пришлось осматривать новые

достопримечательности, наносит визиты коронованным особам и т.п. Все это было очень интересно и полезно, но отнимало исключительно много времени.

К концу 11-го месяца чиновники из Коллегии иностранных дел закончили свою программу визитов и возвратились в Японию, а у нас появилось свободное время, которое мы смогли с пользой употребить на изучение разных наук. В качестве первой цели мы выбрали изучение иностранного языка, наняли для этого преподавателя и со всем усердием приступили к занятиям.

Во Франции нас осталось десятеро: наследник, Яматака, я и люди из свиты Акитакэ. Ассистентом преподавателя был сначала Ямаути Бундзиро, переводчик миссии, а после того, как он вернулся на Родину, мы попросили помогать Акитакэ молодого человека по имени Коидэ Юносукэ, который в это время стажировался во Франции и лучше других стажеров знал французский язык.

Занятия Акитакэ начинались каждый день в семь часов утра с уроков верховой езды. В девять он возвращался домой и завтракал. В полдесятого приходил преподаватель французского, и до трех часов дня наследник занимался с ним языком и грамматикой. В три часа занятия заканчивались. Остаток дня посвящался домашним заданиям, написанию сочинений, чтению наизусть и т.п. Иными словами, свободного времени у наследника практически не было. Я же в это время писал письма в Японию, вел дневник и занимался многочисленными домашними делами. Иногда я был настолько занят, что практически не обращал внимания на то, что происходит вокруг.

До нас доходят вести о политических переменах в Японии

Через пару месяцев после завершения нашего турне по европейским странам и начала занятий из Японии пришел приказ о том, что Яматака освобождается от поста главы миссии наследника. Таким образом, я остался в нашей миссии единственным официальным лицом. Вскоре после этого два человека из свиты заболели, оставили службу и вернулись домой. Наша группа становилась все меньше и меньше...

Между тем во французских газетах появились сообщения о том, что в Японии «Великий правитель возвратил власть Императору»¹¹⁸. За первыми сообщениями пошли заметки с подробностями. Но японцы, находившиеся в Париже, как, впрочем, и прикрепленный к нам французский офицер¹¹⁹, считали, что это не более чем беспочвенные слухи, и не верили ни одному слову из этих сообщений. Однако я слишком хорошо знал, сколь непростое положение сложилось в Киото, и давно говорил, что рано или поздно в стране с неизбежностью произойдут большие политические перемены. Немудрено, что из всех японцев только я сразу поверил всем этим заметкам. Более того, мне пришлось убеждать в их правдивости остальных японцев...

Наконец, в 1-ом месяце из Японии пришло официальное сообщение о том, что 12-го дня 10-й луны прошлого года сёгун формально выразил желание передать всю полноту власти Императору, а Его Величество соизволил ответить на это согласием. Сообщалось также, что с *бакуфу* теперь ведут переговоры представители кланов Сацума и Тёсю. Это означало, что вскоре нужно было ждать еще более серьезных и резких перемен. В волнении мы стали ждать новых вестей с Родины...

В 3-ем или 4-ом месяце мы узнали о том, что еще в начале нового года части *бакуфу* потерпели поражение в битве при Тоба¹²⁰, что сёгун оставил осацкий замок, морем возвратился в Эдо и там сообщил членам правительства *бакуфу*, что слагает с себя все полномочия и отправляется «на покой» в Мито.

Невозможно передать словами, сколь велики были наши отчаяние и тревога, когда мы за тысячи *ри* от Родины получали вести об этих бурных событиях.

118 «Великий правитель» (*тайкун*) - титул сёгуна.

119 Это был полковник Виллет (Villette). Обычно он постоянно находился у нас дома и наблюдал за ходом занятий наследника. - Прим. автора.

120 Тоба - южный пригород Киото. Это сражение еще называется «битва при Тоба-Фусими».

В это время в Париже находился представитель Коллегии иностранных дел *бакуфу* Куримото Дзёун¹²¹. Поначалу он тоже отказывался верить в сообщения газет о передаче власти императору и до хрипоты спорил со мной, когда я пытался убедить его в их истинности. Теперь он выглядел совершенно подавленным и лишь постоянно спрашивал меня, как это я ухитрялся сохранять совершенное спокойствие, с самого начала зная о происходящем.

На самом деле, когда я узнал о поражении войск *бакуфу* при Тоба в 1-ой луне, то был просто вне себя от негодования и скорби. Ну как можно было допускать такие ошибки! Даже мне, не очень разбиравшемуся в военной стратегии, было понятно, что войскам *бакуфу* нужно было не только оборонять Осака, но и попытаться установить контроль над другими важными пунктами - над теми же Кобэ и Хёго, например. А уход сёгунских войск из Киото, сразу после которого *бакуфу* объявили врагом трона! Нет, все это было так чудовищно, так непоправимо глупо, что просто не о чем и говорить!

Но - что случилось, то случилось, тут уж ничего не поделаешь и разговорами делу не поможешь... Остается, как говорится, «стиснуть зубы и сжать кулаки». Да и пристало ли мне, что называется, «тушить пожар с другого берега реки»?..

Что делать с миссией Акитакэ?

Сразу возник вопрос: а что делать теперь, после падения *бакуфу*, со стажировкой Акитакэ? В конце концов было решено, что для Акитакэ нет смысла тотчас же уезжать домой, лучше продолжить учебу, завершить курс хотя бы по одному предмету и только после этого возвращаться на родину. Но для этого нам необходимо было резко сократить расходы на пребывание в Париже. Посоветовавшись с Яматака, который после увольнения его с дипломатической должности остался стажироваться во Франции, мы решили из пяти человек охраны отослать в Японию троих. Таким образом, нас осталось всего пятеро: Акитакэ, я, Коидэ и два человека охраны. Это давало возможность продолжить стажировку даже при тех небольших средствах, которые у нас были.

В целом деньги на поездку Акитакэ во Францию поначалу выделялись по линии Коллегии иностранных дел и шли, в основном, на проведение различных церемоний, связанных со Всемирной выставкой. После того, как закончились наши поездки по европейским странам и Акитакэ приступил к повседневным занятиям в Париже, нам стали переводить из Японии по пять тысяч долларов ежемесячно. Бережно обращаясь с этими средствами, мне удалось сэкономить большую их часть, так что у нас образовался задел примерно в 20 тысяч рё. К тому же во 2-ом месяце я вложил часть этих денег в ценные бумаги французского правительства и акции железнодорожной компании.

Однако вскоре после того, как мы узнали о политических переменах в Японии, а именно, в 3-м месяце того же года, Акитакэ получил официальное письмо от имени Министров иностранных дел нового правительства Датэ Мунэнари и Хигасикудзэ Мититоми, в котором его извещали о том, что в связи с полной реставрацией власти Императора он, Акитакэ, должен срочно вернуться на родину.

Я имел по этому поводу беседу с Куримото, в котором отметил, что Акитакэ, естественно, придется вернуться в Японию. Вместе с этим я счел необходимым сообщить господину Куримото о том, что незадолго до того Акитакэ написал сёгуну несколько писем. В них он выражал неприкрытое разочарование тем, что его брат оставил Осака и перебрался в замок Эдо:

«Но даже после того, как вы соизволили вернуться на Восток, Вы могли бы спешно поднять войска и двинуться на Киото. Неужели так трудно было разбить армию нынешнего императорского правительства, а, точнее, кланов Сацума и Тёсю? Если же Вы с самого начала хотели передать власть императору, то зачем тогда вступили в сражение при Тоба-Фусими? А вступив в бой, нужно было непременно доводить его до победного конца! Недаром французская пословица гласит, что сильный всегда прав», - подчеркивал Акитакэ.

---

¹²¹ Куримото Дзёун, Куримото Коун, Куримото Хоан (1822-1897) – политический деятель и журналист. Выходец из Эдо. В конце правления *бакуфу* активно выступал за сближение с Францией. После реставрации Мэйдзи ушел в журналистику, в частности, редактировал одну из первых японских газет – «Почтовые ведомости».

- Мне кажется, - убеждал я Куримото, - что эти письма вряд ли облегчат сейчас Акитакэ жизнь в Японии. По-моему, ему нерезонно возвращаться на родину прямо сейчас, в разгар большой смуты. Будет гораздо больше пользы, если господин останется во Франции еще на 4-5 лет. По крайней мере, он сумеет завершить свое образование... Мне бы очень хотелось, чтобы он воспользовался представившейся счастливой возможностью избежать неурядиц на родине, остался за границей и закончил обучение... Однако и здесь, конечно, есть предметы для беспокойства, прежде всего - финансы. Сейчас у меня нет готовых решений, поэтому я вынужден обратиться к вам, господин Куримото. Как Вам известно, правительство *бакуфу* распущено, поэтому Вы, скорее всего, вряд ли останетесь японским представителем во Франции и будете отозваны на родину. И если бы Вы нашли способ договориться непосредственно с Министерством финансов нового правительства, чтобы нам выслали на содержание 40-50 тысяч рё... Мне кажется, что такую сумму правительство в состоянии выделить даже во время самых больших неурядиц... К тому же те два десятка студентов, что сейчас стажировались во Франции из-за финансовых трудностей тоже, скорее всего, будут спешно отправлены в Японию. Но ведь для возвращения им тоже нужны деньги! И я готов оказать им в этом посильную помощь, выделив средства из нашего резервного фонда при условии, что после возвращения в Японию Вы сразу же их нам вышлете...

Куримото на это ответил, что он полностью согласен с моими предложениями.

Окончание стажировки

Вскоре после этого Куримото [Дзёун] действительно уехал в Японию, а я повстречался с его однофамильцем Куримото Сададзиро, который возглавлял землячество японских студентов во Франции и сообщил, что готов оплатить из резервного фонда Акитакэ дорожные расходы тем японцам, которые собираются вернуться на родину. Я также написал в столицу Англии Лондон нашим стажерам Кавадзи Таро и Накамура Масано, пытаюсь выяснить, хотят они возвращаться в Японию или нет. Скоро пришел ответ, из которого следовало, что японские стажеры в Англии уже давно не получали денег из Японии и потому были вынуждены обратиться к английскому правительству с просьбой выделить им средства для возвращения домой. В ответ правительство предложило им сесть на парусник, который шел до Японии через Мыс Доброй Надежды.... Я спешно выехал в Лондон, чтобы встретиться с Кавадзи и Накамура и отговорить их от утомительного путешествия на парусном судне. Я также предложил воспользоваться деньгами из резерва Акитакэ для того, чтобы всем купить билеты на французский пароход, который направлялся в Японию... Среди тех, кто тогда стажировался в Англии, были многие известные ныне люди, как например, Хаяси Тадасу, нынешний Посол в Китае, или доктор филологии Тояма Масакадзу.

Куримото Дзёун уехал на родину в 3-ем месяце. Я терялся в догадках: удалось ему договориться о пересылке нам денег или нет?.. Прошел 6-ой месяц, за ним 7-ой, а писем от Куримото все не было. К счастью, в 4-ом и 5-ом месяцах мы, как обычно, получили из Японии по пять тысяч долларов и, по моим подсчетам, даже после отправки домой японских стажеров у нас оставалось достаточно денег для того, чтобы оплачивать расходы на стажировку Акитакэ еще примерно в течение двух лет. Более того, даже если бы нам прекратили присылать деньги из Японии, то мы бы переехали на меньшую квартиру, опять уменьшили бы число сопровождающих (например, остались в Париже вчетвером: Акитакэ, я и пара слуг), словом, нашли бы способ продолжить стажировку Акитакэ в течение четырех, а, быть может, и пяти лет... Да, на всякий случай я еще написал отцу в деревню и попросил денег у него...

Но тут из Японии пришло еще одно известие: скончался глава клана Мито, и Акитакэ стал его преемником... В 9-ом лунном месяце того же года во Францию снова прибыли из Японии Исака и Хаттори. Им было поручено как можно быстрее препроводить наследника домой...

Я попросил господина Флэри-Эрара, почетного консула правительства *бакуфу*, который много помогал нам с самого первого шага миссии во Франции, устроить для Акитакэ прощальную аудиенцию у французского монарха. Мы также воспользовались его любезностью при переговорах с Министерством иностранных дел, расчетах за проживание и улаживании множества других повседневных дел.

Скоро мы полностью подготовились к возвращению на родину. Я много размышлял о том, какой она предстанет нашим глазам теперь, после падения *бакуфу*. Думал и о том, что мне снова придется определять для себя новый жизненный курс.

В конце 9-го месяца наш пароход вышел из Франции и после благополучного морского путешествия 3-го дня 12-го месяца¹²² вошел в порт Иокогама.

На этом я прерываю сегодня свой рассказ...

Конец третьего свитка "Бесед дождливыми вечерами"

СВИТОК четвертый

Я продолжаю рассказ о своей жизни. В прошлый раз я остановился на том, что был вынужден покинуть Францию и в 12-ом лунном месяце 1-го года Мэйдзи [1868 г.] вернуться в Японию.

Как Вы помните, мы отправились во Францию вскоре после того, как князь Хитоцубаси Ёсинобу унаследовал пост сёгуна (а я тогда служил дому Хитоцубаси). На первый, поверхностный взгляд возвышение Ёсинобу было большим и счастливым событием, однако в действительности он оказался в исключительно опасном положении.

Что касается моей карьеры, то со стороны она тоже могла показаться невероятно удачной: еще бы, я получил должность в правительстве *бакуфу*, стал прямым вассалом сёгунского семейства! Но на самом деле эта правительственная должность была настолько ничтожной, что не только не позволяла влиять на что-нибудь сейчас, но и не давала никакой надежды на то, что это станет возможным даже в самом отдаленном будущем... Впрочем, каково бы ни было мое положение, положение *бакуфу* было еще хуже: с очевидностью, жизнь в нем едва теплилась, а надежды на выздоровление таяли.

Однако, к счастью для меня, я получил приказ сопровождать сёгунского наследника Акитакэ в его поездке во Францию. С одной стороны, это позволяло мне избежать участия в смуте, которая вот-вот должна была охватить Японию. С другой стороны, воспользовавшись стажировкой, можно было изучить положение в зарубежных государствах. Как я уже говорил, меня очень беспокоила дальнейшая судьба Японии. Конечно, тогда я не представлял, какое правительство будет в новой Японии, но то, что в системе управления грядут большие перемены - это мне казалось очевидным. Скажу больше: к тому времени я уже был уверен в том, что перемены эти будут сопровождаться развитием все более тесных и глубоких связей с зарубежными странами. А это значит, что насущной задачей станет изучение этих стран, и тут мое заграничное путешествие приходится как нельзя более кстати, ибо позволит мне идти на шаг впереди других. Короче говоря, я был готов отдавать все свои силы изучению иностранных государств, но тотчас же вернулся бы в Японию, если бы мои знания понадобились на Родине.

С первого дня пребывания наследника во Франции я со всем усердием помогал Акитакэ в учебе. Но едва я сам начал изучать французский язык и взялся за грамматику, как в Японии произошли большие политические перемены, и мы получили от нового правительства приказ спешно возвращаться на родину.

Конечно, сама по себе идея вернуть миссию в Японию была совершенно правильной, но вместе с тем мне казалось, что если бы наследник остался в Европе для продолжения учебы, то это позволило бы ему избежать неоправданных строгостей со стороны новых властей. Я уже начал вводить режим экономии в надежде на продолжение стажировки, но тут, как Вы уже знаете, Акитакэ был объявлен наследником клана Мито, и все мои усилия пошли прахом: обучение было прервано, а мы, совершив необходимые приготовления, отправились в Японию, куда и прибыли 3-го дня 12-го лунного месяца 1-го года Мэйдзи [1868 г.].

---

¹²² Неточность автора: речь идет об 11-ом лунном месяце. Эта оговорка повторяется в оригинальном тексте еще несколько раз.

Возвращение

Вернулись мы совсем в другую Японию. И дело было не только в том, что за время нашего отсутствия пало военное правительство, которому мы служили, а город Эдо был переименован в Токио. Произошло великое множество других, немислимых ранее изменений; бывших вассалов *бакуфу* теперь отовсюду гнали, словно собак от дома покойника...

По прибытию в Иокогама чиновники долго расспрашивали нас о том, кто мы такие, где были и т.п. Словом, все, что мы видели и слышали, нас не радовало. Наконец, мы высадились на берег. Нас приехал встречать Сугиура Аидзо, который сказал, что он всегда к нашим услугам, и несколько человек из клана Мито, которые тотчас же увезли Акитакэ в Токио. Потом мы долго получали багаж нашей миссии и личные вещи, улаживали всякие формальности...

Наступил вечер. Решено было заночевать в Иокогама, и мы с Сугиура направились к одному нашему общему другу, который жил неподалеку. Наконец-то, к моей несказанной радости, я снова оказался в японском доме, снова сидел на *татами* и ел японскую еду!..

Мы долго говорили о том, что пережила за последнее время Япония, и о тяжелом положении, в котором она оказалась.

Что я узнал о положении в Японии за время нашего путешествия

Хочу вернуться немного назад и рассказать о том, что происходило во время нашего путешествия из Франции в Японию. Сама поездка проходила гладко, лишь мы на каждой стоянке забрасывали новых пассажиров вопросами о том, что нового в Японии. В Гонконге мы узнали о том, что пал замок Аидзу, а весь военный флот *бакуфу* под командованием Эномото Такэаки¹²³ ушел в порт Хакодатэ.

Я уже слышал о том, что клан Аидзу пытался создать коалицию с кланами Дэва и Муцу, чтобы вместе противостоять войскам нового правительства, но с самого начала был уверен в том, что договориться им не удастся, а в их войсках не будет должной дисциплины и нужного боевого духа. Причина была проста: сёгун в то время уже находился под домашним арестом, поэтому соединения этих кланов представляли собой в буквальном смысле слова армию без генерала и при всей своей многочисленности вряд ли что-нибудь смогли бы противопоставить закаленным в боях, сильным духом войскам кланов Сацума и Тёсю.

Но то, что сделал адмирал Эномото Такэаки, обладавший всей полнотой властью над сёгунским флотом, оказалось для меня полной неожиданностью. Человек, хорошо знавший Эномото, рассказывал мне, что адмирал разительно отличался от большинства *хатамото*¹²⁴. А теперь под его началом оказались первоклассные по тому времени корабли, в том числе недавно построенный в Голландии «Кайё-мару», а также «Кайтэн», «Тёё», «Тёгэн», «Микахо» и другие. Они заметно превосходили военные корабли других кланов, и мне оставалось только гадать, что будет делать с таким флотом столь знаменитый и опытный флотоводец, как Эномото: ведь не капитулировать же, в самом деле? Я долго размышлял о том, какая за его решением кроется стратегическая уловка...

Во время стоянки в Шанхае оказалось, что в нашей гостинице остановились мой старый знакомый Нагано Кэйдзи и один немец по фамилии Шнелль. Этот Шнелль во время войны был приглашен в качестве военного советника в клан Аидзу, а незадолго до падения главной крепости клана выехал в Шанхай для закупки пушек и стрелкового оружия, которого в клане

---

123 *Эномото Такэаки* (1836-1908) – политический и государственный деятель. Родился в Эдо (Токио). После стажировки в Голландии, где он изучал морское дело и международное морское право, был назначен заместителем Министра военно-морского флота в сёгунском правительстве. Во время военных столкновений начала периода Мэйдзи был одним из организаторов обороны занятой войсками *бакуфу* крепости Горёкаку в городе Хакодатэ на Хоккайдо, куда Эномото увел сёгунский военный флот. Сдался в плен войскам, верным императору. После реставрации Мэйдзи сотрудничал с новым правительством. В 1874 году приехал в качестве посланника в Россию, от имени японского правительства подписал российско-японский договор 1875 года. Позднее был военно-морским Министром, Министром просвещения, Министром иностранных дел.

124 *Хатамото* - букв. «знаменщики» - непосредственные вассалы сёгуна. На иерархической лестнице стояли сразу вслед за *даймё*. Имели право непосредственной аудиенции у сёгуна и другие привилегии.

остро не хватало. Нагано, насколько я понял, был при нем переводчиком. Узнав, что в Шанхай прибыл Акитакэ, а я его сопровождаю, они вдвоем сразу же зашли ко мне.

- Аидзу толкнула на союз с Дэва и Муцу необходимость противостоять частям коалиции Сацума и Тёсю, - заявил Нагано, - этой самозванной правительственной армии. Но оружия у нас крайне мало, поэтому я прибыл сюда для закупки пушек.

- Пойдите, - перебил его я, - но в Гонконге мы слышали, что главная крепость Аидзу уже пала. Это правда?

Пока этим сообщениям нет подтверждения, - уклонился от ответа Нагано. - Но даже если замок и попадет в руки неприятеля, у Аидзу остается многочисленная армия, которая сумеет быстро восстановить свои силы. Вот и господин Шнелль, даром что иностранец, тоже так считает, потому и старается всеми силами нам помочь... Кстати, а что собирается делать молодой господин? Может быть, вместо того, чтобы идти в Иокогама, вам лучше отсюда отправиться прямо в Хакодате? Представляете, как поднимется боевой дух флота, если во главе его станет брат сёгуна? Нет, непременно так и нужно сделать! - наседал на меня Нагано.

Он говорил совершенно серьезно, но я не стал поддерживать этот разговор, заметив только, что не склонен обсуждать планы, которые ставят под угрозу жизнь господина Акитакэ. На том наш разговор и закончился.

Сообщаю свое мнение Сибусава Кисаку в Хакодате

Как уже говорилось, первую ночь по возвращению в Японию я провел в Иокогама. На следующее утро я стал расспрашивать друзей о ситуации в Хакодате. Выяснилось, что там собралось множество прямых вассалов *бакуфу*. Кроме Эномото, в Хакодате ушли Отори Кэйсукэ, Мацудайра Таро, Нагаи Наомунэ, Огасавара Нагамити. Был среди них, оказывается, и мой брат Сибусава Кисаку! Далее друзья рассказали мне о том, что стратегия Эномото, по слухам, состоит в том, что он собирается подготовить флот, пополнить запасы оружия и продовольствия и после этого выдвинуться в центральные районы Японии. Эти сообщения были якобы основаны на сведениях, которые приносили в Иокогама иностранные корабли.

Судя по тому, что эти «сведения» быстро становились всеобщим достоянием, положение Эномото было безнадежным. Если стратегические задумки его действительно были таковы, какими их доносила до нас молва, то это могло значить только одно: собравшиеся в Хакодате решили идти на верную гибель, и им оставалось только посочувствовать.

Исстари ведется так, что бывшие правители, оказавшись в изгнании, строят планы возвращения к власти, но эти планы никогда не сбываются. Вот если бы Эномото наносил молниеносные удары, не давая противнику опомниться, разил его в самые уязвимые места, расшатывал его боевые порядки, - тогда, может быть, у него и был бы один шанс из тысячи... А рассчитывать на успех с той стратегией, о которой нам рассказывали, было крайне сомнительно...

Дело осложнялось еще и тем, что собравшиеся в Хакодате были словно стая ворон, в которой нет различия между начальником и подчиненными. Чтобы управлять флотом в такой ситуации, нужен был командир, лидер, словом, человек особых талантов, приказы которого не будут пропускать мимо ушей. А обучать войска и запастись провиантом - это все равно, что обессилевшему борцу сумо уйти в глухую оборону - так выиграть не удастся никогда!

Сила Эномото была во флоте, так, значит, и нужно было проводить рейды в районе Киото-Осака, наносить удары по Токио и Иокогама, другим важным пунктам, разить противника и тут, и там, действовать остро, напористо - короче говоря, быть для врага как гром среди ясного неба! Только так можно подорвать боевой дух противника и внести сумятицу в умы его командиров! А полагаться на волю провидения, отсиживаться и чего-то ждать - значит заранее признать собственное поражение...

Нельзя было медлить ни минуты. Я написал Кисаку письмо и попросил моего друга из Иокогама переправить его в Хакодате. В письме я подробно изложил те соображения, о которых только что рассказал и, кроме того, написал, что с нетерпением ждал встречи с братом после возвращения в Японию и был крайне огорчен и расстроен, когда услышал, что он ушел в

Хакодатэ. Далее я просил его передать все мои соображения Эномото Такэаки. В заключении письма говорилось, что мы, вероятнее всего, уже вряд ли встретимся в этой жизни, но я надеюсь, что Кисаку умрет, как герой...

Встречаюсь с отцом после шести лет разлуки

Я провел в Иокогама еще несколько дней за получением багажа и выполнением разных формальностей. Наконец, 6-го числа 12-го месяца мы с Сугиура выехали через Канагава в Токио. По дороге я всех и повсюду расспрашивал о своих друзьях и знакомых, и оказалось, что во время Реставрации многие из них ударились в бег, а иных уже и не было на белом свете...

Так, Одака Тэситиро, с которым мы в нашей деревне когда-то замыслили великие дела, летом вышел, наконец, из тюрьмы, но умер незадолго до моего возвращения в Японию. Не было в живых и его младшего брата Хэйкуро, которого я официально усыновил, отправляясь во Францию - согласно правилам, установленным *бакуфу*, каждый японец, уезжавший из страны, должен был оставить наследника на случай, если он за границей умрет. Так что теперь мне нужно было подумать о новом наследнике... Хэйкуро остался верен *бакуфу* до конца: вместе с Кисаку и Ацутада он участвовал во множестве сражений и в конце концов погиб в бою при Курояма, неподалеку от почтовой станции Ханно...

Словом, от всего, что я узнал в первые дни пребывания в Японии, у меня буквально сердце обливалось кровью... Кисаку - в Хакодатэ, остальные мои друзья - кто в ссылке, кто в могиле... Ну а что же я сам? Тоже хорошего мало: за долгое свое путешествие я так толком ничему и не научился и возвратился домой, не имея перед собой ясной цели. Да, оставалось только сетовать на превратности судьбы и переменчивость человеческой жизни... Ведь в самом деле: когда-то я одним из первых собирался подняться на борьбу против *бакуфу* и сбросить это военное правительство, сломать отживший свое государственный механизм. Но сам же оказался на службе у *бакуфу*! Теперь ему пришел конец, ну а мне что делать? Продолжать служить рухнувшему правительству?

Устав винить во всех ошибках и упущениях самого себя, я попытался было мысленно возложить вину за такие повороты моей судьбы на внешние обстоятельства, но и это не принесло мне облегчения...

Как бы то ни было, звезды отмерили уже шесть лет с той зимы года Кабана [1863 г.], когда я оставил родные края. Добравшись до Токио, я загорелся желанием поскорее увидиться с родителями и послал отцу письмо, в котором извещал его, что собираюсь посетить нашу деревню в середине месяца. Но отец не стал дожидаться моего появления и сам приехал в Токио. Мы встретились в доме Умэда, старого друга нашей семьи, который держал торговлю холодным оружием в токийском районе Янагивара.

Судя по всему, отец несказанно обрадовался, найдя меня в добром здравии. Впрочем, как мне показалось, на его лице мелькнула тень сожаления о том, что моя судьба сложилась столь печально, но он быстро взял себя в руки и заговорил в своей обычной суховатой и нравоучительной манере:

- Вы, напомню, давно уже не мой сын, и потому я не могу Вам указывать, как следует поступать. Но как человек, всегда питавший к Вам чувства искренней приязни, хотел бы поинтересоваться, что Вы теперь намерены делать?

Глубоко тронутый его добротой, я не смог сдержать чувств и разрыдался.

- Отец, - проговорил я, - у меня нет ни малейшего желания присоединиться к тем, кто ушел в Хакодатэ, но равным образом я не хочу служить и новому правительству. Так что, скорее всего, я просто перееду в Суруга¹²⁵, где сейчас находится в ссылке сёгун, и проведу там остаток своих дней. Мне не хочется кормиться за счет клана, как большинство бывших *хатамото*, потерявших

---

¹²⁵ Суруга – провинция, ныне префектура Сидзуока. Вскоре после Реставрации Мэйдзи власти выделили дому Токугава новые земли в этой провинции, назначили главой клана малолетнего Камэносукэ из дома Таясу и переселили его в Сидзуока. Бывший сёгун Ёсинобу переехал в столицу Суруга город Сумпу (теперь Сидзуока) летом 1868 г. и около тридцати лет прожил в этих местах сначала под домашним арестом, а потом как частное лицо.

свои пайки, поэтому... ну, в общем, займусь чем-нибудь, буду зарабатывать себе на жизнь. А самое главное мое желание - никогда не расставаться с господином!

Отца мои слова несколько успокоили:

- Выслушайте меня, - продолжал он. - Вы совершили длительное заморское путешествие и только недавно вернулись на родину. Могу предположить, что сейчас Вы сталкиваетесь с серьезными материальными затруднениями. До того момента, как Вы изыщете способ поддерживать свое существование, Вам все равно не обойтись без еды и одежды, поэтому я принес Вам немного денег. Сумма, конечно, небольшая...

- Отец, я глубоко Вам признателен за любовь и доброту, но мне кажется, что Вам не стоит так беспокоиться: я не столь нуждаюсь, как Вы полагаете. За время службы в Киото дому Хитоцубаси мне удалось скопить немного денег. Во Франции я был в свите наследника, так что там на себя особенно тратиться не приходилось, заказал несколько костюмов - вот и все. И в остальном старался экономить, так что никаких особых «затруднений» у меня нет, а что из Франции Вам писал и просил денег - так это Акитакэ немного не хватало на то, чтобы там остаться на стажировку. Ну да теперь все это в прошлом... Так что никаких денег мне не надобно!

После этого отец окончательно успокоился, и наш разговор перешел на другие темы. Я пообещал, что в самое ближайшее время приеду в нашу деревню, и отец уехал домой. Через несколько дней я действительно добрался до Тиараидзима, где после долгой разлуки встретился, наконец, с отцом, матерью, женой и дочкой. Погостив у родных пару дней, я вернулся в Токио 15-го числа того же месяца.

Вассал призрака

Пребывание в свите Акитакэ дало мне возможность весьма близко познакомиться с сёгунским наследником. Я был рядом с ним все два года нашего заграничного путешествия и пребывания во Франции: писал черновики всех его писем сёгуну и другим высокопоставленным лицам, был в курсе всего, что его окружало, знал, что он ест, какую одежду носит, чем интересуется, как развлекается. Когда предоставлялась такая возможность, я рассказывал ему о правителях и доблестных героях древности и наших дней, ставя ему в пример, в частности, и его отца Токугава Нариаки.

Акитакэ, в свою очередь, привык во всем полагаться на меня и взял за правило советоваться со мной по всем вопросам. Так, по пути домой из Франции он делился со мной своими опасениями, что назначение его главой Мито вызовет новые сложности в этом клане, который и так истари слыл «вечно мятежным». По-видимому, в Акитакэ окружении было мало людей, которым он мог доверять, поэтому и по возвращении в Японию он продолжал оказывать мне свою благосклонность вплоть до того, что приглашал переехать в Мито.

Однажды Акитакэ пригласил меня в токийскую резиденцию клана Мито в районе Коисикава. Мы беседовали о разных предметах, но я, слушая наследника, стал снова думать о своем: о том, что у меня нет никаких талантов и способностей; что я совершенно не представляю, на что и чем буду жить завтра; что мой господин сослан в Суруга, а все друзья-товарищи объявлены мятежниками и бьются с правительственными войсками в Хакодатэ... При дворе же теперь столпотворение совершенно новых людей из разных самурайских кланов, которые все как один поднялись «из грязи в князи», и нет среди них ни одного известного мне по прежней службе...

Что я вижу, оглядываясь на прожитую жизнь? Когда-то я был молод, горяч и преисполнен решимости бороться с *бакуфу*, а теперь, когда военное правительство низвергнуто, оказался изгоем в своей собственной стране, вассалом призрачного княжества. При всем при том у меня не было ни малейшего желания присоединиться к тем, кто подчинился силе и пошел служить новому правительству. Но что же делать? Куда идти? Меня охватывало чувство жалости к самому себе.

Единственное, что я мог сказать о своей жизни с полной определенностью - это то, что однажды меня приветил последний сёгун. Поэтому беседа с Акитакэ окончательно убедила меня в том, что мой удел - провести остаток жизни в Суруга:

«Приеду, найду какую-нибудь работу, - решил я. - А если ничего не подвернется, то я, в конце концов, и крестьянствовать могу...»

НА СЛУЖБЕ В СИДЗУОКА. КОМПАНИЯ «ДЗЁХЭЙСО»

Прибытие в Сидзуока. Снова на службе

Приняв такое решение, я без промедления начал его выполнять.

Вернувшись из родной деревни в Токио, я почти тотчас же и выехал в Сидзуока, но за короткий срок между этими двумя событиями успел составить финансовый отчет о нашем пребывании во Франции, разобраться с багажом и отправить часть его в Мито. Кроме того, с санкции властей клана Сидзуока я потратил примерно 8 тысяч рё из денег, оставшихся после поездки во Францию, на приобретение оружия, которое было направлено Акитакэ в Мито в качестве подарка. Подведя окончательный баланс миссии, я передал остаток денег вместе с имевшимися у меня вещами в финансовое управление правительства клана Сидзуока,

У меня на руках оставалось личное послание Акитакэ к бывшему сёгуну Ёсинобу, в котором Акитакэ, в частности, просил об аудиенции для того, чтобы в деталях рассказать брату о результатах своей зарубежной поездки.

«Недавно по приказу из Киото я был вынужден прервать свое обучение за рубежом, не достигнув поставленных целей, и неожиданно вернуться в Японию, охваченную большими и бурными переменами, - говорилось в письме. - Я искренне сожалею о том, что до сего дня мне не удалось осуществить свое заветное желание встретиться с Вами. Решаю передать подробный отчет через Сибусава. Желаю Вам всего наилучшего».

Передавая письмо, Акитакэ приказал мне снова приехать в Мито в случае, если на письмо последует ответ или у меня вообще появятся какие-либо новые сведения о его старшем брате.

Проделав немалый путь между Токио и Сидзуока, я прибыл туда в 20-х числах того же месяца. В то время всеми делами в клане Сидзуока ведал старший государственный советник Окубо Итаи¹²⁶. Формально клан возглавлял другой старший советник, Хираока Тамба, но реальной властью в Сидзуока обладал именно Окубо. Интересы сёгуна в Сидзуока представлял Умэдзава Маготаро, выходец из клана Мито, который прежде вместе с Хара Итаиносин служил дому Хитоцубаси. Когда князь Хитоцубаси стал сёгуном, Умэдзава занял должность Генерального инспектора в правительстве *бакуфу*, а после падения военного правительства остался верен Ёсинобу и всюду следовал за ним.

Прибыв в Сидзуока, я сразу же встретился с Окубо, во всех подробностях рассказал ему о нашем пребывании во Франции и попросил его вручить Ёсинобу личное послание Акитакэ, а также передать на словах прочие просьбы бывшего сегунского наследника к своему старшему брату. Окубо внимательно меня выслушал и обещал немедленно передать все господину.

Возмущен назначением на пост заместителя начальника финансового управления

Бывший правитель находился в это время под домашним арестом и проживал в монастыре Ходайин. Вскоре последовало приглашение прибыть в Ходайин, и спустя несколько дней, вечером, я нанес визит господину. В ходе длительной аудиенции я подробно, без изъятий, рассказал бывшему правителю о путешествии Акитакэ по многим странам, его стажировке во Франции, а также о том, что произошло тогда в Токио.

---

¹²⁶ Окубо Итаи (*Тосимити*) (1830-1878) – активный участник движения против *бакуфу*; занимал высокие посты в клане Сацума. Участвовал в секретных переговорах между кланами Тёсю и Сацума, которые привели к созданию антисёгунской коалиции. После передачи власти императору Мэйдзи был полномочным представителем нового правительства в клане Сидзуока, затем - губернатором провинции Сидзуока, губернатором Токио, членом Палаты Советников, занимал различные должности в правительстве. Убит в 1878 году группой заговорщиков из клана Сацума.

В Сидзуока я остановился в гостинице. Не имея более никаких дел, я несколько дней посвятил осмотру местных достопримечательностей, а потом стал просто бродить по городу в ожидании ответа господина. Прошел еще день, за ним - другой, потом третий... Ответа не было. В полном недоумении я пришел к Умэдзава, но тот уверил меня, что никаких причин для беспокойства нет:

- Ждите, господин обязательно ответит!

На следующий день после разговора с Умэдзава я получил неожиданный приказ прибыть в правительство клана, но когда туда явился, то меня отправили в финансовое управление. Ничего не понимая, я отправился к финансистам, где меня встретил какой-то чиновник. Изобразив на лице несказанное удивление, он стал мне выговаривать:

- Не годится в такой торжественный момент приходиться в присутствие в простых хакама и хаори. Вам следовало бы явиться в парадной форме!

Я ответил ему, что обычно путешествую без парадного платья, но он был неумолим:

- Вас пригласили по важному делу, значит, нужна парадная форма. Извольте следовать правилам!

Делать было нечего: я переоделся в позаимствованный у кого-то парадный костюм и снова пришел в управление. Но оттуда меня снова направили к Окубо, где, наконец, торжественно вручили текст указа, которым я назначался заместителем начальника финансового управления правительства клана Сидзуока. Как будто я всю жизнь мечтал занять эту должность!

Я немедленно отправился в финансовое управление клана и встретился с двумя его руководителями, Хираока Дзюндзо и Огури Сёдзо.

- Господа, - сказал я им. - Вы, конечно, знаете, что мною неожиданно получено указание занять пост заместителя начальника финансового управления Вашего клана. Позволю себе заметить, что я прибыл в Сидзуока сразу после возвращения из Франции исключительно для того, чтобы вручить бывшему правителю письмо от его брата Акитакэ и дожидаться ответа на это письмо. Все это я неоднократно объяснял господину Умэдзава. Мне трудно выразить словами свои чувства от сегодняшнего, столь неожиданного для меня назначения на этот высокий пост, но... Как быть, если ответ Его Светлости все же последует? Смогу ли я доставить его Акитакэ?.. Нынешний приказ поставил меня в исключительно трудное положение. Нельзя ли мне в связи с этим как можно быстрее получить ответ господина с тем, чтобы переправить его в Мито, а назначение мое ненадолго отсрочить?

Выслушав меня, Хираока ответил, что ему нужно переговорить с Окубо и тотчас скрылся в кабинете советника. Вернулся он еще более важным и напыщенным:

- Господин Окубо сказал, что Его Светлость напишут в Мито отдельно, поэтому получать новые указания нет необходимости... А Вас, господин Сибусава, ждет работа в руководстве клана, поэтому прошу как можно скорее приступить к выполнению своих обязанностей заместителя начальника финансового управления...

- Что?! - не сдержался я. - Ну, раз так, то не остается ничего другого, как отказаться от этой должности! Покорнейше прошу меня извинить! - с этими словами я выбежал из кабинета и вернулся к себе в гостиницу.

Вскоре ко мне в номер пришел один мой знакомый, Оцубо, который работал в этом же финансовом управлении. Оцубо сказал, что его прислал Хираока, который попросил выяснить, отчего это я так вспылал.

-Знаете, - заявил я Оцубо, - по мне что начальник финансового управления, что советник - все едино! Ты хоть сотню титулов носи, но если не понимаешь, что происходит, так и не поймешь... Вы что думаете, я за постами да за званиями приехал в этот Ваш несчастный клан с доходами всего в каких-то 700 тысяч коку? Что всю ту работу, которую я проделал за границей, можно оценить в семьдесят или даже - страшно подумать! - сто мешков риса?! А мне ведь там приходилось ох как несладко!.. Правду, наверное, говорят: нет сердца у высокородных. В конце-то концов именно Его Светлость и послал в прошлом году своего наследника в Европу, а после окончания выставочных церемоний оставил его стажироваться во Франции. И наследник, и все

мы усердно трудились, стремились достичь успехов в учении, но тут вдруг пришел приказ возвращаться на родину по причине всех этих внутренних неурядиц. Трудно передать словами, как мы все были обескуражены таким решением! И что же удивительного в том, что Акитакэ, вернувшись домой, хотел бы свидеться с братом, раскрыть свое сердце, рассказать о поездке? Вот для этого-то он и передал через меня письмо Его Светлости. В письме говорилось также, что и я могу в подробностях рассказать господину о нашем путешествии. Отправив это письмо, Акитакэ буквально дни считает в ожидании ответа, хочет убедиться, что его брат находится в полном здравии. Неужели так трудно понять, какие чувства связывают двух братьев? А что на это говорят здешние чинуши? «Ничего страшного, ответ направим сами! А вот, кстати, и работа в конторе для Сибусава подвернулась, пусть себе послужит!» Да, ничего не скажешь, достойный ответ на проявление братских чувств!.. Хорошо, допустим, так решил сам бывший правитель. Ну а советники где были? Ведь если бы люди из его окружения имели хоть малейшее понятие о человеческих чувствах, разве не отговорили бы они господина от такого решения? Но нет, никто из них об этих простых вещах даже не догадывается! Вот потому-то и сёгун низвергнут, и страна гибнет, а бывшие сёгунские вассалы ходят с протянутой рукой либо подворовывают, и предел мечтаний у них - миллион коку! И это люди славного клана Сидзуока! Да ноги моей здесь не будет! Заместитель начальника финансового управления! Нет, правильно я Окубо приказ в лицо швырнул! Заявление об отставке писать и то - много чести!

Окубо молча выслушал мою тираду.

- Зачем же так горячиться?.. - наконец, проговорил он.

- Запомните раз и навсегда, - перебил я его, - ни одного слова здесь не было сказано в запальчивости! Вы можете передать их Окубо, Хираока, кому хотите! Нет, куда угодно уеду, только бы не оставаться в Сидзуока!

Окубо ушел, но к вечеру снова появился у меня в гостинице:

- Я передал наш с Вами разговор господину Окубо, сказал, что Вы очень разгневаны и объяснил, почему. Господин Окубо ответил на это, что в действительности дело обстоит далеко не так просто. Он хотел бы еще раз встретиться и переговорить с Вами.

Мои сомнения рассеиваются

На следующий день пришло приглашение от Окубо, и я отправился к нему.

- Я понимаю причину Вашего негодования, - начал Окубо, - но позвольте заметить, что Вы не знаете всех деталей этого дела. Сказанного, конечно, не воротишь, но я считаю своим долгом объяснить и покончить с этим недоразумением.

Когда Ваш покорный слуга обратился к Его Светлости с вопросом, каким образом он намеревается ответить на переданное Вами письмо Акитакэ, то князь выразил мнение, что лучше направить ответ прямо в Мито и что Вам нет необходимости его передавать. Более того, именно Его Светлость изволил заметить, что Вам нужно подобрать какую-нибудь должность в правительстве клана Сидзуока, и когда этот вопрос стал предметом более широкого обсуждения, то господин Хираока, который хорошо Вас знает по Киото, предложил пост заместителя начальника финансового управления. Так что, как Видите, все касающиеся Вас решения принимались непосредственно Его Светлостью. Надеюсь, Вы понимаете, что в этих условиях Ваша горячность может всех нас поставить в исключительно трудное положение...

- Но почему Его Светлость против того, чтобы я сам повез ответ в Мито?

- Поясняю. В Мито Вас ждут и очень хотят, чтобы Вы приехали. Но вместе с тем у Его Светлости есть опасения, что если Вы приедете в Мито, то Акитакэ, который к Вам очень привязан, будет и впредь во всем полагаться на Ваше мнение, а это может вызвать зависть местных самураев и, в конечном итоге, нанести Вам большой вред. Но даже если этого не случится, то все равно, по мнению Его Светлости, лучше сказать, что Вы нужнее здесь, чем в Мито. Далее: если Вы привезете ответ господина в Мито, то Вам волей-неволей придется там некоторое время прожить, а Акитакэ, естественно, попытается задержать Вас на более долгий срок. Так что и с этой точки зрения будет правильнее отправить ему письмо почтой... Не зная этих подробностей

Вы, наверное, и впрямь могли решить, что мы здесь сплошь люди бессердечные. Надеюсь, что теперь, когда я, хочется думать, осветил все тонкости этого дела, Ваше мнение переменится к лучшему...

Да, детали действительно меняли дело. Похоже, я поспешил с выводами и теперь не знал, куда деваться от стыда:

- Господин Окубо, я полностью согласен с вашими замечаниями и теперь понимаю, что мне действительно нет никакого резона дожидаться ответного письма. К тому же я никогда не собирался работать на Мито. Но настоятельно прошу Вас освободить меня от должности заместителя начальника финансового управления клана Сидзуока. Я искренне благодарен за такое лестное предложение, но, честно говоря, рассчитываю найти занятие, которое хоть немного, но будет мне по душе. А служить в финансовом управлении - увольте, не могу!

Окубо снова и снова убеждал меня, говорил, что это приказ, но в конце концов уступил и сказал, что освобождает меня от этой должности.

Напомню, что я приехал в Сидзуока вовсе не в поисках работы; мое решение было связано исключительно с желанием, как говорится, уйти от мира и провести остаток своих дней рядом с бывшим правителем. К тому же если бы я принял это предложение, то мне снова бы пришлось работать за самурайский паек. Но времена изменились, в Японии была восстановлена императорская власть, и рассчитывать на то, что клановая система останется вечной и неизменной, не приходилось. Так что на службе в правительстве клана при всем усердии и прилежании вряд ли можно было рассчитывать на что-то хоть мало-мальски серьезное. Ну, сделаю я в клане головокружительную карьеру, а дальше что? Нет, это совсем не то, к чему надо стремиться! Уж лучше прожить остаток дней в благополучии, тишине и покое, крестьянствуя или занимаясь торговлей...

Проект нового предприятия

Итак, как уже говорилось, я отказался от должности заместителя начальника финансового управления правительства клана и собрался обосноваться в Сидзуока, чтобы заняться торговлей или крестьянским трудом. Размышляя над тем, с чего начать свою деятельность, я обратил внимание на то, что недавно новое правительство решило предоставить кланам так называемую компенсацию рисового пайка - *кокудака хайсяку*, или, попросту говоря, рисовый заем. Дело в том, что новые власти, испытывая значительные финансовые трудности, выпустили примерно на 50 миллионов *рё* бумажных денег для покрытия военных и других правительственных расходов. Для того, чтобы эти деньги получили хождение по всей стране, правительство выделило каждому клану денежный эквивалент содержания, которое прежде клан получал рисом. Предполагалось, что заем нужно будет вернуть в течение 30 лет под три процента годовых. Такие условия объяснялись тем, что, как я только что говорил, правительство хотело плавно ввести эти деньги в финансовый оборот.

Клану Сидзуока из этих средств причиталось в общей сложности 700 тысяч *рё*, причем к концу 1868 года от центрального правительства уже было получено бумажных денег на сумму около 350 тысяч *рё* - так, по крайней мере, говорили в правительстве клана.

Я искал способ как-то преуспеть в торговле, поэтому решил использовать те возможности, которые предоставлял рисовый заем.

Одним из руководителей финансового управления клана Сидзуока был, как Вы знаете, Хираока Дзюндзо, с которым я не раз встречался и знал его по совместной работе в Киото - он тогда служил в штабе сухопутных войск и отвечал за подготовку пехоты. Я решил переговорить с Хираока и обсудить с ним детали своего плана.

Сказано - сделано. При встрече я подробно рассказал ему о последних событиях своей жизни, и объяснил, почему несколько дней назад отказался от службы в финансовом управлении клана.

- Конечно, я вел себя непростительно, но, господин Хираока, поймите и Вы меня: в конце-то концов, я приехал в Сидзуока не за жалованьем, не за рисом да одежкой, а исключительно из чувства благодарности к нашему бывшему правителю. Мои друзья и единомышленники

рассеяны по белу свету, а иных уж и нет в живых, так что я решил провести остаток жизни в одиночестве. Хочу уйти в отставку и заняться каким-нибудь делом, чтобы хоть так послужить стране нашей. А пришел я к вам, чтобы рассказать об одной своей задумке и попросить Вашего совета.

Хираока внимательно слушал.

- Речь идет о рисовом займе, по которому, насколько я понимаю, клан Сидзуока получил в долг от правительства 350 тысяч рё бумажными деньгами, - продолжал я. - Можно, конечно, просто бездумно пустить их на покрытие административных расходов клана. Но как тогда, по-вашему, этот заем отдавать? К тому же теперь, после падения бакуфу и восстановления императорского правления может произойти передел страны на уезды и префектуры. А если это случится, то что будет с нашим, недавно созданным кланом? Запасов у нас никаких нет, доходы низкие, а расходы, как и во всяком новом деле, значительные... Так как же мы будем возвращать этот заем? Да, мы обанкротились политически, но тем важнее не допустить сегодня нашего финансового банкротства! Необходимо уже сегодня как-то обезопасить клан. Что я предлагаю? Полностью потратить заем на другие цели. В частности, вложить эти средства как основной капитал в развитие промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а получаемую прибыль пускать на погашение долга по займу. Это не только принесет дополнительный доход правительству клана, но и послужит на благо всех жителей Сидзуока... Конечно, Сидзуока - город небольшой, но, думаю, и в нем найдется немало достойных купцов. Ссудить их деньгами - и торговое дело пойдет. Это ведь так просто, не правда ли! А поскольку в торговле, как говорится, один в поле не воин, то для успеха нашего дела я предлагаю спешно организовать товарищество на паях наподобие акционерных компаний, которые давно действуют на Западе. Если наши влиятельные купцы поймут, что такое товарищество - дело прибыльное, то в клане начнут возникать и другие товарищества, так что к средствам из рисового займа будет добавляться местный капитал. А наша компания могла бы заниматься и торговлей, и кредитованием других товариществ... Таким образом, появление такой компании изменит все условия торговли в клане и даст толчок его дальнейшему развитию. Но и это еще не все: ведь о начинаниях в Сидзуока очень скоро узнают и в других кланах, так что мы сделаем небольшой, но важный первый шаг к возрождению чести и достоинства всего торгового дела Японии! Уверен: Вы одобрите мой план!.. Само собой, Вы как глава финансового управления получили бы возможность надзирать за деятельностью такой компании и полностью ее контролировать, а я, с Вашего позволения, осуществлял бы повседневное руководство ее работой. А часть ответственности мы бы возложили на плечи наиболее знающих и способных местных торговцев... И, как говорится, «согласие - залог успеха»!.. Прошу прощения, если утомил Ваше Превосходительство излишними подробностями... Я просто очень рассчитываю на вашу помощь и поддержку в этом деле.

- Ну что ж, - сказал, наконец Хираока, выслушав мои предложения. - Все понятно. Очень, очень интересный план. Похоже, что нас действительно скоро ждет переход к уездам и префектурам. Но Вы правы: даже если этого не произойдет, мы не должны тратить впустую этот заем, ведь все равно в один прекрасный день деньги нужно будет отдавать! И при любой системе за деньгами этими действительно нужен глаз да глаз!.. Словом, мне нужно хорошенько обдумать Ваши предложения. А если бы Вы еще и изложили Ваш проект на бумаге, со всеми деталями...

Я написал такой доклад, приложил к нему расчеты и в самом конце 1-го года Мэйдзи [1868 г.] передал все эти материалы Хираока.

«Дзэхэйсо» - прообраз акционерной компании

Весной 2-го года Мэйдзи [1869 г.] благодаря усилиям Хираока правительство клана, наконец, приняло мои предложения, и в Сидзуока была основана так называемая «Торгово-юридическая палата», «Сёхокайсё», а фактически акционерная компания, которая совмещала в себе банк и торговую фирму. В ее состав было доверено войти двенадцати самым богатым купцам Сидзуока. Главная контора компании располагалась в районе Коямати.

Общее руководство «Сёхокайсё» доверили начальнику финансового управления клана, а я получил должность его заместителя, ответственного за повседневную деятельность компании. В

правление «Сёхокайсё» вошло также несколько чиновников финансового ведомства и уполномоченные правительством купцы.

Сначала деятельность компании сводилась к тому, что она выдавала ссуды для приобретения товаров или просто выдавала деньги в долг на фиксированные сроки. Потом, стремясь поддержать наших крестьян, мы стали покупать в районе Киото-Осака или других местах рис, зерно, удобрения и другие товары и продавать их в Сидзуока, либо ссужали ими крестьян окрестных деревень. В качестве основного капитала компании использовались, как уже говорилось, бумажные деньги, выпущенные новым правительством.

Вообще говоря, предполагалось, что эти деньги можно будет беспрепятственно обменивать на звонкую монету, но простые люди не очень хорошо понимали, как нужно обращаться с этими бумагами, да и доверие к правительству постоянно падало, так что в результате бумажные деньги быстро обесценивались. Все указывало на то, что в скором времени из-за наплыва этих бумаг произойдет резкий скачок цен на все товары. Поэтому я принял решение как можно быстрее поменять бумажные деньги на что-то более существенное; проще всего было закупить большую партию какого-либо нужного товара.

Правильно проведенная, такая операция сулила большую прибыль. Посоветовавшись со знающими людьми в компании, я решил приобрести в Токио большую партию удобрений, а в Осака - рис и другие зерновые. В начале 2-го лунного месяца 2-го года Мэйдзи [1869 г.], имея на руках значительную сумму в бумажных деньгах, я выехал в Токио, где закупил на них рис, зерновые, а также жмых, сушеную иваси и другие удобрения.

Я также воспользовался благоприятным случаем и вывез из Тиараидзима свою жену и дочь, и в середине 3-го месяца мы все, наконец, собрались в Сидзуока.

Тем временем мои уполномоченные - Ямура Косиро и Хирасима Наотиро из финансового управления, купец из Симидзу по имени Мацумото Хэйхати и другие - скупали рис в Осака. Вскоре цены на рис и удобрения действительно резко пошли вверх, поэтому рис мы стали понемногу продавать. Что же касается удобрений, то мы поставляли их в деревни клана Сидзуока.

Вскоре мы стали получать от торговли ощутимый доход, а если учесть, что кредитование горожан тоже давало определенную прибыль, то стало ясно, что наша компания успешно движется к той цели, ради которой была создана. Однако в 5-ом месяце того же года правительство клана неожиданно уведомило нас о том, что использование компанией «Сёхокайсё» средств клана для развития торговли противоречит императорским указам. Смысл этого предупреждения был в том, что нам надлежало сменить название компании, что и было сделано. После долгих обсуждений мы остановились на названии «Дзёхэйсо» («Зернохранилища»). Это название предложил Окубо, который таким образом хотел поставить нам в пример систему складов для хранения и продажи зерна, которая действовала в Древнем Китае во времена династии Хань¹²⁷. В результате это название и было принято, хотя, строго говоря, сфера деятельности компании была гораздо шире, чем выравнивание цен на рис, ибо мы торговали также удобрениями и другими зерновыми.

В 6-ом месяце я получил извещение о том, что господин Флери-Эрар, который во время нашего пребывания во Франции был почетным консулом этой страны в Японии, прислал нам деньги, полученные в результате пересчетов за аренду дома Акитакэ в Париже, а также средства, вырученные им от продажи мебели и домашней утвари, принадлежавших сёгунскому наследнику. Эти деньги вместе с сопроводительным письмом пришли на адрес Министерства иностранных дел нового императорского правительства. Для того, чтобы их получить, мне пришлось спешно выехать в Токио и... провести там полтора месяца. Сколько я не пытался объяснить, что на проживание в доме и на покупку всей этой утвари Акитакэ тратил свои собственные деньги, которые никакого отношения к средствам бакуфу не имели, чиновники стояли на своем, в лучшем случае требуя от меня представить полный список вещей и финансовые документы, подтверждающие приобретение каждой из них... В конце концов, мне

---

127 В урожайные годы государство скупало избыток риса, в неурожайные - продавало его по низким ценам. Эти резервные запасы риса хранились в специальных зернохранилищах (кит. чанпинцан, яп. дзёхэйсо), отсюда и название системы компенсаций.

удалось доказать частный характер этих расходов, и я получил на руки всю причитающуюся нам сумму - около 15 тысяч рё.

Покончив с этим утомительным делом, я вернулся в Сидзуока, где продолжал работать в компании «Дзёхэйсо». Дела ее шли успешно, и можно было надеяться, что через два-три года она превратится в солидное, процветающее предприятие.

НА СЛУЖБЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА МЭЙДЗИ

Мне приказано возглавить Департамент налогов Министерства финансов

21-го числа 10-го месяца [1869 г.] меня неожиданно вызвали в Токио.

В то время в структуре Государственного совета было три палаты: Большая (*дайкан*), Средняя (*тюкан*) и малая (*сёкан*), которые объединялись общим названием *бэнкан*¹²⁸. Вот от имени этой организации мне и направили предложение срочно прибыть в Токио, которое я получил в правительстве клана. Дел у меня тогда было невпроворот, бросить все и выехать в Токио я никак не мог, но когда я попытался получить у Окубо отсрочку хотя бы на пару недель, тот строго сказал:

- Какая отсрочка?! Немедленно выезжайте!

Я впал в уныние. Ну зачем я им понадобился? Тут так все хорошо складывается: наше предприятие только-только встало на ноги и делает, можно сказать, свои первые шаги, открываются новые перспективы, и вдруг... Именно сейчас, когда я хоть чуть-чуть воспрял духом, бросить все и пойти на службу в новое правительство?!

А если клан попросит, чтобы меня оставили здесь? Я направил Окубо записку с таким предложением, но он и тут ответил решительным отказом:

«Если от клана направить такое прошение, - сказал Окубо, - то это будет означать только одно: в Сидзуока осмеливаются оспаривать императорские указы и пытаются скрывать у себя наиболее способных и талантливых людей,. А это, в свою очередь, грозит очень большими неприятностями главе клана... Короче говоря, императорский указ нужно исполнять, и исполнять немедленно!»

Возразить на это было нечего, и я стал готовиться к отъезду в Токио. Пред отъездом я собрал всех служащих компании и дал им подробные указания, как вести дело в мое отсутствие...

По прибытию в Токио в начале 12-го месяца я сразу отправился в Государственный совет, где мне, к моему несказанному удивлению, сообщили, что я назначен начальником Департамента налогов Министерства финансов, и мне надлежит немедленно явиться туда за приказом о моем вступлении в должность...

Я оказался наедине с собственным недоумением. Знакомых в этом ведомстве у меня никогда не водилось, опыта такой работы не было... Что же делать? Как поступить? Ведь кто-то вспомнил обо мне, кто-то порекомендовал... Кто? Зачем? Нет, тут что-то не так. Нужно немедленно принести свои извинения и возвращаться в Сидзуока...

Однако случилось так, что я подхватил в Токио сильнейшую простуду и пролежал четыре или пять дней в своей комнате гостиницы Симая в районе Кокутё, а после этого отказываться уже не было возможности: 7-го числа 12-го месяца мне пришлось выйти на новую работу.

Никакого опыта у меня, повторяю, не было, как не было и малейшего представления о том, чем мне предстоит заниматься. Поэтому я решил для начала попытаться понять, кто в Министерстве финансов обладает реальной властью. Формально Министром финансов был тогда Датэ

---

¹²⁸ Согласно императорскому указу, в мае 1868 г. в Японии был образован высший орган власти - Государственный совет (*дадзёкан*), который состоял из консультативного совета и нескольких ведомств. Само название и функции нового органа власти соответствовали системе государственного управления, установленной еще в VII в, что должно было подчеркнуть непрерывность традиций императорской власти.

Мунэнари¹²⁹, но он, по-видимому, занял эту должность исключительно благодаря своему знатному происхождению. За Министром в иерархии шли должности Первого Заместителя Министра и Заместителя Министра, которые занимали, соответственно, Окума Сигэнобу¹³⁰ и Ито Хиробуми¹³¹. Окума был выходцем из клана Хидзэн¹³², а Ито - из Тёсю. Они-то, как я понял, и руководили в действительности всей работой этого ведомства...

Спустя несколько дней по моей просьбе меня принял в своей резиденции Первый заместитель Министра финансов Окума. Я вкратце рассказал ему о себе и перевел разговор на то, что хотел бы и дальше работать в Сидзуока, что у меня нет никакого опыта работы в Министерстве финансов, что назначение мое не создаст ничего, кроме проблем и что я хочу как можно быстрее подать прошение об освобождении меня с занимаемой должности - естественно, с соизволения Первого Заместителя Министра...

Выслушав Окума, принимаю решение остаться в Министерстве

В тот день Окума был слишком занят, чтобы вести долгие беседы, поэтому он попросил меня прийти к нему 18-го числа.

18-го я снова был принят в доме Окума и имел с ним более обстоятельную беседу.

- Зачем же прямо так сразу в отставку, - заметил он. - Может быть, Вы сначала завершите свои дела в Сидзуока, а потом постепенно приступите к работе в Министерстве?.. Да, опыта у Вас нет, но у кого он сейчас есть? Я вот Вас послушал и пришел к выводу, что Вы, так же, как и все мы, через все трудности и испытания пронесли надежду создать новую власть. А раз так, то, несмотря ни на что, мы - единомышленники. Почему? Да потому, что, в конечном итоге, хотим одного и того же: нашими знаниями, трудом и терпением создать в Японии новое правительство, правительство Реставрации... У нас есть кое-какие идеи относительно работы Министерства финансов, и я думаю, что Вы смогли бы помочь в их осуществлении...

Окума была сама доброжелательность и я, в конце концов, согласился с его доводами, добавив только, что у меня тоже есть кое-какие мысли, которые я бы хотел представить на его суд...

Так я начал работать в Министерстве финансов правительства Мэйдзи.

Итак, я рассказал Вам историю своей жизни вплоть до того момента, как после возвращения из Франции поступил на службу в новое императорское правительство. Работа в Министерстве финансов была очень напряженной и насыщенной, изобиловала своими радостями и горестями. Конечно, я не могу во всех деталях рассказывать обо всей своей служебной деятельности, но все же мой рассказ будет весьма подробным, а потому и долгим. Поэтому о работе в Министерстве финансов - в другой раз.

Конец четвертого свитка "Бесед дождливыми вечерами"

---

129 *Датэ Мунэнари* (1818-1892) – возглавлял клан Увадзима провинции Иё. Выступал за усиление роли кланов и за примирение императорского двора с правительством *бакуфу*. После Реставрации Мэйдзи занимал ряд важных постов в новом правительстве страны. В 1871 году был направлен в Китай для подписания японо-китайского договора о дружбе.

130 *Окума Сигэнобу* (1838-1922) - государственный деятель, активный участник антисёгунского движения . После Реставрации Мэйдзи занимал различные посты в новом правительстве, возглавлял Министерство финансов. Один из сторонников создания парламента. Основал университет Васэда.

131 *Ито Хиробуми* (1841-1909) – видный политический деятель, выходец из клана Тёсю. Работал в Министерстве финансов, в 1881 году возглавил японское правительство. Участвовал в подготовке и принятии первой японской конституции, был премьер-министром, затем главой палаты пэров японского парламента. В 1905 году после окончания русско-японской войны стал генеральным резидентом Японии в фактически оккупированной ею Корее. В 1909 году убит в Харбине (Китай) в результате покушения, организованного корейскими противниками политики Японии.

132 *Хидзэн* - провинция на острове Кюсю. Теперь ее территория входит в префектуры Сига и Нагасаки.

СВИТОК ПЯТЫЙ

Из наших прошлых встреч Вы уже знаете, что в начале своей жизни я был крестьянином, потом стал безродным самураем - *ронином*, затем поступил на службу в дом Хитоцубаси и поехал в Европу, потом был вынужден вернуться в Японию, попытался было отойти от дел и обосноваться в Сидзуока, но по решению императорского двора был направлен на службу в новое правительство - словом, я успел рассказать Вам об очень многих перипетиях моего очень извилистого жизненного пути. Напомню, что я был молод, что называется, пылал юношеским задором, да и время тогда было бурное, полное самых неожиданных и непредсказуемых событий. Надеюсь, что мой рассказ о делах давно минувших дней был интересен всем сидящим в этом зале.

Теперь в моем рассказе будет гораздо меньше бурных событий, меньше живости и волнующих подробностей. Поэтому я прошу Вас запастись терпением.

Итак, во время нашей прошлой встречи я остановился на том, что по приказу, поступившему из императорского дворца, я был вызван из Сидзуока в Токио, где получил приказ возглавить Департамент налогов Министерства финансов. У меня не было ни малейшего опыта работы в этой области, да и жаль было оставлять торговую компанию в Сидзуока, с которой у меня было связано столько планов. Поэтому сначала я думал как можно быстрее подать прошение об отставке и вернуться к себе в Сидзуока, о чем откровенно и рассказал Первому Заместителю Министра финансов Окума. Однако он своей добросердечностью и искренними советами меня переубедил, и я принял решение начать работать на новое правительство. При всем при том я по-прежнему не имел ни малейшего понятия о том, кто порекомендовал меня на эту работу и благодаря кому я оказался в таком затруднительном положении

Кто же порекомендовал меня на работу в Министерство финансов?

Когда-то я мечтал о свержении *бакуфу* и установлении новых порядков, но потом, оказавшись в исключительно бедственном положении, не нашел иного выхода, кроме как воспользоваться благоприятным случаем и поступить на службу в клан Хитоцубаси, а спустя некоторое время даже стал прямым вассалом *бакуфу*.

Тяготясь своим положением, я снова воспользовался благоприятным случаем и отправился на стажировку в Европу, где провел два года вплоть до падения *бакуфу* и создания нового правительства. Самураи из двух-трех кланов сделали именно то, о чем я мечтал много лет назад, но в результате этих событий я оказался изгнанником в своей собственной стране. Такое не могло мне привидеться и в самом кошмарном сне...

Независимо от того, каковы были мои взгляды в юности, для новых властей я был не более, чем бывшим вассалом *бакуфу*, и потому - врагом. В новом правительстве я не знал никого... Но кто же рекомендовал меня на эту должность? Очень долго я терялся в догадках, и только много позже стороной мне удалось узнать, что обо мне знал сам Министр Датэ, которому, в свою очередь, рассказал мою историю некто Го Дзюндзо. Этим двум людям я и был обязан своим назначением.

Естественно, я и не предполагал, что имею такие рекомендации, и потому в первом же разговоре с Окума завел речь об отставке, и ему стоило большого труда меня переубедить.

- Для того, чтобы теперь, после Реставрации, построить настоящее полноценное государство, - говорил мне Окума, - необходимы огромные, постоянные и согласованные усилия всех заинтересованных в этом людей. Прежде всего, нам предстоит реформировать экономику, правовую систему, армию, образование, а затем взяться за промышленность, торговлю, развитие и обустройство отдаленных районов страны... Множество задач стоит перед Министерством финансов: денежная реформа, усовершенствование налоговой системы, выпуск государственных ценных бумаг, создание акционерных компаний, вопросы транспорта, стандартизация мер и весов - всего не перечислить! И сегодня ни у кого (Подчеркиваю: ни у кого! Ни у Вас, ни у нас, ни у кого-либо еще!) нет ни соответствующих знаний, ни опыта такой работы. Поэтому только объединив наши силы, мы сможем добиться успеха... А что такое это Ваше новое предприятие в Сидзуока? С точки зрения всей японской экономики - оно, не в обиду Вам

будет сказано, пустяк, мелочь. А мы, японцы, всегда готовы пожертвовать малым ради великого, ведь правда?

В начале нашего разговора я был намерен твердо стоять на своем, но в конце концов, тронутый доводами Окума и его красноречием, не мог не признать, что в основном он прав, и потому ответил:

- Хорошо! Признаться, Вы меня убедили. Остаюсь в Токио и начинаю работать на новое правительство!..

РАБОТА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Вношу предложение создать Департамент реформ

Через несколько дней после нашего разговора я снова пришел к Окума:

- Ваши доводы окончательно меня убедили, и я готов приступить к работе, - сказал я ему. - Но хочу еще раз Вас предупредить, что у меня нет никакого опыта работы, только пара лет на службе в доме Хитоцубаси, да два года заграничной стажировки. Прямо сейчас, когда Вы только что доверили мне работу в Министерстве финансов, я, конечно, не вправе указывать на плюсы и минусы в его деятельности. Но одна особенность мне уже бросилась в глаза, и, честно говоря, если работа Министерства будет и дальше строиться подобным образом, то, боюсь, ни до каких упомянутых Вами реформ дело так и не дойдет. Я имею в виду тот беспорядок и толчею, которые царят в ведомстве. Все, от начальников до курьеров, завалены текущими делами, никто не имеет ни секунды для того, чтобы сесть и о чем-то подумать. В этой сутолоке проходит целый день, а потом все говорят: «Ну, до завтра!» и расходятся по домам... Нет, если мы действительно ставим перед собой большие цели, то нужно прежде всего подумать о том, как реформировать работу самого Министерства финансов. Для этого нужно создать соответствующую структуру, которая бы объединяла самых знающих людей, а уж они бы собирались, решали все вопросы, определяли, кто что должен делать и как. Короче говоря, я предлагаю создать в Министерстве новый департамент, который занимался бы реформированием существующей системы, разрабатывал новые нормы и правила работы. И любой проект должен осуществляться только после утверждения этим департаментом...

Окума полностью согласился с моими предложениями.

- По правде сказать, - заметил он, - я и сам давно уже размышляю о том, что за повседневными делами нам до самих реформ можно не добраться... И тоже хотел создать Департамент реформ... А теперь, когда и Вы высказываете схожие мысли, думаю, надо к этой идее вернуться...

Окума направил соответствующую записку в Государственный совет, и в конце 12-го месяца [1869 г.] разрешение на создание такого департамента было получено. В Департамент реформ по совместительству вошли многие ответственные лица, в том числе два человека из финансовой инспекции и из Департамента транспорта и связи. Департамент налогов представлял я. Мне также было поручено общее руководство новым департаментом. Мы сразу же приступил к работе, но к весне 3-го года Мэйдзи [1870 г.] я понял, что для активизации деятельности департамента к его работе нужно привлечь еще несколько знающих работников, и предложил Окума пригласить для этого людей из Сидзуока. В результате на разные посты в Департаменте реформ были назначены Маэдзима Хисока, Акамацу Нарийэси, Сугиура Аидзо и Сиота Сабуро. Кроме того, я привлек к работе несколько человек, сведущих в каллиграфии, технике, иностранных языках. Всего в нашем департаменте работало 22 или 23 человека, каждый из которых выдвинул тогда немало интересных идей. Словом, хорошее было время!

Начало административной реформы

Одними из главных задач нашего Министерства были стандартизация мер и весов по всей стране и создание земельного кадастра. Не менее неотложными являлись также реформа налогообложения и развитие транспортной сети. Требовали внимания денежная реформа, выплата пенсий самураям, строительство железных дорог, сооружение новых административных зданий, и многое, многое другое. Мы в Департаменте реформ неоднократно собирались и обсуждали положение в этих областях, а также разрабатывали конкретные проекты. Помню, особенно много сил отнял земельный кадастр - здесь пришлось провести очень детальное исследование проблемы, начиная с самых основ и заканчивая механизмами финансирования. А поскольку вся деятельность Департамента сопровождалась еще и выработкой конкретных планов, принятием решений и подачей запросов в соответствующие правительственные органы, то работы в Министерстве сразу прибавилось.

Примерно в это время в стране начали обсуждать проблемы, связанные со строительством железных дорог. Камнем преткновения стало решение Окума и Ито «привлечь к делу все силы» и, в частности, использовать средства зарубежных инвесторов. Оппоненты этого решения полагали, что оно противоречит стратегическим интересам страны. Вдобавок они обвиняли Окума и Ито в том, что те полностью игнорируют другие мнения и ведут дело сепаратно. Мы в Департаменте реформ прилагали все силы к тому, чтобы найти нужные контраргументы и дать отпор этим нападкам...

Нуждался в пересмотре имевшийся у нас план проведения налоговой реформы. Окума и Ито поручили нам провести дополнительные исследования на этот счет и возложили на меня как на начальника Департамента налогов персональную ответственность за их выполнение. Я начал разбираться в тонкостях этого вопроса. Дело действительно оказалось весьма и весьма трудным, при его обсуждении со всех сторон только и слышалось: «Как же быть?», «Что делать?», «Непонятно!». Но, в конце концов, мы все же довели наше исследование до конца и, в частности, аргументировано показали, что налоги надо брать не товарами, а деньгами.

Реформа транспортной системы

Еще одним большим вопросом была модернизация транспортной системы.

Сейчас молодые люди об этом, конечно, и понятия не имеют, но во времена *бакуфу* в стране существовала целая система почтовых станций с почтовыми лошадьми и так называемых «подсобных деревень», на которые накладывались тяжелые повинности по содержанию этой системы. Когда по тракту проезжал какой-то знатный вельможа, то соседние деревни должны были давать ему людей и лошадей. Скажем, если вести речь о тракте Накасэндэ, то деревни, расположенные у станции Фукая, выделяли людей и лошадей для Фукая, те, что находились вблизи Хонъяцу, «споспешествовали людно и конно» этой станции и т.п. Эти деревни назывались «основными». Были еще и «добавочные», которые привлекались для срочных дел и крупных заказов.

К вашему сведению, если по тракту Накасэндэ проезжал в Эдо, скажем, глава клана Кага, совершавший *санкин*¹³³, то только на станции Фукая для него требовалось дополнительно тысяча человек и сотня лошадей. Это число делилось в пропорции 7:3, и с десяти окрестных «основных» деревень брали в сумме 700 человек и 70 лошадей, а с десяти «добавочных» - 300 человек и 30 лошадей.

Чем занимались эти люди? Перевозили багаж - он был упакован в корзины, накрытые на случай дождя промасленной бумагой. Носили паланкины *сюкукаго*¹³⁴. Проводили между станциями

133 *Санкин, санкин котай* - система заложничества. Согласно установленным правилам, крупные феодалы должны были по году жить в Эдо вместе с семьей и своими вассалами. Когда феодал возвращался в свое владение, он оставлял семью в сёгунской столице в качестве заложников. Постоянные переезды и траты подрывали финансовые возможности владетельных князей и делали их более управляемыми.

134 Паланкин *сюкукаго* обычно делался из связанных между собой плетеных бамбуковых циновок, на которые клали подушки для сидения. Несли *сюкукаго* два человека. Такие самодельные паланкины были исключительно легки и удобны в обращении. - Прим. автора.

низкорослых вьючных лошадей или сами переносили грузы. Шли в охране, вооружившись пиками и алебардами. Помогали нести тяжелые самурайские доспехи...

Словом, местные крестьяне делали для знатных и не очень знатных путешественников самую разную работу и, естественно, получали за нее деньги, так что в межсезонье работа на станциях была для жителей окрестных деревень заметным подспорьем. И, кстати говоря, сама эта система сложилась в первые годы сёгуната Токугава именно как средство дать дополнительный заработок жителям деревень, прилегающих к оживленным трактам. Понятно, что «основные» деревни при этом зарабатывали больше, чем «добавочные». Плата эта исчислялась в старинных золотых червонцах *кобан*, или *Кэйтё кобан*. Правда, в годы Канъэй и Гэнроку власти пытались расплачиваться с крестьянами бумажными деньгами, но потом отказались от этого начинания. Еще одну попытку преобразований сделал в годы Кёхо¹³⁵ восьмой сёгун,¹³⁶ который хотел восстановить прежнюю систему оплаты труда крестьян, но и ему это в полной мере сделать не удалось.

Червонцы, которыми расплачивались с крестьянами, многократно перечеканивались, так что имело хождение множество их разновидностей, которые назывались «подлинный *кобан*», «простой *кобан*», «защищенный *кобан*», «*кобан* в 2 бу» и т.д. Эти перечеканки продолжались вплоть до годов Ансэй и Бункю¹³⁷, в результате чего содержание золота в монетах постоянно уменьшалось, их покупательная способность падала, а цены, исчисляемые в *кобан*, росли. В итоге деньги, которые в неизменных суммах выплачивались за эту работу еще со времен Кёхо, совершенно обесценились, и жители близких к трактам деревень оказались в бедственном положении.

Напомню, что в те времена не было ни рикш, ни конок, а уж такая диковина, как железная дорога, и во сне не могла привидеться. Поэтому если у носильщиков отказывали ноги, то вельможам не оставалось ничего другого, как пересаживаться на почтовых лошадей. А если и их нет? Так что трудности жителей «подсобных деревень» на самом деле распространялись на все «пять провинций и семь областей»¹³⁸, затрагивали интересы людей во всех уголках Японии.

Мы в Департаменте реформ неоднократно обсуждали транспортные проблемы, которые в то время до крайности обострились и требовали неотложного решения. Предлагались самые разные меры. К счастью для всех нас, вскоре из Сидзуока в Токио переехал мой старый знакомый Маэдзима, назначенный начальником Департамента транспорта и связи. Он-то и приступил к осуществлению наших предложений.

Если говорить в целом, то через Департамент реформ проходило множество предложений по улучшению управления, которые, после всестороннего обсуждения и разработки соответствующих проектов наше Министерство передавало в правительство. Вообще Министерство финансов в это время приобрело очень большой вес, что, кстати говоря, вызвало волну нападок на Окума и других наших руководителей, которых обвиняли в давлении на прочие правительственные ведомства.

На путях финансовой реформы

Настоятельно необходимой становилась финансовая реформа. К тому времени в Осака уже был построен новый печатный двор, а в результате долгих обсуждений в правительстве было решено, что новые бумажные деньги должны иметь серебряный стандарт. Эти вопросы

---

135 Кэйтё - с 1596 по 1615г., Гэнроку - с 1688 по 1704 г., Канъэй - с 1624 по 1644 г., Кёхо - с 1716 по 1736 г.

136 Токугава Ёсимунэ (1684-1751, правил с 176 по 1745 г.) - восьмой сёгун династии, оставивший заметный след в истории Японии. Провел ряд преобразований в экономической и законодательной областях, целью которых декларировался возврат к политике основателя династии Токугава Иэясу. Реформы годов Кёхо были направлены на оздоровление финансов страны.

137 Ансэй - (1854-1860), Бункю - (1861-1864).

138 В старину пятью провинциями (*гоки*) называли ближайшие к императорской столице Ямасиро, Ямато, Кавати, Сэтцу, Идзуми. Под семью областями (*ситидо*) имеется в виду существовавшее до 1871 г. административное деление Японии на области Токайдо, Тосандо, Хокурикудо, Санъиндо, Санъёдо, Нанкайдо и Сайкайдо.

занимали в деятельности нашего Министерства одно из центральных мест, но, естественно, вся подобная работа велась в обстановке строгой секретности.

Другим важным вопросом был выпуск государственных ценных бумаг. Мы знали, что такие бумаги существуют во многих странах Европы и Америки, но подойдут ли они для Японии?

Как наладить их оборот? Какой курс обмена установить? Как сделать так, чтобы финансовые органы работали с наибольшей отдачей? Пытаясь ответить на эти и множество других вопросов, Заместитель Министра финансов Ито Хиробуми предложил отправить в страны Запада ознакомительную миссию. В результате обсуждения в Департаменте по реформам была подготовлена записка в правительство, по которой вскоре и было принято соответствующее постановление. Во исполнение этого решения в 10-ом месяце 3-го года Мэйдзи [1870 г.] Ито Хиробуми в сопровождении Ёсикава Акимаса и Фукути Гэнъитиро отбыл в США.

Во время этой поездки Ито изучал американское финансовое законодательство и другие нормативные документы, знакомился с экономическими обоснованиями и самими процедурами выпуска ценных бумаг и направлял в Министерство Финансов множество конкретных рекомендаций и предложений на этот счет. В частности, он посчитал, что с финансовой точки зрения выпуск ценных бумаг удобнее вести через систему Национальных банков, которым будет легче выпускать банкноты, конвертируемые в драгоценные металлы¹³⁹.

Ито предложил также пересмотреть решение о серебряном стандарте для национальной валюты. Это решение было в свое время принято по рекомендации англичанина Робертсона, который возглавлял отделение Восточного банка в Иокогама. Робертсон считал, что раз в странах Восточной Азии принят серебряный стандарт, то и Япония должна идти по этому пути. Однако Ито выяснил, что в США и европейских странах пользуются золотым стандартом, и сделал вывод, что и Япония, если она стремится стать цивилизованной страной, тоже должна установить для своей валюты золотой стандарт.

Ито предупреждал, что выпуск в США в 1860-х годах большого количества государственных ценных бумаг привел к тому, что они быстро упали в цене, а страна стала испытывать серьезные трудности. В своих письмах Ито также давал исторический обзор становления в США системы Национальных банков и соответствующих законодательных актов. Еще одной темой его сообщений стали структура и регламент работы американских правительственных органов, ибо в Японии тогда еще не было четкого разделения обязанностей в административной сфере и не было однозначно определено, какое ведомство за что отвечает.

Свои письма Ито направлял в Министерство финансов, так что фактически вся его переписка шла через Департамент реформ и, насколько я помню, немало писем попадало к Окума через меня.

Таким образом, Департамент реформ напряженно работал над самыми разными проблемами, которые, впрочем, все были исключительно важны и требовали своего скорейшего осуществления.

Весной 4-го года Мэйдзи [1871 г.] Датэ Мунэнари ушел с поста Министра финансов, а Первый Заместитель Министра финансов Окума стал советником правительства¹⁴⁰. Их заменили соответственно Окубо и Иноуэ Каору, который оставил место начальника печатного двора в Осака.

---

139 В первые годы после Реставрации Мэйдзи в финансовой области в качестве образца для подражания была взята американская финансовая система. В 1872 г. в Японии был принят закон о создании так называемых Национальных банков (*кокурицу гинко*). Несмотря на название, они представляли собой не государственные, а частные финансовые институты, работавшие под контролем правительства. Национальным банкам разрешалось выпускать собственные банкноты, конвертируемые в золото. См.: История Японии, Т. II, с. 64. М., ИВ РАН, 1999.

140 В 1871 г. была проведена очередная реформа структуры правительства. Новый государственный совет (*дадзёкан*) делился три палаты, а для практического управления страной были учреждены 8 министерств (*сё*) - по делам религии, иностранных дел, финансов, военное, образования, поощрения промышленности, юстиции, по делам двора. Кроме того, при *дадзёкан* были введены должности советников правительства (*санги*), которые принимали политические решения, но были отстранены от практически работающих министерств. См.: История Японии, Т. II, с. 41-42. М., ИВ РАН, 1999.

Теперь над отчетами Ито и другими документами мы работали вдвоем с Иноуэ. Обсуждались и другие вопросы, например, создание системы Национальных банков, реформа структуры правительства и выпуск ценных бумаг...

После тщательного изучения всех докладов Иноуэ решил отдать приоритет проведению денежной реформы и попросил меня подготовить соответствующие документы для представления в Департамент реформ.

Пока я работал над этим вопросом, в 5-ом месяце 4-го года Мэйдзи [1871 г.] вернулся из Америки Ито, который пришел к выводу, что для успеха наших начинаний равным образом важно также продвигать вперед создание банковской системы, осуществлять выпуск ценных бумаг и проводить административную реформу. Поэтому с согласия Иноуэ я начал работать над определением очередности и подготовкой законодательной базы и для этих преобразований.

Упразднение княжеств и образование префектур

За время работы над всеми этими проектами на первый план вышла еще одна стратегическая проблема: упразднение кланов и княжеств и создание префектур. Она бурно обсуждалась и в правительственных кругах, и в народе. Наконец, в середине 7-го месяца этот вопрос был решен, а страна оповещена об этом решении.¹⁴¹

Об упразднении княжеств и образовании префектур заговорили немного раньше, когда главы Сацума, Тёсю и других ведущих княжеств направили во дворец петицию о том, что хотят «вернуть народ и землю Императору». Однако, как стало известно, тогда ведущим деятелям новой власти - Сайго, Кидо, Окубо и другим - не удалось достичь полного согласия в этом деле, и оно было приостановлено. И вот теперь это решение состоялось...

Самое главное, что выяснилось при его обнародовании - это то, что границы префектур будут пока совпадать с границами бывших княжеств. При подготовке этого решения для нашего Министерства самым важным был вопрос о том, что делать с деньгами и другими ценными бумагами, выпущенными ранее разными кланами. Мы оказались на распутье: ведь если дожидаться выхода указа об упразднении княжеств и потом объявить, что их прежние ценные бумаги не стоят ни гроша, то это неминуемо вызовет в стране волнения. С другой стороны, если заранее объявить, что центральное правительство выкупает эти бумаги, то они вздорожают, и неоправданно большое число людей получит легкую прибыль. А зачем нам своими руками делать воронку, в которую вытекут большие деньги?

Поэтому Министерство финансов было вынуждено разрабатывать правила обмена старых денег в очень сжатые сроки и в глубокой тайне. Работы было столько, что, помнится, нам пришлось даже выйти на службу и провести несколько часов за бумагами в праздничный день 13-го числа 7-го лунного месяца.¹⁴² Однако мы все же уложились в срок и разослали по всей стране правила обмена старых денег в тот самый день, когда вышел указ об упразднении княжеств.¹⁴³

Упразднение кланов вообще создало для Министерства множество острых проблем, которые приходилось решать в самом спешном порядке. Помню, как однажды Ито дал мне на разработку одного законопроекта три дня, и я действительно работал над ним трое суток, буквально не смыкая глаз, но представил его вовремя. А ведь там нужно было решить множество сложных и запутанных вопросов: определить резервы каждого княжества в рисе и в деньгах, учесть долговые обязательства каждого клана и собранные налоги, определить, на какую сумму выпущены им ценные бумаги, оценить объемы незавершенных работ и т.п.

Что касается долговых обязательств, выпущенных разными княжествами, то было решено обменять их на ценные бумаги нового правительства. При этом, поскольку в займы были

---

141 Реорганизация системы административно-территориального деления страны была совершена в конце августа 1871 г. На месте кланов (княжеств) было создано более 300 префектур, число которых к ноябрю того же года было сокращено до 75, а к 1888 г - до 46. См.: История Японии, Т. II, с. 41. М., ИВ РАН, 1999.

142 В середине 7-го месяца по лунному календарю в Японии отмечается *бон*, или *о-бон* - буддийский праздник поминовения усопших.

143 Их меняли по курсу, сложившемуся на день выхода указа.

вовлечены деньги с разных территорий, то при определении обменного курса мы классифицировали бумаги кланов не по месту, а по времени выпуска, выстроив их по порядку вплоть до самых ранних. В новых же бумагах учитывалось то, когда они были выпущены: до Реставрации или после. То есть, грубо говоря, займы княжеств мы поделили на старые и новые...

Продолжалась реформа административных органов. Ито из своей поездки в Америку привез множество материалов на этот счет, их перевели на японский язык и использовали для разработки общих положений реформы, которые и были переданы в правительство. В ответ пришло указание немедленно начать реформу в самом Министерстве финансов. Я был назначен ответственным за разработку основных положений этой реформы и снова проработал над ними у себя дома непрерывно трое суток, но мы вовремя представили все документы в правительство, а вскоре, после одобрения, уже претворяли их в жизнь в нашем Министерстве. Тогда же в Министерстве была разработана новая система бухгалтерского учета, которая в небольшими изменениями действует в японских ведомствах и поныне. Я также занимался разработкой законопроектов о деятельности банков, но рассказывать об этом сейчас нет необходимости.

У меня впервые возникает мысль заняться предпринимательской деятельностью

Однажды, еще до описываемых событий, мне пришлось вместе с Окума, Ито и Ёсида Киёнари выехать на инспекцию печатного двора в Осака. На обратном пути я долго размышлял о будущем японской экономики:

«Правительство может напрягать все свои силы, заниматься денежной реформой, налоговой реформой, создавать частные и акционерные компании и целые новые отрасли, - думал я, - но до тех пор, пока к делу обновления торговли и промышленности не удастся привлечь купечество, ничего у нас не получится...

Так, может быть, мне самому заняться частным предпринимательством? Выйти, так сказать, на передовую, и своими усилиями попытаться оживить ныне вялую японскую коммерцию, самому продвигать ее вперед?..»

Однако когда я поделился этими мыслями с Окума и Ито и спросил, нельзя ли мне уйти в отставку, то они ответили, что высоко ценят мою решительность, но сейчас я нужен в Министерстве, и с отставкой лучше повременить...

Я возглавил Департамент налогов Министерства финансов зимой 2-го года Мэйдзи [1869 г.]. Постепенно продвигаясь по служебной лестнице, я тогда занимал уже пост Помощника Заместителя Министра, на котором мне приходилось заниматься делами всего Министерства в целом.

Кроме всего прочего, на этом посту мне с недавнего времени было поручено курировать так называемую «Торгово-промышленную палату» («Цусёси»), которая была основана как акционерная компания в 1-ом году Мэйдзи [1868 г.] влиятельными купцами из Токио и Осака под эгидой Министерства финансов. «Цусёси» объединяла меняльные конторы, торговые дома и товарищества по освоению новых земель. Впрочем, несмотря на представительный состав учредителей, компания постоянно терпела убытки в силу неопытности управляющих и полного непонимания ими целей и принципов коммерческой деятельности. Вскоре она пришла в полный упадок, и ее решили закрыть. Мне было поручено проконтролировать выполнение этого решения...

Вообще когда я встречался с токийскими или осакскими купцами, то меня не покидало ощущение, что все последние реформы и нововведения их совершенно не коснулись. Они все так же падали ниц при появлении любого чиновника, все так же рассыпались в извинениях, все так же не хотели ничему учиться. И именно чувство стыда и горечи от виденного и подтолкнуло меня к решению попытаться уйти в отставку и самому заняться коммерцией.

Я расхожусь во мнениях с Министром финансов Окубо

Моя поездка в Осака состоялась летом 4-го года Мэйдзи, [1871 г.], а в 9-ом месяце того же года меня командировали в Кабинет Министров в качестве полномочного представителя Министерства для подготовки текстов законопроектов. Однако уже через месяц я снова вернулся в Министерство финансов, но уже на должность исполняющего обязанности заместителя Министра. Напомню, что Министром был тогда Окубо, а его Первым Заместителем - Иноуэ. На новой должности я должен был заниматься совершенствованием распределения обязанностей в Министерстве и разработкой различных административных положений и предписаний.

Упразднение кланов и создание префектур позволило более четко распределить обязанности между правительственными чиновниками, но не привело к росту доходов государства. Напротив, сложившаяся финансовая система была такова, что чиновники Казначейства не могли поставить никаких ограничений на расходование денег: когда у правительства возникала необходимость, оно просто приказывало Министерству финансов выдать требуемую сумму, то есть, как бы говорило: «Ничего страшного, берите и тратьте!» А поскольку правительство видело свою задачу в ускорении развития страны во всех областях, то деньги ему требовались постоянно. Деньги были нужны армии и флоту; деньги требовались Министерству юстиции для формирования судебной системы; Министерство просвещения готовило Закон об образовании... - словом, требования денег сыпались на нас со всех сторон, что приводило Иноуэ в самое мрачное расположение духа. Окубо же, напротив, совершенно не интересовался финансовым положением страны и был готов раздавать деньги направо и налево по первому требованию министров. Я оказался между двух огней и тоже мрачнел с каждым днем.

Для того чтобы наладить хоть какой-нибудь контроль над средствами, мы с коллегами по Министерству финансов решили составить сводные таблицы доходов и расходов по каждому министерству и на их основе определить, хотя бы в общем, цифры будущего бюджета. Однако не успели мы еще оценить общую сумму предполагаемых доходов, как в 8-ом месяце из правительства пришло указание предусмотреть на будущий год расходы на армию в размере 8 миллионов иен, а на флот - в 2 миллиона. Окубо как Министр финансов был склонен согласиться с такими цифрами, но попросил высказаться на этот счет трех сотрудников Министерства: меня как исполняющего обязанности Заместителя Министра, Тани Тэцүтоми и Ясуба Ясукадзу.

- По моему мнению, - ответил я, - следовало бы сначала определить и зафиксировать общую сумму годовых доходов, а для этого нужно как можно быстрее собрать данные о поступлениях по всей стране. Сейчас мы пытаемся проанализировать данные о доходах ряда министерств, но надо признать, до сих пор не имеем достоверной статистики... Мне кажется, что до того, как станет известна хотя бы общая сумма доходов, правительству не стоит утверждать расходы по министерствам. Да, все средства находятся в руках Министерства финансов, но если мы будем бездумно наращивать расходы, не зная даже, сколько получим доходов, то уподобимся кутиле, который пригоршнями разбрасывает деньги направо и налево... Если мы и впредь будем давать армии, флоту и другим ведомствам все те средства, что они запрашивают, то не только нарушим главное правило хозяйствования: «соразмеряй расходы с доходами», но и вообще никогда не сможем составить государственный бюджет! Меня очень и очень тревожит то обстоятельство, что мы, похоже, и в дальнейшем намерены выдавать министерствам все те суммы, которые они запрашивают. Мое предложение - сначала детально все распланировать, то есть подсчитать доходы и сообразно с ними определить уровень расходов. Все цифры на этот счет мы представим Вам в самое ближайшее время. Сейчас, повторяю, мы делаем все возможное для того, чтобы как можно быстрее собрать данные о доходах и свести их воедино. И я, ничтожный, смею полагать, что только после решения этой задачи можно будет вести речь о расходах того или иного министерства...

- Так, понятно, - произнес заметно помрачневший Окубо. - То есть Вы считаете, что пока у нас нет на руках этих цифр, армия и флот могут обойтись без денег?

- Ни в коем случае! Напротив, и армии, и флоту платить надо, без них нашей стране не выстоять! Но, повторяю: если Министерство финансов будет только тратить деньги, нисколько не заботясь о том, какие поступления ожидаются на следующий год, не будет сопоставлять доходы

с расходами, то есть опасность, что эти действия войдут в противоречие с одним из основных постулатов хозяйствования. Таково мое скромное мнение, которое я решился представить на суд Вашего Превосходительства, естественно, оставляя за Вами окончательное решение этого вопроса. - С этими словами и поднялся и вышел из кабинета Окубо.

С этого дня меня снова начали посещать мысли об уходе в отставку...

Иноуэ узнает о моем решении уйти в отставку

«Итак, Министр финансов Окубо, надежда и опора Японии, человек, в руках которого сосредоточена вся власть над Министерством, не только не умеет руководить, но и не понимает азбучных истин! - размышлял я. - А Иноуэ, хоть он и трудится от зари до зари, конечно, не сможет решить всех проблем. К тому же большое число служащих Министерства являются протеже Окубо и не спешат усердствовать в выполнении указаний Иноуэ...

Естественно, долго вести финансовую и административную деятельность работающее безо всяких правил Министерство не сможет. А что это значит? А значит это то, что в один прекрасный день наше Министерство финансов станет посмешищем для всей Японии!

В правительстве, в министерствах сейчас обсуждаются сотни проектов разнообразных реформ. И для каждого нужны деньги! Но если деньги и дальше будут выдавать только потому, что «они нужны», если одному будут давать, потому как уж очень сильно просит, а другому - не будут, потому как просит не так уж сильно... Нет, я такую политику поддерживать не буду!»

С этими мыслями я пришел к Иноуэ (он тогда жил в районе Кайунбаси в доме, который принадлежал «Мицуи») и прямо с порога заявил ему, что намерен подать в отставку:

- Я хотел бы переговорить с Вами именно сегодня, поскольку уже завтра намерен подать официальное прошение об отставке. Боюсь, что более я в Министерстве финансов служить не смогу. Почему? Честно говоря - просто потому, что нет у меня к тому особого желания. Конечно, я не должен такое заявлять Вам - человеку, который на благо дела трудится от зари до зари, буквально не покладая рук. Но я Вам прямо скажу: если Министерство и дальше будет работать подобным образом, то оно никогда не достигнет поставленных перед ним целей! Вот почему я хочу уйти с работы, которая потеряла для меня всякий интерес, и заняться тем, о чем я как-то вскользь Вам говорил, тем, к чему имею большую склонность - коммерцией. Посудите сами: сейчас все те, у кого есть голова на плечах, все образованные, способные и энергичные люди стремятся попасть на государственную службу. А что же частый интерес? Ведь если в нашей стране нарушится баланс между верхами и низами, то она жить и развиваться не сможет, не так ли? Вот поэтому я и решил сегодня встретиться с Вами и поблагодарить Вас за благорасположение, а уже завтра подать заявление об отставке...

- Решительно с Вами не согласен! - ответил мне Иноуэ. - Нет, конечно, определенный резон в Вашей позиции есть... Но уходить в отставку, сейчас, когда в Министерстве непочатый край дел... Прошу Вас, успокойтесь и продолжайте работу!

- Был бы рад переменить свое мнение и со всем усердием приступить к работе, - жестко произнес я, - но, как мне уже было позволено заметить, выбор я сделал окончательный, и потому любые возражения будут только усиливать мою решимость...

Но Иноуэ не сдавался:

- Я согласен с Вами в том, что касается бюджета. Ваши опасения за будущее Министерства также в высшей степени обоснованны. Более того, могу Вам сказать, что у меня уже есть план действий по улучшению работы Министерства и наведению должного порядка в финансовой системе Японии. Я не хотел бы откладывать его в долгий ящик и начну осуществлять этот план в самом ближайшем будущем, естественно, рассчитывая на Вашу помощь. В частности, необходимо будет провести инспекцию Печатного двора в Осака...

Иноуэ был настолько искренен, предупредителен и любезен, что я, в конце концов, поступил по его совету: не стал давать ход своему заявлению об отставке и в скором времени выехал в Осака.

Командировка в Осака и новая работа

В то время директором Печатного двора в Осака был Маватари Тосиюки, выходец из провинции Хидзэн, назначенный на эту должность в 8-ом месяце [1871 г.]. До него Печатный двор возглавляли Иноуэ (по совместительству с основной должностью Заместителя Министра финансов) и Ито Хиробуми (вплоть до его перевода в Токио летом того же года). Таким образом, руководство Печатного двора часто менялось, что, конечно, мешало наладить его стабильную работу. Собственно, для решения этого вопроса я и был откомандирован из Токио в Осака, куда и прибыл в последней декаде 9-го лунного месяца.

Токио и Осака связывало в то время еще одно финансовое дело. Незадолго до Реставрации Мэйдзи, в годы Бункю и Кэйю, в нескольких княжествах были незаконно выпущены в обращение золотые монеты номиналом в 2 бу. Они продолжали хождение и после Реставрации, что вызывало крайнее недовольство иностранцев. В конце концов новое правительство обещало пообещало обменять эти монеты и тем вывести их из обращения. Но в описываемое время они еще встречались в обороте и тем, кстати говоря, подрывали идею обещанного правительством свободного обмена новых бумажных денег на настоящие монеты в 2 бу, ибо из-за наличия незаконно изготовленных монет на таком обмене потери казны составляли более пяти процентов.

Для решения этой проблемы я предложил следующий выход: Министерство финансов от имени правительства выпускает специальные ценные бумаги, которые обмениваются на эти монеты. Это позволяет монеты собрать, а вместо них выпустить бумажные банкноты. Таким образом, правительство не только решает проблему оборота незаконных монет, но и получает значительный доход. Мой план был сразу же одобрен в Министерстве, и одна из целей моей поездки в Осака как раз и состояла в том, чтобы как можно быстрее начать его осуществление.

Я провел в Осака почти месяц, наблюдая за выпуском обменных купонов, и вернулся в Токио 15-го числа 11-го лунного месяца.

За это время в столице было принято решение направить в страны Европы и Америки большую миссию во главе с Ивакура Томоми. Заместителями Ивакура были назначены Кидо, Окубо и Ито. В состав делегации вошли более десятка членов правительства, ответственных за те или иные направления работы. Отъезд миссии был назначен на конец 11-го лунного месяца.

Кончина отца

Итак, 15-го числа я вернулся в Токио, где узнал, что за два дня до этого серьезно ухудшилось состояние здоровья моего отца. Я хотел в тот же вечер срочно выехать к нему, но не смог: вначале нужно было представить отчет о моем пребывании в Осака и получить официальное разрешение на отлучку.

Ночь прошла в тягостных раздумьях. Рано утром следующего дня я поспешил к Иноуэ, коротко отчитался перед ним о состоянии дел в Осака, получил разрешение на поездку на родину по случаю болезни отца и тотчас же выехал из Токио.

Шел проливной дождь, и мне удалось добраться до станции Фукая на тракте Накасэндэ только около девяти вечера. Наскоро перекусив в трактире «Сугида», я снова отправился в путь и около одиннадцати часов вечера добрался, наконец, до моей родной деревни...

Отцу стало плохо вечером 13-го: острая боль пронзила грудь, и он потерял сознание. Отец очень обрадовался моему появлению. В этот день ему стало немного лучше, но, в общем, состояние его оставалось очень тяжелым, и я не отходил от него ни на шаг. Отец, по-видимому, понимал, что дни его сочтены и спешил поделиться со мной своими последними желаниями.

Вплоть до утра 18-го ухудшений не было, но днем отец вдруг снова потерял сознание. Мы делали все, что могли, но состояние его быстро ухудшалось, и 22-го числа мой отец уснул вечным сном. Ему было 63 года...

Невозможно описать словами то горе, которое охватило всю нашу семью. Я тоже не мог сдержать слез... До скончания дней своих я буду скорбеть о кончине отца!

Снова и снова мысли мои возвращались к тому, что произошло. Девять лет назад я навсегда ушел из родного дома. Отец, несмотря на свой возраст, всегда отличался исключительно крепким здоровьем, рьяно занимался домашним хозяйством, выращивал индиго... Словом, дух его несколько не слабел с годами. После ухода из дома и переезда в Токио я несколько раз говорил отцу, что в его годы нужно больше заботиться о здоровье, что пора оставить дела и уйти на покой... Но отец, как обычно, был непреклонен и тверд, и на все мои советы неизменно отвечал, что и в этом деле важно соблюдать различия между знатью и простолюдинами... Отец часто приезжал по делам в Токио, но у меня останавливался не больше пяти раз. Выглядел он как обычный здоровый человек его возраста, на болезни не жаловался, поэтому его внезапная кончина всех нас потрясла. Мы буквально не находили себе места от горя...

Но, как говорится, «тот свет - не этот» - сколько слез ни лей, сколько к Небу ни взывай, а отца не вернешь... С тяжелым сердцем я завершил все похоронные дела и в начале 12-го лунного месяца вернулся в Токио. День проходил за днем, месяц за месяцем, но воспоминания об отце и тоска по безвременно ушедшему от нас близкому человеку становились все острее. К тому же могила отца осталась в нашей деревне, а я служил в Токио и не мог должным образом за ней ухаживать. Поэтому в годовщину смерти отца я решил в память о нем установить в одном из храмов токийского района Янака мемориальную стелу и провести перед ней траурную церемонию.

Кое-что о моем отце я успел рассказать Вам во время нашей первой встречи. Сейчас же я позволю себе зачитать эпитафию, выбитую на памятнике:

«Покойный Сибусава; посмертное имя - Бига, земное имя - Итиро, литературное имя - Банко. Родился в деревне Тиараидзима провинции Мусаси в крестьянской семье. Отец - [Сибусава] Кэйрин, мать - Таката. Урожденный третий сын Сэйтоку [Сосукэ]. Наследовал Кэйрин, женился на старшей дочери в семье. С юных лет отличался тягой к наукам, глубиной мысли и независимостью суждений. К любому делу подходил с тщанием, во всем - от крестьянского труда до повседневных дел - непременно многожды обдумывал, прежде чем сделать. Столь же расчетливо, постоянно стремясь к лучшему, радел о [семейном деле] выращивания индиго. Имя покойного стало известно, семья и дело его процветали. Многие крестьяне, следуя его примеру, также пришли к достатку. Глава клана Ханбара [Окабэ], на землях которого расположена деревня, неоднократно обращался к покойному за помощью, когда ему нужны были средства на проведение земляных работ или на прочие неотложные нужды. И покойный не только никогда не отказывал, но, напротив, говорил, что всегда рад использованию его средств в столь срочных обстоятельствах, особенно, если деньги эти пойдут на нужды клана. Неизменно добрый к родным и близким, он всегда благодетельствовал семьям, потерявшим кормильца, настойчиво предлагая им средства на возрождение хозяйств, и был за это высоко чтим всеми поселянами.

Скончался от болезни в 22-ой день 11-го месяца 4-го года Мэйдзи в возрасте 63 лет. Похоронен на пятый день в родной деревне рядом с предками под посмертным именем Рандэн Сэйто. Старший сын покойного, Эйити, служит в Министерстве финансов, занимает должность третьего ранга, имеет пятый чин. Старшая дочь усопшего замужем за Ёсиока Дзюро, младшая - за его племянником Сунага Сайдзабуро, которому и поручены все семейные дела и имуществу. Остальные дети умерли во младенчестве.

В память о покойном установил эту стелу в храме Тэннодзи района Янака сын его Эйити, проживающий в Токио.

Воистину прискорбно, что добродетели покойного были известны лишь его семейству, дела его - только родной деревне, а миру остались неявленными. Однако сын его Эйити, поднявшись из низов, достиг высокого поста и стал известным. Так можно ли желать большего? По родству покойный приходился мне дядей, но доподлинно был отцом и наставником. И я, Ацутада, написал это в знак глубочайшего к нему уважения.»

Мне кажется, что в этой эпитафии, которую написал Одака Ацутада, действительно как в зеркале отражена вся сущность отцовской жизни, и когда я перечитываю эти строки, то отец предстает предо мной, как живой...

Итак, наступило лето 5-го года Мэйдзи [1872 г.]. Ёсида Киёнари, которого год назад назначили Заместителем Министра финансов, был откомандирован в Англию с задачей разместить там ценные бумаги японского правительства.

Суть идеи, которую предложил Иноуэ, состояла в том, что если правительству удастся собрать за границей достаточно средств, то вместо того, чтобы ежегодно выплачивать аристократам и *даймё* значительное содержание, им можно будет выдать единовременное пособие и, таким образом, казна освободится от долговременных обязательств. Основную долю средств для такой операции правительство надеялось получить посредством размещения за границей государственных облигаций. Часть собранных таким образом денег мы надеялись употребить и на обеспечение свободного обмена денег на золото. Для решения всех этих вопросов и был откомандирован за границу Заместитель Министра финансов Ёсида.

Незадолго до отъезда Ёсиды, во 2-ом месяце [1872 г.], я получил в Министерстве третью по рангу должность и стал Заместителем Министра финансов. Министр финансов Окубо тоже был в то время в заграничной командировке, поэтому я оказался в Министерстве вторым человеком после Первого Заместителя Министра финансов Иноуэ, который в это время исполнял обязанности Министра и обладал всей полнотой власти в нашем ведомстве.

Прочие министерства оспаривают полномочия Министерства финансов

Между тем Министерство финансов продолжало работать над решением множества экономических задач. Прежде всего, мы хотели оценить общую сумму поступлений в государственную казну. Собственно говоря, именно исходя из этой суммы и нужно было определять расходную часть бюджета.

К тому времени работа по упразднению кланов была, в основном, завершена, и нам, в конце концов, удалось (хотя и не совсем точно) оценить общий объем поступлений - он составлял около 40 миллионов иен. Теперь предстояло решить главную задачу: убедить правительство в том, что оно должно утвердить бюджет каждого из министерств, исходя из общего принципа баланса между доходами и расходами. Иноуэ надеялся, что тогда за счет некоторого превышения доходов над расходами нам удастся высвободить средства для того, чтобы обеспечить свободную конвертацию бумажных денег в золото.

Однако с наступлением Нового года остальные министерства стали снова требовать денег, и требования эти звучали все настойчивее. Так, зимой с ультимативно резкими требованиями выступили Министерство юстиции и Министерство образования. Министерство финансов ответило, что не может удовлетворить эти требования, и вслед за этим между нами и другими министерствами вспыхнули разногласия, которые скоро переросли в настоящую войну за полномочия.

Причины их недовольства были нам, в общем, понятны: после упразднения кланов сфера ответственности Министерства финансов резко расширилась, в его ведении оказались все денежные средства правительства, и всякий раз, когда какому-то ведомству требовались деньги, оно было вынуждено обращаться с просьбой в наше Министерство. Иными словами, влияние Министерства финансов настолько возросло, что это стало причиной беспокойства в других правительственных структурах.

Неприязнь к Министерству финансов питали многие, но особенно резко свое недовольство высказывали глава Министерства юстиции Это Симпэй и его подчиненные. Министр Это всегда недолюбливал Иноуэ, и неудивительно, что именно руководство Министерства юстиции возглавило атаку на Минфин.

В то время главой Государственного совета был Сандзё, а три следующих по значимости поста - Главных советников - занимали Сайго, Итагаки и Окума. Сандзё как придворный аристократ

особенно не вникал в эти дела, а Сайго с Итагаки, хоть и обладали большим политическим весом, но мало интересовались экономическими проблемами. Так что единственным нашим сторонником в правительстве оставался Окума, который прекрасно разбирался в делах Министерства, да к тому же был старым другом Иноуэ. С ним мы и связывали наши надежды на дальнейшее совершенствование финансовой системы.

Разработка Закона о Национальных банках

Иноуэ между тем продолжал урезать расходные части бюджетов министерств, надеясь достичь требуемого превышения доходов над расходами, и это ему удалось: в итоге планируемые доходы превысили расходы на 20 миллионов иен.

Теперь встал вопрос о том, чтобы на основе материалов, которые Ито привез из США, разработать документы, регулирующие деятельность Национальных банков. Эта задача была поручена мне. Я проработал над ней все лето, и 25-го числа 8-го месяца [1872 г.] законопроект был представлен в правительство.

Незадолго до этого купец Миномура Ридзаэмон из торгового дома «Мицуи» объявил о своем намерении основать частный банк и начал переговоры с Иноуэ о получении соответствующего разрешения. Однако в то время подготовка банковского законодательства еще не была завершена, и потому Миномура получил указание подождать.

Между тем в ходе подготовки законопроектов о деятельности банков мы пришли к выводу, что в стране нужно организовывать не просто частные банки, а систему Национальных банков, и к осени подготовили проект создания структуры, которая сейчас называется Первый Национальный банк. Кроме «Мицуи», мы привлекли к его созданию «Оно», «Симада» и другие именитые токийские торговые дома, а также несколько частных лиц, которые все вместе и стали акционерами банка. В конце года, после необходимых согласований, разрешение на открытие банка было, наконец, получено.

УХОД ИЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Я протестую против направления экспедиционного корпуса на Тайвань

Примерно в это же время, на 11-ом месяце 5-го года Мэйдзи [1872г.], Министр иностранных дел Созэдзима Танэоми потребовал от правительства направить карательную экспедицию на Тайвань.¹⁴⁴ В пользу этой меры активно выступали армейские и флотские чины, однако больше она ни с кем не обсуждалась. Сандзё решил обсудить плюсы и минусы такого решения на правительственном уровне и пригласил к себе глав всех министерств. Иноуэ не смог принять участие в совещании (у него незадолго до этого умерла мать и он отсутствовал), и вместо него пошел я.

Надо сказать, что я с самого начала был против направления войск и потому сразу же схлестнулся с Созэдзима:

- Да, теперь в Японии восстановлена императорская власть, и это прекрасно, - говорил я ему. - Но мне кажется, что сейчас, когда только что завершено упразднение кланов и формирование префектур, правительству надо разобраться с внутренними делами. Страна истощена, народ бедствует... Применять сейчас силу за рубежом - это значит подвергать себя огромной опасности. За военную победу (если она будет) мы заплатим падением торговли и промышленности внутри страны. Такие потери ради дутой репутации за границей? Нет, я против направления войск!

К счастью, большинство членов правительства выступило против посылки войск, и предложение Созэдзима не прошло.

---

¹⁴⁴ Поводом для этого послужило убийство на Тайване 54 рыбаков с острова Окинава. Такая экспедиция была направлена на Тайвань в 1874 г.

Требования Министерства юстиции и Министерства образования. Позиция Иноуэ

Зимой того же года Министерство юстиции и Министерство образования снова стали требовать денег. В ответ Министерство финансов сообщило в правительство, что оно сколь возможно долго будет сопротивляться попыткам увеличения расходов казны. Однако Государственный совет, в конце концов, решил уступить требованиям двух министерств. В ответ Иноуэ принял решение уйти в отставку и, поскольку дело было в конце года, просто перестал появляться на службе, а деморализованные сотрудники Министерства, естественно, потеряли всякий интерес к делу. Все это вызвало большую озабоченность членов правительства. Сандзё даже несколько раз приходил ко мне домой и просил переговорить с Иноуэ, а также предостерегал меня самого от решения уйти в отставку.

Мы с ним беседовали весьма любезно и даже договорились временно отложить обсуждение вопроса о дополнительных расходах, что позволило на некоторое время преодолеть разногласия. Однако в начале следующего года трения между Министерством финансов и другими министерствами вспыхнули с новой силой. Как я уже говорил, особенно острые разногласия возникли между Иноуэ и Это. Они были буквально на ножах. По мнению Это, Иноуэ вел себя совершенно недостойно, загоняя в угол другие министерства и бесстыдно тираня свое собственное. По словам Это, если такое поведение будет и дальше оставаться безнаказанным, то совершенно неизвестно, как далеко заведут Иноуэ его амбиции. Словом, раздоры и разногласия между министерствами становились все сильнее.

Вместе - в отставку

А что же правительство? Сандзё был очень озабочен создавшимся положением, Сайго и Итагаки все было безразлично, а Окума не говорил ничего определенного...

Вскоре выяснилось, что Государственный совет решил отклонить записку Министерства финансов о необходимости отказа от увеличения правительственных расходов. Тогда Иноуэ решил лично разъяснить нашу позицию в правительстве, но успеха не добился...

Вскоре в разговорах со мной он стал с глубоким сожалением высказывать мысли о том, что ему придется уйти из Министерства финансов:

- Они не хотят понимать самых очевидных вещей. Почему? Да, видимо, просто потому, что я потерял доверие в правительстве. Придется снова сходить Государственный совет и начистоту переговорить с Окума. А если в правительстве и на этот раз не захотят меня понять, тогда что же - не остается ничего другого, как окончательно и бесповоротно уйти в отставку...

3-го мая [1873 г.]¹⁴⁵ Иноуэ снова выступил в правительстве с прочувственной речью, и снова безрезультатно. Вернувшись в Министерство финансов около 14 часов, он пригласил к себе меня и других подчиненных и прямо заявил, что хочет уйти в отставку. А затем, обращаясь уже ко мне лично, произнес:

- Теперь, когда я твердо решил уйти со своего поста, мне хочется сделать это как можно быстрее. Прошу Вас и остальных сотрудников довести начатое до конца.

Иноуэ уже направился к выходу из кабинета, когда я его остановил:

- Если Вы подаете в отставку, то и я здесь не останусь! Я уже давно подумывал об отставке, и теперь хочу уйти вместе с Вами... Нет, это не скоропалительное решение, я впервые подумал об этом год назад. Вспомните: я и Вам об этом говорил, трижды с вами советовался... А служил до сего дня только потому, что верил в Ваши идеи финансовых реформ и считал, что могу быть хоть немного Вам полезен. А теперь, когда все рухнуло, оставаться на развалинах Министерства? Для чего?

---

¹⁴⁵ В конце 1872 г. в Японии был введен григорианский календарь. 3-й день 12-го месяца по лунному календарю совпал с 1 января 1873 г. - Прим пер.

Словом, мы с Иноуэ договорились уйти в отставку одновременно и около полудня вместе покинули Министерство... К этому моменту у нас уже были готовы формальные прошения об отставке.

Открытое письмо

Незадолго до этих событий я собрал воедино свои мысли о ситуации в стране и изложил их в статье. Писатель из меня никудышный, поэтому я попросил моего знакомого Нака Мититака выправить рукопись. Вскоре эта работа была завершена, и на следующий день после отставки я показал эту статью Иноуэ (мы с ним и с Ёсикава Акимаса встретились у моста в районе Рёгоку). Иноуэ сказал, что полностью разделяет мою точку зрения и предложил отправить эту записку на имя Сандзё за двумя подписями. Вскоре после этого текст записки был опубликован в газете «Акэбоно»¹⁴⁶ и стал достоянием широкой публики.

Министр юстиции Это и его сторонники были вне себя от злости. Они немедленно обвинили авторов в разглашении государственных секретов и заставили Иноуэ уплатить небольшой штраф. Кроме того, тотчас же были преданы огласке наши заявления о намерении уйти в отставку, хотя, честно говоря, мы вовсе не собирались ставить в известность о своем решении широкую публику. От Окума мы также получили письма с выражениями неудовольствия, но и Иноуэ, и я оставили их без ответа. Правительство, видя нашу решимость, 23 мая уволило нас в отставку «по собственному желанию».

Что дальше?

Так я полностью и окончательно порвал с Министерством финансов и вообще с государственной службой.

Куда же теперь? Переговорив с людьми из торговых домов «Мицуи» и «Оно», я принял решение прийти в тот самый банк, который сам помог основать несколько лет назад. Было определено, что в банке я возьму на себя управленческие обязанности. В том же месяце я уже вышел на работу. Так в одночасье из государственного служащего я стал коммерсантом...

Я рассказал Вам об основных событиях своей жизни с самого ее начала. Прошло уже почти двадцать лет с того дня, как я оказался в деловых кругах, и, конечно, я бы мог рассказать немало любопытного и поучительного и об этой стороне моей деятельности, тем более, что многие просят меня довести повествование до сегодняшнего дня...

Да, двадцать лет - это действительно долгий срок, но я никак не могу себя убедить в том, что эти проведенные в деловом мире годы - прошлое. Для меня они - настоящее, и потому я о них в своих воспоминаниях говорить не буду.

Так что на этом мой рассказ заканчивается. Хочу только добавить, что у меня с собой есть один экземпляр нашей с Иноуэ статьи. Читайте!

Конец пятого свитка «Бесед дождливыми вечерами»

Конец книги

---

¹⁴⁶ «Акэбоно», «Токио Акэбоно симбун» - первый японский печатный орган, в котором публиковались мнения и письма читателей. Газета начала выходить в Токио в мае 1873 г.

Приложение.

Развитие японской экономики после РЕСТАВРАЦИИ Мэйдзи (1917)

1. ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем детально рассмотреть положение дел в японской экономике, я хочу сделать шаг назад и коротко остановиться на том, как я сам оказался в деловых кругах. Родился я в крестьянской семье. В те времена в кругах самураев-«патриотов» много обсуждали меры *бакуфу* (то есть правительства сёгуната Токугава), направленные на установление контактов с зарубежными странами. Многие считали эту политику ошибочной.

Меня с малых лет немного обучали чтению китайских классических книг. Определенное влияние оказало на меня и учение школы Мито¹⁴⁷. В то время в стране был в ходу лозунг «почитание Императора, изгнание варваров», который повторяли почти что все и каждый. Вот и я с одним моим товарищем ради этого ушел в 20 лет из дома... В 24 года я оказался в Киото, где поступил на службу в самурайский дом Хитоцубаси, в котором стал заниматься военными и хозяйственными делами.

Прошло несколько лет. Я попытался в меру моих скромных сил реформировать систему управления в нашем клане и, как мне кажется, начал уже в этом деле преуспевать, но тут произошло одно важное событие: князь Хитоцубаси Ёсинобу возглавил дом Токугава и стал сёгуном. Теперь я уже не мог оставаться в клане Хитоцубаси; вслед за господином мне пришлось его оставить и перейти на службу в центральное правительство *бакуфу*. Оказавшись в огромном правительственном аппарате, я потерял возможность напрямую обращаться к господину со своими предложениями, не мог я теперь влиять и на текущие политические дела. Иными словами, я почувствовал себя как рыба из крошечного пруда, которую вдруг выпустили в бескрайнее море, и был этим безмерно удручен.

К счастью, в это время я получил приказ сопровождать господина Акитакэ, наследника сёгуна Ёсинобу, в его заграничной поездке, и отправился вместе с ним в столицу Франции Париж на открытие Всемирной выставки. Как бывший крестьянин и сторонник «изгнания варваров», я тогда не имел ни малейшего представления о загранице и полагал, что европейцы - это такие люди, которые должны приносить пользу Японии - и не более того. Я также считал, что они совершенно лишены моральных начал, что в духовном плане нам нечему учиться у Европы и все, что нам нужно - это заимствовать какие-то их европейские технические достижения.

Мы прибыли во Францию весной 3-го года Кэйо [1867 г.]. Вскоре церемонии, связанные с открытием выставки, завершились, и в 8-ом лунном месяце мы побывали с визитами в Швейцарии, Бельгии и Голландии, а после этого посетили Италию и Англию.

В протокольных визитах в разные страны прошло полгода. Наступила зима. В начале следующего года в Японии пало военное правительство, началась эпоха Мэйдзи. В конце 1-го года Мэйдзи [1868 г.] мы вернулись на родину, проведя за границей, с учетом переездов, полным счетом один год и десять месяцев.

---

¹⁴⁷ Школа Мито (*Митогакуха*) - историко-философское направление, которое зародилось и оформилось в княжестве Мито. Его основателем считается Токугава Мицукуни (1628-1700), внук Токугава Иэясу, начавший работу по составлению многотомной «Истории Великой Японии», основная идея которой состояла в почитании императора («сонно»). Второй период в истории школы Мито связан с деятельностью Токугава Нариаки (1800-1860), который провел в княжестве ряд административных реформ, вызвавших недовольство сёгуната. В этот период представители школы Мито, пытаясь найти выход из внутренней кризисной ситуации в Японии, стали видеть его в обращении к традиционным японским ценностям и потому выступали активными противниками западной цивилизации, выдвинув лозунг «Изгнание варваров» («дзёи»). Главный вывод философско-исторических изысканий адептов *Митогакуха* состоял в необходимости возвращения императору всей полноты власти, которую он утратил в период сёгунатов. Учение школы и лозунг «Почитание Императора, изгнание варваров» стали идеологическими основами антисёгунского движения. См.: История Японии, Т. I, с. 595-596. М., ИВ РАН, 1999.

К сожалению, в поездке у меня совершенно не было времени получить систематическое образование, поскольку я постоянно занимался текущими делами в интересах разных высокопоставленных лиц. Впрочем, как мне кажется, в итоге эта работа и наблюдения за повседневной жизнью в Европе меня тоже кое-чему научили.

Итак, как уже говорилось, я родился в крестьянской семье и в начале своей жизни следовал лозунгу «почитание Императора, изгнание варваров». Кроме того, с юных лет мне представлялось, что, как говорится, «только правильное управление страной обеспечит должный порядок в Поднебесной», что в государстве не должно быть различий между людьми, что знать и самураи - такие же люди, как и все прочие. Эти идеи чем-то напоминали те «демократические принципы», которые распространились после Реставрации Мэйдзи.

Охваченный подобными настроениями, я, молодой тогда человек, ушел из родного дома. Поступив на службу к Хитоцубаси и немного познакомившись с положением дел в клане, я попытался осуществить свои замыслы, но тут князь Хитоцубаси возвысился до положения верховного правителя и стал сёгуном. Впрочем, в стране это уже ничего не могло изменить.

Иногда мне представлялось, что я уже исчерпал запас преданности своему господину, что нужно уходить от Хитоцубаси и начинать новую жизнь. Однако дальнейшие события показали, что моя верность ему только окрепла.

За границей мы и узнали о смене власти в Японии. Во Франции газеты много писали о том, что после сражения при Тоба-Фусими *бакуфу* было объявлено врагом трона и тем навсегда покрыло себя позором, что Ёсинобу неожиданно вернулся в Канто, что главой нового правительства назначен принц Арисугава, что грядет карательная экспедиция императорской армии на восток Японии и т.п. «Что же теперь будет?» - гадали мы. Оттуда, из заграницы, понять это было совершенно невозможно... Впрочем, о том, что *бакуфу* падет, я догадывался еще в момент отъезда из страны, только не предполагал, что это произойдет так быстро...

Для меня самым важным в этих сообщениях было то, что мой сюзерен, дому которого вся страна почти триста лет присягала в верности, теперь объявлен врагом императорского двора. Согласитесь, я оказался в очень непрестом положении. В свое время я, сторонник «почитания Императора и изгнания варваров», человек, который хотел бороться за свержение *бакуфу*, оказавшись без средств к существованию, пошел на службу к военному правительству. Теперь оно объявлено врагом трона, моего господина отстранили от власти, а я в это время нахожусь с его наследником во Франции! Да, действительно положение у меня было - хуже некуда!

Что мне оставалось делать? Я решил продолжить пребывание на Западе и вместе с господином Акитакэ, в свите которого я прибыл в Европу, получить какое-нибудь образование. Но какое? Политику я решил оставить. Тогда военное? А, может быть, попытаться изучить западную экономику, понять, как устроены европейская финансовая система, денежное обращение, вообще коммерция? С большими надеждами я строил разные планы, размышлял о том, что ждет меня в будущем... Я ведь тогда даже иностранных языков не знал, а мне было уже под тридцать! Приходилось учиться урывками, используя самые разные ухищрения.

В результате наблюдений за европейской экономикой я понял, что в ней есть несколько черт, которые существенно отличают ее от японской.

Одна из этих особенностей - система обращения бумажных денег, которые при желании всегда можно обменять на золото и серебро определенных проб. Строгая европейская система обмена бумажных денег данного номинала на четко определенное количество драгоценных металлов была совершенно непохожа на систему, существовавшую в Японии. Правда, *бакуфу* в годы Гэнроку (1688-1704), Гэмбун (1736-1741) и Тэмпо (1830-1844) пыталось ввести в обращение металлическую монету, но из-за перечеканок доля драгоценных металлов в этих монетах постоянно падала, так что правительство попросту обманывало народ.

Итак, наблюдая за работой европейской финансовой системы, я, несмотря на отсутствие специальных знаний, пришел к выводу, что было бы хорошо ввести в Японии европейскую систему денежного обращения.

В Европе такая система реализовывалась с помощью учреждений, которые назывались банками (banks). Эти банки выполняли множество финансовых операций: принимали вклады, выдавали

кредиты и ссуды, обменивали деньги на золото и т.п. Кроме того, они имели право выпускать облигации займов. Облигации эти представляли собой долговые обязательства государства, которые тоже пускались в финансовый оборот. Кроме того, в Европе имелись паевые, или акционерные, компании (например, железнодорожные), которые также обнародовали и выпускали на рынок свои обязательства. Конечно, мы в Японии тоже знали, что такое долговые расписки, но главное отличие японской схемы от европейской состояло в том, что у нас в стране сведения о долгах обычно держались в строжайшей тайне...

Итак, за неполные два года пребывания во Франции мне удалось познакомиться с самыми разными проявлениями финансовой активности, правда, познакомиться очень поверхностно. К сожалению, даже о таких обычных для экономики вещах, как денежное обращение, выпуск займов, банковская деятельность, производство и сбыт товаров и т.п. я за время своего пребывания в Европе более детального представления получить не успел. Но мне очень хотелось из того немногого, что я успел увидеть и услышать, извлечь какую-то реальную пользу для Японии.

В целом, размышляя над увиденным, я тогда пришел к выводу, что нам в Японии необходимо позаимствовать из Европы практику производства материальных ценностей. Что же касается духовных ценностей, то, как мне тогда казалось, на Востоке они всегда были выше и развитее, чем на Западе. Сегодня я уже достаточно далеко ушел от той точки зрения, но по-прежнему полагаю, что в материальном плане мы пока не можем соперничать с Западом и находимся от него в зависимости.

Мои размышления над ролью материальных ценностей на Западе подхлестнуло и то обстоятельство, что в Европе положение коммерсантов в обществе, их отношения с государственными чиновниками и военными оказались совершенно не такими, как в Японии. Япония в то время представляла собой в буквальном смысле классовое общество в том смысле, что человек, занимавший хоть какую-нибудь государственную должность и принадлежавший, таким образом, к классу правителей, мог совершенно безнаказанно чваниться своим положением перед другими. Он мог быть полным невежей, но даже не стыдился своей невежественности. Так поступал, например, *дайкан* - податной инспектор нашего самурайского клана, который смотрел на местных сельских жителей с откровенным презрением. Нечего и говорить, что он не имел ни знаний, ни способностей, но, тем не менее, в силу занимаемого им поста требовал от крестьян подчинения и почитания.

И так было не только в нашей деревне, но и по всей Японии. По делам службы в доме Хитоцубаси мне часто приходилось встречаться и беседовать с осакскими купцами - поставщиками княжеского двора. Фактически это были самые богатые люди в округе, но и к ним чиновники и самураи относились столь же пренебрежительно, так что купцы в их присутствии были вынуждены делать вид, что полны смирения и покорности...

Иное дело во Франции или в Англии. Сам я, правда, с английскими купцами дела не имел, но даже их внешний облик был полностью отличен от того, к чему мы привыкли в Японии. И это пробуждало во мне надежды на перемены к лучшему у нас в стране. «Вот чему нужно учиться, - думал я. - Без этого не будет у нас развиваться никакая промышленность».

Конечно, мои выводы могли оказаться поспешными хотя бы потому, что во Франции мы не общались с большим числом людей. В основном нашими собеседниками были те, кто взял на себя заботы о сёгунском наследнике, например, работники консульской службы, которым правительство поручило вести наши банковские счета, а также один француз, занимавший ответственный пост в почтово-пароходной компании. Но зато эти люди часто бывали у нас дома, и мы имели возможность подолгу их наблюдать. Кроме них при Акитакэ постоянно находился кавалерийский офицер по фамилии Виллет, прикрепленный к нам по повелению Императора Франции Наполеона III. Так вот, этот Виллет, будучи военным, тем не менее, исключительно любезно обходился и с финансистами, и со служащим пароходной компании. По всему было видно, что он относится к коммерсантам с большим уважением. Заходила ли речь о содержании дома, в котором жил Акитакэ, или о его занятиях науками - во всех разговорах офицер высказывал свои суждения без малейшего налета спеси и чванства. Видя царившие на наших беседах согласие и лад, я не мог не почувствовать, сколь же сильно такая атмосфера разнится с той, к которой мы привыкли в Японии. Казалось, среди французов действительно царило

равенство, и, в отличие от нашей страны, здесь не было различия между чиновниками и прочими людьми...

И поныне помню те чувства, которые меня тогда охватывали. «Как же нам недостает всего этого в Японии!» - думал я.

Как я уже говорил, несмотря на перемены, произошедшие на родине, мы собирались на некоторое время задержаться во Франции и продолжить занятия науками, тем более, что средства для этого у нас были. Однако планам этим не суждено было сбыться: вскоре случилось так, что Акитакэ стал главой самурайского клана Мито, и в 11-ом лунном месяце 4-го года Кэйю, или, правильнее сказать, 1-го года Мэйдзи [1868 г.] нам пришлось спешно вернуться в Японию.

По возвращению в Японию я обнаружил, что мой господин князь Токугава Ёсинобу объявлен мятежником и содержится под домашним арестом в монастыре Ходайин в Суруга. Благородный человек, который всего лишь два года назад, когда я отправлялся в Европу, был сёгуном, стоял на вершине власти, теперь брошен в грязную каморку какого-то дальнего монастыря! Да, как говорится, «где было синее море, теперь тутовые рощи» - все в мире переменчиво...

Сердце мое переполняли противоречивые чувства. Правильно ли я поступил, когда несколько лет назад ушел из дома, веря в то, что правильное управление страной обеспечит должный порядок в Поднебесной? Мог ли я предвидеть, что произойдет? Можно ли было предугадать, что сёгунский дом, почитаемый всеми почти три столетия, вдруг в одночасье из хорошего станет плохим? Нужно ли мне стыдиться того, что я добровольно пошел служить прежнему правительству? Вообще, должен ли честный человек презирать себя за такие поступки?

Я задавал себе все новые и новые вопросы. Что же мне теперь делать? Вернуться в деревню и крестьянствовать? Или переехать в Сидзуока к опальному сёгуну и там попытаться найти себе какое-нибудь занятие? Других вариантов я не видел...

Я перебрался в Сидзуока и попытался в этом клане осуществить те идеи, которые мне впервые пришли в голову во Франции. Прежде всего, я собрал самых влиятельных купцов города Сидзуока - столицы клана - и предложил им создать торговую компанию со смешанным капиталом, в которую бы входили как управления правительства клана, так и частные лица. В короткий срок такая компания была создана. Вообще, к счастью для меня, люди, которые обладали тогда в Сидзуока реальной властью, сумели оценить идеи, привезенные мной из Европы, и, посоветовавшись с руководством клана, позволили мне осуществить их на практике. Каюсь, тогда я считал все свои планы абсолютно правильными, а тех, кто им противился, числил полными глупцами и невежами. Но сегодня приходится честно признать, что многие мои задумки были далеки от идеальных...

Так или иначе, в короткий срок нам удалось создать смешанную государственно-частную компанию, учредителями которой выступили финансовое управление правительства клана и десяток купцов из города Сидзуока. Наше детище занималось как торговыми, так и финансовыми операциями и, таким образом, действовало как «всезнающая», универсальная компания, объединявшая в себе банк и торговую фирму.

О нашей компании сразу заговорили, ибо она занималась не только чистой коммерцией, но и, например, защищала интересы крестьян - а это тогда было в новинку. Компания имела несколько названий: «Сидзуока сёхо кайсё» - «Торгово-юридическое сообщество [клана] Сидзуока», «Сёхо кайгисё» - «Торгово-юридический совет», и, наконец, просто «Сёхосё» - «Торгово-юридическая палата». Замечу, что во всех названиях на равных использовались иероглифы со значениями «торговый» и «юридический».

Мне было поручено занять должность исполнительного директора компании. «Сёхосё» торговала зерновыми и удобрениями, а также предоставляла ссуды и кредиты. Я проработал в компании с начала ее деятельности во 2-ом лунном месяце 2-го года Мэйдзи [1868 г.] вплоть до 11-го месяца того же года, когда меня вызвали в Токио и назначили на должность начальника Департамента налогов в Министерстве финансов правительства Мэйдзи.

Я очень не хотел становиться правительственным чиновником и намеревался сразу же подать в отставку с нового поста, но в клане на это мое решение отреагировали очень болезненно, поскольку опасались, что отказ выполнить решение центрального правительства может быть

истолкован как злой умысел местных клана, тем более, что многие самураи из Сидзуока в это время еще продолжали плечом к плечу со своими сторонниками под водительством Эномото Такэаки биться с правительственным войском в Хакодате. И, надо честно признать, что опасения руководства клана были небезосновательны...

Понимая причины беспокойства властей Сидзуока и следуя решению императорского правительства, я решил не уходить в отставку и в 11-ом месяце 2-го года Мэйдзи выехал в Токио, где вступил в должность начальника Департамента налогов Министерства финансов.

В то время Министром финансов был Датэ Мунэнари, но реально главную роль в Министерстве играл Первый Заместитель Министра Окума Сигэнобу. Вслед за Датэ и Окума на служебной лестнице стоял Заместитель Министра Ито Хиробуми и еще несколько человек, включая Иноуэ Каору. Я, как уже говорилось, был назначен начальником Департамента налогов Министерства. Для неудачника из клана Сидзуока, да еще выходца из крестьян, это была головокружительная карьера!

Однако я совершенно не собирался возвращаться в высших правительственных кругах и очень тяготился доставшейся мне должностью, поэтому принял решение при первом удобном случае все же уйти в отставку. Несколько раз а заговаривал об этом с моим начальником Окума, но тот меня и слушать не хотел:

- Для развития японской экономики нужны новые люди, - говорил мне Окума. - Вот Вы, например, мало учились, но зато сумели организовать в Сидзуока торговую компанию нового типа, в которой чувствуется любившийся Вам европейский подход, европейское влияние. К тому же Вас можно считать живым примером разрушения сословных предрассудков: выходец из крестьян, Вы стали государственным деятелем. Но, разрушая старое, надо обязательно создавать новое, лучшее. Разве не так? Вы озабочены тем, как исполнить свой долг перед господином Ёсинобу. Но можно ли забывать о долге перед обществом? Поверьте, сейчас не время бросать все силы на развитие промышленности и торговли. В государственных делах должна быть определенная последовательность, и последовательность эта определяется правительством. Мне кажется, что Ваша работа в Министерстве финансов как раз и представляет собой звено, которое так необходимо в этой последовательности. А если в один прекрасный день Вы все же надумаете уйти в предпринимательство, то, поверьте, опыт работы в Министерстве финансов окажется Вам весьма кстати... Для того, чтобы успешно управлять финансами, нужно знать и уметь множество самых разных вещей, - продолжал Окума. - Я ведь тоже только начинаю входить в курс дела, у меня здесь тоже дел невпроворот, так что без способных и работающих помощников не обойтись!.. И мне кажется, что Ваше начинание с торговой компанией в Сидзуока - это очень и очень интересно. Но разве нельзя создать нечто подобное такой компании здесь, в столице? Конечно, Вы вправе провести остаток своих дней в Сидзуока, в уединении и печали, но не лучше ли, как говорится, сделать правильный выбор между большим и малым и переменить свое решение?

Нельзя сказать, что доводы Окума были безупречно правильными, но определенный резон в словах Первого Заместителя Министра финансов все-таки был. И хотя мне очень не хотелось идти на государственную службу, я все же решил на этот раз подчиниться приказу, на время оставить мысли об уходе в отставку и приступить к работе в Министерстве финансов...

В этом Министерстве я проработал четыре года, со 2-го года Мэйдзи по 6-ой [1869-1873], отвечая за вопросы денежного обращения, регулирование деятельности банков, создание акционерных компаний - словом, за всю финансово-экономическую сферу. Думается, будет правильным сказать, что именно в это время в стране и была создана вся организационная структура современной японской экономики.

В 7-ом месяце 4-го года Мэйдзи [конец августа 1871 г.] в Японии были упразднены княжества и созданы префектуры. Прекратила свое существование феодальная система, просуществовавшая более семисот лет. Это был подлинный переворот в управлении страной...

Поначалу я работал на новом месте не очень рьяно, и основную нагрузку в Министерстве финансов несли Окума, Ито и, конечно, Иноуэ. Но постепенно я тоже вошел в курс дела, перестал быть простым исполнителем, и скоро работа уже стала мне в радость. Под началом Иноуэ мы продолжили начатую им деятельность по упразднению кланов и формированию

префектур, только наша работа была уже не законодательной, а, скорее, более живой и практической. Нам приходилось разрубать многочисленные запутанные узлы этой проблемы и, фигурально выражаясь, один из мечей, которым это делалось, был в моих руках.

Скоро работа по ликвидации кланов перешла в совершенно новые области: приходилось налаживать морские перевозки между префектурами, совершенствовать налоговую систему, выпускать займы, обменивать кредитные билеты упраздненных кланов и т.п.

Что делать в том или ином случае? Как поступить? Я должен был быстро и безотлагательно предлагать руководству планы решения всех этих проблем.

- Во всем должна быть мера, - говорил мне Иноуэ. - Теория - это хорошо, но от одной сухой науки пользы не будет. Предлагайте практические способы решения задач!

Эти слова я хорошо запомнил. Решая текущие вопросы, я понял, что сейчас первостепенной задачей является создание в стране полноценной финансовой системы. Эту же точку зрения отстаивал и Заместитель Министра финансов Ито Хиробуми. Пытаясь понять, как работают финансовые структуры в странах Запада, он пришел к выводу, что необходимо добиться от властей разрешения на ознакомительную поездку в США, и в 3-ем году Мэйдзи направил соответствующую записку в правительство. Проект этого документа готовил я.

Поездка была санкционирована. В ней Ито сопровождали Ёсикава Акимаса, покойный Фукути Гэнъитиро и Ёсида Дзиро. Кроме них, в Америку был также направлен Муцу Мунэмицу. Все вместе они очень детально исследовали финансовую систему США и почти каждый день слали объемистые отчеты на самые разные темы в Министерство финансов.

Работа миссии Ито продолжалась с зимы 3-го года Мэйдзи по лето 4-го [с 1870 по 1871 г.]. Наибольшее внимание в отчетах Заместителя Министра уделялось системе денежного обращения, законодательству о выпуске ценных бумаг, регламентации деятельности банков, а также реформе самого Министерства финансов.

Дело в том, что тогда и само Министерство финансов, и связи между его департаментами и палатами строились в точном соответствии с древним сводом законов *Тайхорё*¹⁴⁸, и потому структура Министерства была слишком простой, а регламент его работы - исключительно архаичным, особенно если подходить к ним с европейской меркой.

По результатам американской поездки Заместителя Министра финансов Ито Хиробуми было предложено срочно провести реформы в финансовой сфере, а именно принять закон о выпуске государственных ценных бумаг, создать современные банки, наладить денежное обращение, изменить структуру Министерства финансов, провести перераспределение функций между его департаментами и т.п.

Я также полагал, что назрели общие изменения в структуре правительства, и в 7-ом месяце того же года, вскоре после принятия решения об упразднении кланов, мы в Департаменте по реформе предложили наш собственный проект совершенствования структуры всех министерств и ведомств. Я как руководитель Департамента имел к его разработке самое непосредственное отношение, в частности, написал текст этого документа. Однако когда мы вынесли этот проект наверх, то Заместитель Министра его отклонил.

Летом 4-го года Мэйдзи [1871 г.] Первый Заместитель Министра финансов Окума перешел на работу непосредственно в правительство, а Заместитель Министра финансов Ито был назначен начальником Монетного двора. Иноуэ стал Первым Заместителем Министра финансов, но продолжал заниматься и административными вопросами. Я по-прежнему работал с Иноуэ, считая это наилучшим вариантом, но все чаще задумывался о том, что хорошо было бы заняться созданием полноценной законодательной базы для развития предпринимательства. За ее основу предполагалось взять материалы, привезенные из Америки Ито Хиробуми.

---

148 Восстановление императорской власти после многовекового военного правления диктовало необходимость возвращения к древним законодательным актам, свободным от влияния военных правителей, поэтому в первое время после Реставрации Мэйдзи структура органов государственного управления была очень архаичной. *Тайхорё* - свод гражданских установлений 701 г.

2. НАЛАЖИВАНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

2.1. Разработка финансового законодательства

Среди многих задач, стоявших перед нами, на первом месте стояла разработка полноценной финансовой системы. Мы начали с того, что выпустили документ под названием «Законоположение о финансах» и комментарии к нему. Естественно, я работал над этими документами не один, мне было поручено только координировать выработку предложений, направленных на совершенствование финансовой системы.

На 4-ом году Мэйдзи [1871 г.] было принято принципиальное решение о выпуске в обращение золотых монет, но реально золота в стране, и обменять на него выпущенные кредитные билеты было невозможно. Иными словами, финансовая система страны была таковой только по названию, а на самом деле, можно сказать, не существовала вовсе. Ее создание растянулось на несколько лет и было завершено только к 13-му году Мэйдзи [1880 г.] И хотя золотое содержание новой денежной единицы - иены, определенное поначалу из того, расчета, что одна иена должна была равняться четырем бу золота, упало к тому времени до двух бу, остальные параметры денежной системы сохранились, по существу, неизменными до настоящего дня.

2.2. Установление золотого стандарта

Как уже говорилось, решение о начале реформирования финансовой системы было принято еще в 4-ом году Мэйдзи [1871 г.], но золота для чеканки монет в стране тогда не было, и в действительности финансовая система была таковой только по названию. Такие понятия, как «иена серебром» или «иена для внешней торговли» тоже не имели реального содержания и оставались только словами. По-прежнему не был решен вопрос о том, как строить финансовую систему: исходить ли из золотого стандарта, использовать и золото, и серебро или опираться на серебряный стандарт, принятый в большинстве азиатских стран. Создание реально действующей финансовой системы стало предметом трудов ученых и государственных деятелей.

Конец этой истории известен. В 14-ом году Мэйдзи [1881 г.] Министром финансов Японии стал Мацуката Масаёси. В течение пяти лет он прилагал громадные усилия для создания в стране полноценной финансовой системы, и именно благодаря его стараниям стал, наконец, возможен беспрепятственный обмен бумажных денег на золото. Это была поистине титаническая работа.

А тогда, в наше время, эта работа только начиналась. Проводились разные исследования, однако в реальности ресурсов было мало, и о настоящем обмене бумажных денег на золото тогда нельзя было вести и речи. Кстати, одним из результатов этих исследований было предложение остановиться на серебряном стандарте или пользоваться смешанным (золото+серебро).

Итак, только в 19-ом году Мэйдзи [1886 г.] благодаря усилиям Мацуката в Японии стал, наконец, возможен свободный обмен кредитных билетов на драгоценный металл, только в качестве этого металла выступало тогда не золото, а серебро.

Между тем в Европе и в США издавна применялся золотой стандарт, так что использование в Японии серебряного стандарта не только вызывало большие неудобства, связанные с перерасчетами, но и в целом мешало торговле между Востоком и Западом, препятствуя свободному обмену товара на деньги. Для того, чтобы обеспечить такой свободный обмен, Японии нужно было обязательно перейти на принятый в странах Европы и Америки золотой стандарт. Именно этот вопрос и стал в последующее время основным.

Необходимые для осуществления этого перехода золотовалютные резервы удалось собрать только к 28-ому году Мэйдзи [1895 г.], в котором долгий переход к золотому стандарту, начатый еще Мацуката, был, наконец, завершен. К тому времени золотое содержание национальной валюты уменьшилось вдвое против первоначально определенной, и фактически в 30-ом году Мэйдзи 1 иена равнялась своей прежней половине.

К слову сказать, я предлагал провести такую реформу задолго до того, как ее начал Мацуката. Просто Мацуката решил, что для введения золотого стандарта нет иного пути, кроме как обесценивание бумажных денег и рост цен. Однако такой путь был. Многие конструктивно настроенные деятели предлагали тогда взять для этой цели иностранные валютные кредиты. Но Мацуката предпочел вместо этого в течение пяти лет проводить жесткий режим урезывания государственных расходов, в результате чего определенная конвертируемость бумажных денег в драгоценный металл была достигнута, напомним, только к 19-ому году Мэйдзи [1886 г.].

В целом мое видение реформ совпадало с тем, что делал Мацуката. Правда, некоторые его шаги (например, выход в 1883 году Закона о погашении банковских ценных бумаг) вызвали определенное беспокойство банкиров, но они вынуждены были принять его начинания. Я же с самого начала поддерживал курс Мацуката и в том же 19-ом году Мэйдзи [1886 г.] вместе с несколькими промышленниками публично высказался о нем с похвалой, суть которой сводилась к следующему: да, с принятием этого закона банкиры потеряли определенную часть имевшихся у них прав, но зато теперь, наконец, у наших денег появилось реальное содержание, а это можно только приветствовать.

С другой стороны, мне казалось, что переходить к чеканке золотых монет тогда было еще рано, и в этом пункте мои взгляды расходились с подходом Мацуката, который принял это смелое решение и пытался проводить его в жизнь, несмотря на явную бесперспективность. Такое упорство не вызывало у меня ничего, кроме неловкости и смущения.

Здесь следует сказать несколько слов о трудностях, связанных с основанием и первыми шагами Инвалютного банка Иокогамы (*Ёкохама сёкин гинко*). По-видимому, инициатива создания такого банка принадлежала еще Окума, но основные события развернулись уже тогда, когда Министром финансов стал Мацуката.

Кстати сказать, в 18-ом году Мэйдзи [1885 г.], уже в бытность Мацуката главой финансового ведомства, была проведена реформа правительства, в результате которой главы некоторых крупных ведомств стали входить в число членов Кабинета министров, возглавлявшегося премьер-министром. Так что с 18-го по 25-ый годы Мэйдзи [с 1885 по 1892 гг.] Мацуката был Министром финансов и членом Кабинета министров. Потом он ушел в отставку, но в 30-ом году Мэйдзи [1897 г.], будучи Премьер-министром, снова занял кресло Министра финансов и опять вернулся к финансовой реформе. В общем, как мне представляется, необходимо признать, что создание в Японии полноценной финансовой системы - это в значительной степени плод больших и решительных усилий Мацуката Масаёси.

3. ИСТОРИЯ ВЫПУСКА ЗАЙМОВ

Считается, что на выпуск займов в Японии повлиял американский опыт. Действительно, Ито Хиробуми в ходе своей американской поездки познакомился с тем, как работают механизмы государственного займа, выпущенного в США в 1863 году, и предложил выпустить такой же заем в Японии.

Однако следует отметить, что я, находясь во Франции, еще до Реставрации Мэйдзи имел пусть небольшой, но практический опыт работы с займами. Конечно, никакой теоретической основы под этим опытом не было, но о практических особенностях этого дела я докладывал Иноуэ еще в 4-ом году Мэйдзи [1871 г.].

После упразднения кланов и организации префектур мы попытались осуществить эти идеи на практике. Впервые в истории страны были выпущены облигации так называемого «старого» и «нового» государственных займов. Заем, облигации которого обменивались на долговые обязательства, принятые до Реставрации Мэйдзи, получил название «старого», а если обмен шел на обязательства, принятые после 1868 г., то такой заем именовался «новым». Судьба «нового» займа оказалась сложной, потому что в тяжелой экономической ситуации люди его облигации покупали неохотно, несмотря на то, что по «новым» облигациям выплачивалось четыре процента годовых. Зато обмен долговых обязательств бывшего сёгунского правительства на облигации «старого» займа шел весьма активно.

Следует отметить, что задолго до описываемых событий, в 12-ом году Тэмпо [1841 г.] князь Мидзуно, правитель провинции Этидзэн, уже патался выпустить займы. Правда, тогда они назывались «пожертвования», а никакие претензии по поводу взятых займы денег не принимались. И хотя сохранились некоторые свидетельства того, что взятые тогда средства все-таки вернули, нам было ясно, что на основе такого рода «пожертвований» систему займов построить не удастся.

Итак, можно сказать, что выпуск первых государственных займов в Японии действительно связан с именем Ито Хиробуми, который привез эту идею из США, но нужно учитывать и то обстоятельство, что до того я во Франции имел дело с применением этой системы на практике. Иноуэ же впервые попытался осуществить эту идею в Японии: в 11-ом году Мэйдзи, когда только что вышел Закон о ценных бумагах, им были выпущены облигации займа под открытие новых промышленных предприятий. Впрочем, само слово «облигация» возникло еще раньше, в 4-ом году Мэйдзи [1871 г.]

После этого в стране выпустили займы, предназначенные для покрытия расходов на японо-китайскую войну (1894 г.) и русско-японскую войну (1904-1905 гг.). Постепенно выпуск займов стал для японской экономики жизненно необходимым. Сегодня считается общепринятым, что именно займы обеспечивают плавную работу всей финансовой системы. Они также необходимы для развития промышленных предприятий.

4. РАЗВИТИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

4.1. Дебаты о сущности банковской системы

Одной из главных задач Министерства финансов было налаживание денежного обращения и создание в стране полноценной банковской системы. Меня и раньше очень волновал вопрос о том, каким образом банки могут повлиять на развитие экономики новой Японии и вот, наконец, этот вопрос перешел в русло детального обсуждения.

Предлагались самые разные проекты, но, в конце концов, было решено взять за основу существовавшую в США систему Национальных банков, сведения о которых привез в Японию в 4-ом году Мэйдзи [1871 г.] Ито Хиробуми.

Отмечу, что во время пребывания в Европе из контактов с местными промышленниками я тоже вынес некоторые, пусть и неполные, познания о том, что собой представляют банки, как работают акционерные компании, каким образом выпускаются акции железнодорожных компаний и т.п. Повторяю, особых теоретических познаний на этот счет у меня не было, но некоторые неясные представления и небольшой практический опыт работы с этими инструментами имелись.

Кстати сказать, эти представления порой весьма заметно отличались от тех, которые привез из США Ито, но, тем не менее, нам было ясно, что поскольку финансовые системы США и европейских стран имеют общие источники, то в основе своей они не могут быть совершенно различными. Так, например, очень скоро для нас стало очевидно, что для японской промышленности нет иного пути, кроме создания акционерных компаний, а для этого нужно было разработать соответствующее законодательство.

Для меня столь же очевидно стало и то, что при тогдашнем делении общества по сословному признаку, деления на знать и простолюдинов, ни о каком прогрессе в Японии не могло быть и речи.

«Если люди по-прежнему будут только ждать решения властей, не будут работать, не будут развивать свои способности и умение, то никакие реформы у нас не пойдут, - размышлял я. - Иными словами, богатство страны может расти только вместе с личностью предпринимателя, вместе с его интеллектом и инициативностью. Только на этом пути нас ждет рост производства! Именно ради этого и стоит налаживать работу банков и выдачу кредитов...»

Итак, нам хотелось как можно быстрее приступить к созданию полноценной банковской системы на основе тех идей, которые привез из Америки Ито Хиробуми.

Впрочем, сам Ито считал, что ничего нового придумывать не нужно, а следует просто создать в Японии нечто максимально похожее на американскую банковскую систему. Однако в этом вопросе была и другая точка зрения, на которой стоял Ёсида Киёнари (выходец из клана Кагосима, он, к сожалению, рано умер). Ёсида серьезно стажировался в Англии, прекрасно говорил по-английски и, хотя, конечно, не стал настоящим банкиром, но вернулся на родину с обширными познаниями об английской банковской системе.

По мнению Ёсиды, «Япония должна брать за образец не американскую систему Национальных банков (National Banks), а именно английскую с ее Bank of England - фактически, Центральным банком страны. Иными словами, в Японии также следует создать один Центральный банк. А без этого наладить в стране денежное обращение будет решительно невозможно!»

«Во всем должна быть система и последовательность, - возражал на это Ито. - Все в мире сначала рождается, а лишь потом растет и развивается. Значит, надо сразу основать систему банков, а идти против этой схемы - это все равно, что создавать голову без туловища. А будет система - будет, естественно, и согласованность действий. Нет, нам нужно немедленно создать систему Национальных банков по примеру американской, - подчеркивал Ито. - Такая система совершенно необходима, если мы стремимся к конвертируемости национальной валюты!»

Какая из этих двух точек зрения правильная? Мне, необразованному в этой области человеку, казались хорошими обе. И я в своих сомнениях был не одинок: глава Министерства финансов Иноуэ тоже никак не мог сделать свой выбор. Оба похода были разумны, у каждой из сторон находились все новые и новые доводы. Наконец, Иноуэ принял решение, что окончательный вывод нужно делать на основе сравнительного анализа двух подходов, выполненного в нашем Министерстве - а результат этого анализа был в пользу Ито. Таким образом, в Японии было решено создать систему Национальных банков.

Переводить американский Закон о Национальных банках на японский язык и приспособлять его к реалиям Японии помогал Ито ныне покойный Фукути Гэнъитиро. Я, как человек, ведавший в Министерстве экономическими вопросами и имевший определенный практический опыт в этом деле, редактировал текст, написанный рукой Фукути, и дополнял его собственными соображениями. Результат нашей совместной работы был обнаружен в 11-ом месяце 5-го года Мэйдзи [1873 г.] под названием «Закон о Национальных банках».

Напомню, что в идеале именно на основе этого документа мы хотели сформировать систему Национальных банков, которые могли бы беспрепятственно обменивать бумажные деньги на драгоценные металлы и обратно. Вскоре действительно в Японии был основан Первый Национальный банк, за ним - Второй, Третий, Четвертый, Пятый, причем вся эта работа была проведена всего лишь за десять месяцев. Но тут казавшийся дотоле идеальным проект стал давать пищу для беспокойства. Впрочем, об этом позднее...

А пока я хочу отойти от основной темы и рассказать о том, как в разгар работы по созданию Национальных банков я был вынужден уйти из Министерства финансов.

Тогдашнее правительство (оно называлось *дадзёкан* - Государственный совет) по структуре резко отличалось от нынешнего Кабинета министров. В *дадзёкан* входили Главный Министр, Левый и Правый Министры, а также Советники, которые вместе составляли президиум совета, обладавший всеми полномочиями для принятия решений. Руководители же министерств формально стояли на одном уровне с Советниками, но в действительности могли заниматься только делами своего ведомства. За Министром в иерархии шли Первый Заместитель Министра, Заместители Министра, а затем уже руководители департаментов, отделов, бюро. Формально все дела в любом министерстве находились в компетенции Министра, но в первые годы после Реставрации должности Министров занимали по большей части бывшие аристократы и *даймё* - главы самурайских кланов, так что реальная власть обычно находилась в руках Первых Заместителей Министров.

Примерно с 4-5-го годов Мэйдзи [1871-1872 гг.] сановных руководителей в министерствах стали вытеснять действительно знающие и влиятельные люди. Так, в 4-ом году Мэйдзи [1871 г.]

Министром финансов стал Окубо Тосимити, потом эту должность занимали Окума и Мацуката. Однако реально влиять на государственную политику ни Министр финансов, ни, скажем, Министр иностранных дел по-прежнему не могли: предложения, исходившие из министерств, попадали все в тот же государственный совет, где их судьбу решали такие Советники правительства, как Сайго Такамори и Итагаки Тайсукэ.

В том же 4-ом году Мэйдзи [1871 г.] произошли новые перестановки: Иноуэ занял пост Министра финансов, Окума стал Советником, Ивакура - так называемым Посланником, а Кидо, Ито и Ямагути - Заместителями Посланника.

Многие руководители министерств подолгу находились за границей, и их обязанности выполняли другие сотрудники. В частности, обязанности Министра финансов в отсутствие Окубо исполнял Иноуэ.

В дополнение к этому следует заметить (приношу извинения, если это мешает общему ходу изложения), что работа над вышеупомянутым Законом о Национальных банках также большую часть времени проходила без Окубо. К тому же как раз в это время выявились особенно острые расхождения во мнениях между правительством и Министерством финансов.

Точка зрения Министерства финансов, которую выражал Иноуэ, была примерно такова:

«Нужно как можно более бережно расходовать государственные средства, проводить жесткую финансовую политику. Если не экономить средства, оставшиеся после операции по упразднению кланов и созданию префектур, если не направлять их на развитие торговли и промышленности, которые только и могут обеспечить увеличение национального богатства, то никакого роста в экономике не будет. Необходимо снизить ставки налогообложения не только для крестьянских хозяйств, но и для промышленных предприятий и торговых компаний. Во внешней же торговле, объемы которой сейчас крайне малы, вообще не нужно взимать никаких таможенных пошлин. Только идя по этому пути, можно будет добиться роста национального богатства. По опыту стран Европы и Америки известно, что именно большие налоги с предприятий тормозят движение вперед, а у Японии сейчас нет иного выхода, кроме ускоренного развития...»

Иноуэ снова и снова повторял, что нужно всемерно ограничивать государственные расходы, соразмерять расходы с доходами, как это всегда было принято на Востоке, и именно на этих принципах пытаться обеспечить свободный обмен бумажных денег на золото.

Следует подчеркнуть, что хотя главным проводником этой линии был именно Иноуэ, это была не только его личная точка зрения. Ее поддерживали многие Советники и сотрудники Министерства. С цифрами в руках мы, в частности, показали, что сейчас лучше вкладывать деньги в развитие промышленных предприятий, нежели в реформы системы образования и судебной системы.

Но была и другая точка зрения. Столкновения с ее сторонниками особенно обострились летом 6-го года Мэйдзи [1873 г.]. С доводами Иноуэ окончательно перестали считаться, и он после некоторого раздумья решил, наконец, подать заявление об отставке. 3-го числа 5-го месяца, вернувшись с заседания правительства, он заявил, что уходит в отставку, и попросил меня продолжать выполнение своих обязанностей.

- Ни за что! - резко возразил я. - Если Вы решили уйти, то и я тут не останусь!

- Вот как? - неподдельно удивился Иноуэ. Казалось, мое своеобразие привело его в замешательство. - Но Вы ведь мой заместитель... Правильно ли нам уходить разом? В правительстве не обрадуются, услышав о такой забастовке...

- Господин Иноуэ, - ответил я, - Вы знаете, что мне с самого начала не нравилась эта чиновничья работа, и хоть я прослужил в Министерстве финансов с осени 4-го года Мэйдзи [1871 г.] до сего дня, более исполнять свои обязанности я никак не смогу!

В конце концов мы с Иноуэ ушли в отставку вместе...

4.2. Создание Первого Национального банка

Примерно в это же время представители влиятельных торговых домов «Мицуи» и «Оно» предложили основать в Токио банк. Правда, они обратились в правительство за разрешением на создание того, что называлось *какэя* - букмекерская контора, но по существу речь шла о банке. Поскольку правительство уже приняло решение о создании таких структур по подобию американских (только там они действительно назывались банки, banks), то вскоре разрешение было дано.

Я только что ушел с работы в Министерстве финансов и потому обратился в «Мицуи» и «Оно» с просьбой позволить мне заняться в новорожденном банке административной работой. В конце концов, за два года в Министерстве я прошел неплохую школу и теперь вполне мог попытаться применить свои (правда, теоретические, но все же достаточно полные) знания на практике.

Однако в ответ на просьбу мне было сказано, что для того, чтобы занять такую должность, необходимо иметь поручительство от одного из руководителей Министерства финансов. К счастью, в руководстве Министерства продолжал работать Окума, который еще со 2-го года Мэйдзи [1869 г.] питал ко мне дружеское расположение. Несмотря на то, что наш с Иноуэ уход действительно сильно напоминал забастовку, Окума согласился дать мне рекомендацию, ибо знал, что я давно мечтал уйти в отставку и заняться предпринимательской деятельностью.

Итак, я стал служащим Первого Национального банка. Как уже говорилось, его основали торговые дома «Мицуи» и «Оно». Отношения между ними были очень натянутыми, что, конечно, осложняло управление новой организацией, поскольку своими неумелыми и неправильными действиями я бы мог легко разрушить даже то хрупкое равновесие их интересов, которое еще существовало.

Словом, меня ждала трудная работа. Огромные сложности создавала и сама структура руководящих органов банка, куда в момент его основания вошло по одному представителю от каждого торгового дома. Иными словами, в банке было два Президента, два Председателя совета директоров, двое управляющих и т.п. Скоро я понял, что банк, который снаружи выглядел как единая организация, на самом деле таковой не являлся. Постоянный взаимный контроль и косые взгляды, которые партнеры бросали друг на друга, неимоверно усложняли работу. Противоборствующие стороны не столько конкурировали между собой в делах, сколько просто изводили друг друга подозрениями и ревностью. И обычно роль арбитра во всех таких спорах доставалась мне.

Конечно, если бы я стал, скажем, Президентом этого банка, то мог бы моментально прекратить все распри. Но я продолжал занимать скромную должность, которая называлась «Генеральный инспектор», хотя предполагала не фискальную, а исключительно административную работу.

Итак, в начале 6-го месяца в правительство было подано прошение об открытии банка, 20-го числа 7-го месяца получено соответствующее разрешение, а 1-го числа 8-го месяца банк, наконец, открылся.

Так начал свою работу Первый Национальный банк. С тех пор в моей жизни произошло множество перемен и самых разных событий, но было и нечто постоянное: вплоть до своего ухода в отставку в прошлом году, 5-ом году Тайсё [1916 г.], я продолжал служить в одном и том же банке. Так что я проработал в нем в точности 43 года!

4.3. Трудности в работе Первого Национального банка. Изменения в Законе о Национальных банках

Открывая Первый Национальный банк, мы наивно полагали, что нам легко удастся осуществить в нем самые разные свои идеи. Однако это было, мягко говоря, недомыслие, и, глядя на эту историю из сегодняшнего дня, не могу не признать, что тогда мы часто носили воду решетом. Но если Иноуэ и Ито и в такой ситуации демонстрировали свои незаурядные способности и добивались успеха, то над собственными некомпетентностью и скудоумием мне теперь остается только горько посмеяться. Впрочем, тогда ошибки мог допустить каждый. И самая очевидная ошибка состояла в том, что мы пытались наладить денежное обращение на основе золотого

стандарта с помощью 4-5 банков с небольшим капиталом в стране, где денежные средства были распылены по огромному числу мелких владельцев! Ясно, что такие усилия были столь же перспективны, как попытки тушить пожар чашкой воды!

Далее. Едва только на рынке возростала цена на золото, как обмен на банковские ценные бумаги становился очень привлекательным занятием, и фактически банки становились просто каналами для перекачки золота. Так, в первый год после своего основания банк работал спокойно и весьма успешно справлялся с поставленными перед ним задачами, но когда в начале 8-го года Мэйдзи [1875 г.] на мировом рынке поднялась цена на золото, то обмен сразу активизировался. Причины этого мы тогда специально не изучали, а потому их и не поняли. Между тем интенсивность обмена все нарастала, и вскоре он пошел с ураганной скоростью. Но, как я понимаю теперь, связано это было отнюдь не с успешной деятельностью нашего банка, а с внешними факторами - изменением соотношения цен на золото и серебро на внешнем рынке.

Вообще тогдашние попытки ввести в Японии бумажные деньги на основе золотого стандарта при том, что золота в стране было весьма мало, представляются мне теперь - повторяю! - весьма пустой затеей. Немудрено, что даже при правильных действиях банков система все равно не заработала, и тогда от этих попыток пришлось отказаться...

Весной-летом 8-го года Мэйдзи [1875 г.] я, собравшись с духом, вплотную занялся проблемой выпуска банковских ценных бумаг. Предполагалось, что на выпущенные нами ценные бумаги будут начисляться определенные дивиденды, которые называются ажио. Но Первый Национальный банк, выпустив бумаг на сумму в миллион иен, почти все их сразу пустил в оборот, так что рынок оказался просто завален этими ценными бумагами! Необходимо было срочно выправлять положение.

Замечу, что при основании Первого Национального банка торговые дома «Мицуи» и «Оно» внесли в него по миллиону иен; еще в общей сложности 500 тысяч внесли к августу 6-го года Мэйдзи [1873 г.] 40-50 индивидуальных вкладчиков - физических лиц. Однако в ноябре 7-го года Мэйдзи [1874 г.] торговый дом «Оно» неожиданно обанкротился, что, естественно, нанесло по банку сильнейший удар, который в других обстоятельствах мог бы привести к его падению.

Кроме того, меня сильно беспокоило то обстоятельство, что основные активы банка фактически оказались заемными, поскольку их получили под залог действующих рудников или просто запасов риса. В целом у дома «Оно» таких средств было более, чем на полтора миллиона иен, и если бы в результате банкротства они были потеряны, то наш банк неминуемо бы лопнул. К счастью, благодаря правильному управлению ресурсами нам удалось ограничить наши потери, и они не превысили 14-15 тысяч иен.

Словом, из-за ошибок при выпуске ценных бумаг и банкротства дома «Оно» большую часть 8-го года Мэйдзи [1875 г.] Первый Национальный банк испытывал значительные трудности и постепенно сдавал свои позиции. В связи с этим я неоднократно обращался к Окума, буквально умоляя его обратить, наконец, внимание, на функционирование финансовой системы.

«Если не будет в стране полноценной банковской системы, - говорил я ему, - то мы так и будем сыпать деньги в этот дырявый мешок, а потом удивляться, что в нем ничего нет! Нужны шаги по совершенствованию валютного обмена. Нельзя останавливаться! Нужно брать за образец успешно работающие акционерные компании и распространять их опыт по всей стране! Не потому ли чуть не обанкротился Первый Национальный банк, что он просто не может выжить в существующей системе? Ведь должен же быть какой-то выход!»

Окума принимал в этих обсуждениях самое живое участие. Особенно его беспокоила личность ответственного за выпуск ценных бумаг в Министерстве - им был тогда Токуно Рёсукэ. По стечению обстоятельств я хорошо знал Токуно, поскольку в то время, когда я работал в Министерстве финансов под началом Иноуэ, Токуно занимал в нем одну из должностей, стоявшую в иерархии выше моей. Вообще тогда он был достаточно влиятелен, ибо происходил из клана Сацума и, более того, приходился родственником Сайго Такамори. Естественно, Токуно был недоволен тем, что на ведущие позиции в Министерстве постепенно выдвигались такие люди, как Окума, Ито, Иноуэ; не был он в восторге и от моего перевода из Сидзуока.

Но дело было не только в этом. Напомню, что зимой 4-го года Мэйдзи [1871 г.], когда Иноуэ был Первым Заместителем Министра финансов, Ито в ходе своей американской поездки направил нам соображения о необходимости строить государственный бюджет на основе баланса доходов и расходов. Незадолго до этого был принят новый регламент работы органов Министерства, так что записка Ито попала в Департамент доходов и расходов, который тогда как раз и возглавлял Токуно. Сотрудники его департамента часто ошибались в распределении бумаг, что всегда вызывало ярость начальника. Вот и в тот раз, посчитав, что бумага попала к нему по ошибке, Токуно пришел с ней ко мне и устроил форменный скандал. Мне казалось по меньшей мере невежливым нарушать принятые правила приличия, поэтому я весьма сдержанно ему отвечал, что в новой структуре Министерства тоже возможны ошибки, что в аппарате всякое случается и я не понимаю, в чем причина столь бурной его реакции. Однако Токуно, не дослушав, в раздражении хлопнул дверью и ушел к себе. Об этом инциденте стало известно в правительстве. Я получил большой нагоняй от своего начальника, но должен сказать, что тогда это ни на йоту не изменило моего мнения о Токуно...

Позднее, когда Токуно стал начальником Департамента по выпуску ценных бумаг, я имел с ним дело уже как сотрудник банка. И хотя, как говорится, от добра добра не ищут, но справедливости ради следует сказать, что в случае с Токуно дело обстояло именно так, и его отношение к нам изменилось. Когда наш банк столкнулся с трудностями, то, как ни странно, именно господин Токуно не только регулярно осведомлялся о положении наших дел, но и детально разъяснял мне причины, по которым в то время нельзя было создать полноценную денежную систему. Его разъяснения очень помогли и Министерству финансов... Господин Токуно вполне мог занять и другую, безучастную позицию, полностью игнорировать нужды банка, но тем приятнее, что он предпочел оказать нам дружеское участие и помощь...

В это время главой Министерства финансов был Окума, а его Первым Заместителем - Мацуката. На 9-ом году Мэйдзи [1876 г.] началась очередная реформа финансовой системы. В частности, было решено обменять выпущенные Национальными банками ценные бумаги на правительственные. Сама по себе идея обменять неликвидные бумаги на более ходовые была совершенно правильной, однако от ее практического осуществления у меня остался неприятный осадок, ибо она сильно напоминала прямой обман вкладчиков. Впрочем, и после этих шагов реальный обмен бумажных денег на драгоценные металлы все равно так и остался благим пожеланием, поэтому и эту реформу пришлось свернуть.

Конечно, необходимость финансовых реформ в стране была обусловлена далеко не только трудностями банковского дела. Были для этого и другие серьезные причины. Нужно было, например, заменить обещанные прежде правительством долговременные выплаты феодалам и самураям на разовую компенсацию, а для этого лучше всего подходили именно облигации государственного займа.¹⁴⁹ Переход на выплату компенсаций облигациями займа начался еще на 5-ом году Мэйдзи [1872 г.], причем по желанию самураев им этими облигациями выплачивали жалованье на 8 лет вперед. Однако и с политической, и с экономической точек зрения было ясно, что через 8 лет у многих самураев после погашения этих облигаций просто не останется средств к существованию. А нищета всегда чревата бунтом. Значит, надо было найти способ и в дальнейшем поддерживать феодальные дома. Таким средством стало размещение тех облигаций, которыми теперь получали жалованье самураи, в банках. А для этого, опять-таки, необходимо было наладить свободный обмен правительственных и банковских ценных бумаг на золото.

---

¹⁴⁹ В начале реформ Мэйдзи правительство обещало феодалам и самураям, что они получают значительные денежные компенсации за утраченные привилегии в виде пожизненных пенсий. Эти огромные выплаты тяжелым бременем легли на государственный бюджет, и в 1873 г. власти предложили феодалам и самураям добровольно капитализировать свои пенсии. При этом правительство обязалось выплатить вместо пожизненной пенсии единовременную денежную компенсацию (половину наличными, половину - облигациями государственного займа). В 1876 г. из-за тяжелого финансового положения власти пошли на принудительную капитализацию пенсий; единовременные выплаты составляли размеры пенсий за 5-14 лет. Частично выплаты покрывались облигациями из расчета 5-7% годовых. Выплата компенсаций была окончательно прекращена в 1882 г. См.: История Японии, Т. II, с. 64. М., ИВ РАН, 1999.

Именно этот пункт и стал главным при очередном пересмотре Закона о Национальных банках. Это было сделано указом № 106, который вышел в свет 1 августа 9-го года Мэйдзи [1876 г.]¹⁵⁰. Наверное, с точки зрения ортодоксальных экономистов многие из принятых тогда мер казались совершенно неуместными, но в то время у нас просто не было иного выхода. С другой стороны, можно сказать, что именно эти меры и помогли в конце концов наладить в стране полноценное денежное обращение. Ведь в результате этого этапа реформы в Японии возникло 152 банка, так именно с этих мер берет свое начало полноценная банковская система.

Но выиграла от этого этапа реформ не только банки. Принятые тогда меры создали благоприятные условия для возникновения и расцвета многочисленных акционерных обществ, транспортных, страховых, строительных и других компаний. Так что, резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что банки сыграли немалую роль в развитии экономики Японии.

4.4. Инфляция бумажных денег и банковских банкнот и борьба с ней

Как я уже говорил, одной из задач Национальных банков было налаживание взаимобмена выпущенных правительством бумажных денег на золотую монету. Первоначально такой обмен планировалось наладить к 9-му году Мэйдзи [1876 г.], но вспыхнувшая годом позже Юго-Западная война¹⁵¹ заставила правительство напечатать огромное количество бумажных денег и, кроме того, выпустить для покрытия военных расходов заем на сумму в 15 миллионов иен. Большая часть этих бумаг не была обеспечена никакими активами. Как стало известно из Указа № 87, вышедшего в декабре 10-го года Мэйдзи [1877 г.], общий объем выпущенных тогда бумажных денег составил 27 миллионов иен.

Поскольку находившаяся в обращении денежная масса постоянно увеличивалась, то к 12-му году Мэйдзи [1879 г.] цены на товары в стране значительно выросли, причем этот рост охватил все: от предметов повседневного спроса до земельных участков. Это, конечно, никого не радовало. Одновременно сильно подорожал импорт, и чем ниже падала покупательная способность бумажных денег, тем дороже становились импортные товары. В конечном счете бумажные деньги обесценились до 50-60% от номинала. И здесь все - и ученые, и предприниматели - вдруг разом заговорили о том, что денежную систему нельзя бросать на произвол судьбы, что, может быть, нужно ввести ограничения на обмен валюты и тем решить эту большую для страны проблему...

Происходило это, напомню, в 13-14 годах Мэйдзи [1880-1881 гг.]. Кстати, были тогда и сторонники другой крайней точки зрения, которые полагали, что для того, чтобы обеспечить конвертируемость иены в золото, нужно взять золотой заем за границей. Имелись и сторонники более пассивного подхода к решению этой задачи, которые считали, что для того, чтобы сгладить дисбаланс между твердой валютой (золотом) и бумажными деньгами, нужно сократить выпуск последних, а для этого нужно всего лишь урезать государственные расходы.

Столкновение разных точек зрения на конвертируемость скоро переросло в большую проблему. Аргументы Окума, доводы Мацуката, точка зрения Иноуэ, соображения многих других ученых и предпринимателей противоречили друг другу и вызвали разнообразные дискуссии при дворе. По этой ли причине - не знаю, но зимой 14-го года Мэйдзи [1881 г.] Окума ушел в отставку, а ответственность за работу Министерства финансов была возложена на Мацуката. Точка зрения

---

¹⁵⁰ В 1876 г. с целью стимулирования развития частных банков Закон о Национальных банках был частично пересмотрен. Банкам было разрешено выпускать банкноты без золотого обеспечения в объеме депозита казначейства, который составлял теперь 80% их капитала. На волне этих послаблений возникло множество банков, большинство из которых были созданы бывшими феодалами на деньги, полученные в обмен на отказ от привилегий. Рост числа Национальных банков и объемов выпускавшихся ими банкнот подхлестнул инфляцию, и вплоть до прихода в 1881 г. к руководству Министерством финансов Мацуката положение в этой сфере оставалось весьма сложным. См.: История Японии, Т. II, с. 64. М., ИВ РАН, 1999.

¹⁵¹ Имеется в виду восстание самураев Сацума под руководством Сайго Такамори в 1877 г. Непосредственным поводом к выступлению послужили действия центрального правительства и его тогдашнего главы Окубо Тосимити, который направил в Кагосима, столицу Сацума, полицейских чиновников с тем, чтобы они взяли город под свой контроль. Требуя объяснения с Окубо, Сайго Такамори, фактический правитель Сацума, выдвинулся во главе 40-тысячной армии к г. Кумамото, но был разбит в первом же сражении и отступил к Кагосима. Началась осада города, в ходе которой Сайго был ранен и покончил с собой. См.: История Японии, Т. II, с. 84. М., ИВ РАН, 1999.

Мацуката на эту проблему состояла в том, что для уменьшения дисбаланса между золотом и ходящими по стране бумажными деньгами нужно просто меньше печатать этих последних. Соответственно, именно этот пассивный курс и был взят Министерством финансов. Мацуката предлагал также увеличить золотовалютные резервы за счет развития внешней торговли, но этот подход, конечно, никак не мог принести результатов в короткие сроки - дни или месяцы. Однако за несколько лет (а, точнее, за пять лет, если считать с 14-го года Мэйдзи [1881 г.]) с его помощью Национальным банкам удалось наладить обмен на золото сначала бумажных денег, а вслед за ними и правительственных ценных бумаг.

4.5. Создание Центрального банка. Национальные банки прекращают выпуск банкнот

Теперь необходимо остановиться на том, каким образом в истории банковского дела в Японии возник Центральный банк - нынешний Банк Японии («*Нихон гинко*»).

Собственно Банк Японии был основан в 15-ом году Мэйдзи [1882 г.], но его созданию предшествовал еще один шаг: в 13-ом году Мэйдзи [1880 г.] был основан Иокогамский инвалютный банк, специально предназначенный для работы с иностранной валютой. Однако Иокогамскому банку, который действовал в одиночку, до создания полноценной банковской системы так и не удалось наладить свою стабильную работу, и вскоре после открытия его развитие приостановилось. Дальнейшая судьба этого банка тоже изобиловала различными неприятностями, и в конце концов он оказался в положении, которое можно было назвать крайне опасным. Однако затем деятельность инвалютного банка получила значительную поддержку по двум причинам: во-первых, в 14-ом году Мэйдзи [1881 г.], когда Министерство финансов возглавил Мацуката, начался рост валютных поступлений от внешней торговли, а, во-вторых, в 15-ом году Мэйдзи [1882 г.] был основан новый мощный Банк Японии.

И здесь нам следует признать, что основание в свое время в Японии нескольких Национальных банков было не только серьезным шагом вперед, но и определенным заблуждением. Дело в том, что вся система Национальных банков была построена по американскому образцу и являлась децентрализованной, поэтому эти разрозненные банки не могли в полной мере контролировать денежное обращение по всей стране. Отсюда следовало, что в центре прежней системы нужно создать крупный и надежный банк - и тогда финансовое обращение естественным образом стабилизируется.

Ошибка при создании японской системы Национальных банков состояла в том, что был механически позаимствован опыт США, которые в то время представляли собой разрозненные территории со слабой центральной властью. Собственно, до последнего времени там вообще отсутствовал единый финансовый организм, и только в 4-ом году Тайсё [1915 г.] в США удалось ввести некоторую централизацию, создав Федеральный резервный банк.

В Японии же Центральный банк возник значительно раньше, так что если при создании системы Национальных банков Япония выступала в роли ученика Америки, то в деле создания централизованной финансовой системы ученик намного опередил своего наставника, сумев создать такую систему на 35 лет раньше. Думаю, что представители наших финансовых кругов заслуживают самых высоких похвал за свою решительность в этом вопросе...

Хочу еще раз подчеркнуть, что можно только приветствовать создание в свое время Национальных банков, с помощью которых удалось заложить основы современной финансовой системы страны. Но столь же четко следует признать, что без создания Центрального банка нам бы не удалось справиться с захлестнувшим страну половодьем ценных бумаг, выпущенных его предшественниками.

Согласно действовавшим тогда правилам, ценные бумаги, выпущенные Национальными банками, должны были находиться в обращении 20 лет. Первоначально предполагалось, что по истечении этого срока будет произведен новый выпуск ценных бумаг, которые, в свою очередь, тоже будут находиться в обращении 20 лет и т.д. Однако с основанием Центрального банка Национальные банки потеряли исключительное право распоряжаться своими ценными бумагами, что естественно, вызывало их озабоченность и недовольство. Неудивительно, что Министр финансов Мацуката отдавал много сил переговорам с руководством Национальных

банков. В конце концов было разработано компромиссное «Соглашение о мерах по погашению (обмену) ценных бумаг, выпущенных Национальными банками».

Суть этого Соглашения состояла в следующем. По истечении 20-летнего срока все Национальные банки теряют имевшееся у них до того момента право выпуска государственных ценных бумаг, то есть, попросту говоря, становятся обычными частными банками. Если за это время какой-либо из Национальных банков окажется близок к тому, чтобы прекратить свое существование, то государство не будет вмешиваться в этот процесс, в частности, не будет снова предоставлять ему право выпуска государственных ценных бумаг. Что же касается уже выпущенных Национальными банками ценных бумаг, то в течение всего срока их действия банки будут получать за них от государства определенную компенсацию, которая должна рассматриваться как прибыль.

Эта система, получившая название «компенсация за выпущенные ценные бумаги», оказалась весьма действенной, и хотя некоторые из существовавших тогда Национальных банков высказывали недовольство такими мерами правительства, считая их неэффективными, другие, как, например, наш Первый Национальный банк, быстро признали их необходимость и согласились с решениями властей. Так что будет правильным сказать, что разработанная тогда Министерством финансов процедура обмена ценных бумаг практически не вызвала возражений и была с удовлетворением встречена в финансовых кругах.

Итак, в 15-ом году Мэйдзи [1882 г.] в стране был основан новый банк, Банк Японии. Естественно, поначалу он не обладал значительной силой, однако благодаря вниманию со стороны финансового ведомства и усилиям сотрудников самого банка он постепенно окреп и приобрел значительное влияние. Спустя 8 лет после основания Банка Японии, в 1890 г., его возглавил господин Кавада Коитиро, который уделял большое внимание деятельности своего детища и прилагал значительные усилия для его развития. В частности, при Кавада было сооружено и нынешнее здание главной конторы банка. Надо сказать, что даже по меркам сегодняшнего дня деятельность банка в тот период выглядит совершенно безупречной и заслуживает самой высокой оценки.

Во время японо-китайской и русско-японской войн, когда экономика и финансовая сфера в стране были на подъеме, роль Банка Японии как Центрального банка резко возросла и остается таковой и в настоящее время. Но в этом, как мне кажется, уже нет больших заслуг отдельных лиц...

На протяжении почти 20 лет, с момента основания Первого Национального банка, банки в Японии действовали как частные финансовые структуры. Все они, начиная с того же Первого Национального, вопреки своим названиям, были не государственными, а частными. Впоследствии на базе банков-пионеров в стране возникло множество других банков: Банк Мицуи, Банк Ясуда, Банк Мицубиси. Но если в названии банка сохраняется числительное - Первый, Второй и т.п. - то это значит, что он вышел из категории Национальных. Все они, включая Первый Национальный, в своем развитии преодолели множество трудностей, но с того далекого времени и страна в целом, и японские компании ушли далеко вперед, а вместе с ними получили свое развитие и банки, которые сегодня действительно отвечают всем велениям нашего времени.

4.6. Инвалютный банк Иокогамы и другие специальные банки

Теперь я хочу рассказать об Инвалютном банке Иокогамы («*Йокохама сёкин гинко*»). Я достаточно хорошо осведомлен о его первых шагах, но меньше знаю о дальнейшей судьбе этого банка, хотя, конечно, нельзя сказать, что мне о ней совершенно ничего не известно...

Главной проблемой первого периода деятельности Инвалютного банка Иокогамы было отсутствие у его сотрудников опыта работы. В результате банк даже некоторое время находился на грани банкротства. Однако с 15-го года Мэйдзи [1882 г.], когда был основан Банк Японии и правительство стало уделять больше внимания отношениям с зарубежными странами, больше внимания стало доставаться и Инвалютному банку, как раз и предназначенному для того, чтобы аккумулировать валютные средства, необходимые для развития внешней торговли. Прогрессу в этом деле способствовала и деятельность Банка Японии, который оказывал Инвалютному банку

большую помощь. В результате активы Инвалютного банка заметно выросли, а сфера деятельности - расширилась. Осуществляя строгий надзор за расходованием средств, согласовывая с Банком Японии свою политику внутри страны (а Банк Японии за этим строго следил), сотрудничая с предприятиями за рубежом, Инвалютный банк постоянно совершенствовал свою работу и наращивал активы, пока не достиг своего нынешнего благосостояния.

Иными словами, можно сказать, что Инвалютный банк своим нынешним процветанием обязан не только своим собственным усилиям, но и прогрессу всей нашей страны.

Банк Японии и Инвалютный банк Июкогамы представляют собой не обычные, а специальные банки. Кроме них, правительство в разное время основало и другие специальные банки, среди них - Японский ипотечный банк («*Нихон кангё гинко*»), который начал свою работу в августе 30-го года Мэйдзи [1897 г.] и вкладывает средства, главным образом, в развитие сельского хозяйства. Кредитованием промышленности занимается Промышленный банк Японии (начал работу в мае 35-го года Мэйдзи [1902 г.]). В развитие Тайваня вкладывает капиталы Тайваньский банк («*Тайван гинко*», заработал в сентябре 32-го года Мэйдзи [1899 г.]), в развитие Кореи - Корейский банк (он был создан в апреле 33-го года Мэйдзи [1890 г.] как Банк Кореи («*Канкоку гинко*»), но в марте 44-го года Мэйдзи [1911 г.] переименован в Корейский банк, «*Тёсэн гинко*»), в Хоккайдо - Банк колонизации Хоккайдо («*Хоккайдо такусёку гинко*», апрель 33-го года Мэйдзи [1900 г.]). Все эти специализированные банки были основаны по прямому указанию правительства, но если, скажем, Ипотечный банк занимается только сельским хозяйством, то Промышленный банк промышленности поддерживает не только производственные предприятия, но и горнодобывающую промышленность, а также предприятия за рубежом. Тайваньский банк через сеть своих филиалов связан с разнообразными промышленными предприятиями Тайваня. Корейский банк помогает развитию предприятий в Корее и Маньчжурии. Банк колонизации Хоккайдо, естественно, имеет дело, в основном, с проблемами этого острова. Однако Корейский банк, Тайваньский банк, Банк колонизации Хоккайдо и другие свободно действуют и в других областях. Так, Тайваньский банк основал свое отделение в Токио, а Корейский - еще и в Осака.

Хочу немного подробнее остановиться на деятельности Корейского банка. До 42-го года Мэйдзи [1909 г.] в Корее почти тридцать лет действовали отделения Первого Национального банка, однако затем наш банк начал сворачивать там свою деятельность. За время присутствия банка на Корейском полуострове прошли японо-китайская и русско-японские войны, произошли большие политические перемены в самой Корее¹⁵². В результате возникла необходимость сделать первые шаги на пути создания в Корее современной финансовой системы. Корейскому правительству был предоставлен заем, после русско-японской войны в стране открылись отделения крупных японских банков и, в итоге, создан Центральный банк. Произошло это в тот момент, когда политическим советником в Корее был барон Мэгата. При поддержке японского Первого Национального банка в Корее была полностью модернизирована вся система денежного обращения, в частности, в качестве номинала для корейских денег был установлен *сэн*. В течение долгого времени Первый банк фактически работал как Центральный банк Кореи, а после того, как выпустил в обращение новые бумажные деньги, превратился в почти что полноценный Центральный банк Кореи.

Однако ныне покойный Ито Хиробуми во время своей инспекционной поездки в Корею в 41-ом году Мэйдзи [1908 г.] пришел к выводу, что для Кореи явно недостаточно в качестве Центрального банка иметь отделение японского банка. Ито решил создать новую финансовую организацию и разместить ее руководящие органы непосредственно в Корее. Но что лучше: просто перенести в Корею головную контору Первого Национального банка или основать там

152 Стремясь в полной мере воспользоваться плодами победы в русско-японской войне 1904-1905 гг., Япония сразу после ее окончания начала поэтапную аннексию Кореи. В ноябре 1905 г. был подписан японо-корейский договор об установлении японского протектората над Кореей. В феврале 1906 г. японское правительство учредило в Сеуле должность Генерального резидента (*токан*), который был уполномочен вмешиваться во внутренние дела Кореи и в случае необходимости применять военную силу (японские войска в Корее). Первым Генеральным резидентом стал Ито Хиробуми (вскоре после ухода с этого поста в 1909 г. он был убит в Харбине корейским патриотом). 29 августа 1910 г. был опубликован новый японо-корейский договор, согласно которому корейский король «полностью и на вечные времена» передавал японскому императору свои суверенные права. Корея перестала существовать как независимая страна, на ее месте возникла японская колония - Корейское генерал-губернаторство («*Тёсэн сотокуфу*»). Эта ситуация сохранялась до 1945 г.

отдельный крупный банк? В ходе той же поездки Ито убедился в том, что перевод главной конторы Первого банка в Корею не имеет смысла и склонился ко второму варианту. Так был основан новый Банк Кореи (потом его переименовали в Корейский банк, «Тёсэн гинко»), под управление которого попали все существовавшие в то время в Корее отделения Первого Национального банка.

Из вышеизложенного ясно видно, что в эпоху Мэйдзи в Японии довольно быстро возникла целая система банков, во главе с Банком Японии, который выполнял функции Центрального банка. К Банку Японии примыкали специальные банки, прежде всего - Инвалютный банк Иокогамы и другие организации, действовавшие в отведенных для них финансовых сферах. У обычных банков были центральные конторы в крупных городах и множество отделений в мелких населенных пунктах.

Главным координатором деятельности всех этих учреждений выступал, как уже говорилось, Банк Японии, который при необходимости мог быстро оказать финансовую помощь тому или иному банку. Когда же нужду в финансовых средствах испытывал некий регион Японии, то для помощи привлекались как региональные, так и более крупные банки. Так, например, если остро нуждалась в средствах префектура Мияги, то ей оказывал помощь Первый банк; если не хватало капиталов в районе Тюоку, то туда спешил Банк Мицуи; банк Мицубиси вкладывал средства в развитие острова Кюсю и т.п.

Когда же возникала необходимость в выпуске правительственных ценных бумаг, то банкиры из Токио, Осака и других городов Японии собирались вместе и на основе указаний Центрального банка определяли для себя сферы ответственности в решении этой задачи.

Конечно, работа Банка Японии строилась по-разному: иногда активность его буквально бурлила, а иногда еле теплилась. Но, как мне представляется, уже то обстоятельство, что банк сумел достичь сегодняшнего благополучия, свидетельствует о том, что в целом он всегда предпринимал правильные шаги для преодоления долговременных трудностей и решения различных проблем, возникавших на его пути.

4.7. Развитие системы обмена переводных векселей (тратт)

Я уже подробно рассказывал о том, каким образом формировалась в Японии банковская система. Теперь хочу коснуться одной из особенностей банковской деятельности. К ним относится работа с переводными векселями (траттами), в частности, с валютными траттами, различными долговыми обязательствами и т.п. Поначалу эти операции банками почти не производились по той причине, что там просто не было людей, которые имели бы представление об этих материях. Только к 8-му году Мэйдзи [1875 г.] мы в Первом Национальном банке с помощью европейцев изучили правила проведения таких операций, приспособили их к японским условиям, мало-помалу заинтересовали такими операциями клиентуру и, в конце концов, постепенно приступили к их осуществлению на практике. По мере развития этих операций у нас стали возникать обменные пункты для этих тратт - своего рода кредитные (клиринговые) биржи, которые, кстати говоря, переживают сейчас подлинный расцвет. У этого расцвета есть своя история, но она, на мой взгляд, не очень содержательна, поэтому я на ней останавливаться. Хочу только отметить, что историю этих кредитных бирж следует рассматривать в неразрывной связи с историей становления и развития японских банков.

5. РАЗВИТИЕ АКЦИОНЕРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

5.1. Производство бумаги

Я уже рассказывал о деятельности паевых, или акционерных, компаний, но пока только в связи с деятельностью банков; о других акционерных компаниях речи не было. Между тем первое в Японии акционерное предприятие, как, впрочем, и Первый Национальный банк, возникло неподалеку от моего тогдашнего места жительства в Токио. Фирма эта называлась

«Бумагоделательная компания «Одзи» («*Одзи сэиси кайся*») и была основана тремя торговыми домами «*Мицуи*», «*Оно*» и «*Симада*». Группа «*Симада*», о которой я прежде не говорил, была несравненно слабее двух других, однако именно она обслуживала тогда финансовые интересы правительства. Представители этих групп и решили вместе с первым банком основать и первую промышленную компанию...

Я давно говорил о необходимости наладить в стране промышленное производство бумаги европейского типа, считая это начинание в высшей степени перспективным, потому что, как мне казалось, прогресс в области культуры должен неизбежно сопровождаться расцветом книгоиздания и книгопечатания. А современную полиграфию невозможно развивать, если по-прежнему продолжать пользоваться японской бумагой, так что без перехода на европейскую бумагу в Японии просто никогда не будет умело сделанной, современной, яркой печатной продукции. Иными словами, было достаточно очевидно, что создание бумагоделательных фабрик самым непосредственным образом связано с общим прогрессом Японии в области культуры. Вот почему я, еще будучи на службе в Министерстве финансов, неоднократно подчеркивал, что нужно приложить все силы для того, чтобы наладить в стране производство европейских сортов бумаги.

Все эти усилия, в конце концов, и привели к созданию первого в стране предприятия по производству бумаги, причем основано оно было именно как паевое, то есть акционерное, предприятие. Впоследствии, претерпев множество изменений, это предприятие выросло в крупную компанию, которая стабильно работает и приносит значительную прибыль. Причем, насколько я понимаю, компании удалось достичь нынешних успехов только потому, что оставаясь бумагоделательной, она постоянно модернизирует свое производство. Так, вначале в качестве сырья использовалась хлопковая ветошь, затем они стали применять рисовые высевки, а после очередной модернизации - древесную щепу. Впрочем, из ветоши они тоже до сих пор производят и высококачественную бумагу, и писчебумажные товары. Важно, что сейчас, когда экономические условия, породившие компанию «Одзи», полностью изменились, она не стоит на месте и стремится идти в ногу с прогрессом: так, если раньше машины у них работали на паре, получаемом в результате сжигания каменного угля, то теперь используется гидроэнергия...

5.2. Страховая деятельность

Следующая акционерная компания, о которой я хочу рассказать, была основана в Токио в 12-ом году Мэйдзи [1879 г.] и называлась «Токийская компания по страхованию морских перевозок («*Токё кайдзё хокэн кайся*»). Сейчас это гигантская страховая компания, влияние которой простирается вплоть до столицы Англии Лондона, а уж в Японии в области страхования морских судов она - неоспоримый лидер. «*Токё кайдзё хокэн кайся*» также была основана банками и поначалу получала прибыль от обязательного страхования морских грузоперевозок между различными районами Японии. Механизм получения прибыли был связан с использованием *никавасэ* - тратт, обеспеченных документами на отгруженный товар.

Поясню на примере. Допустим, некто задумал купить рис в префектуре Акита. Для поездки в Акита ему нужны средства, которые он берет в долг под залог того же риса. Когда рис погружен в Акита на судно, и судно вышло в Токио, владельцу груза и выписывается переводной вексель, который называется *никавасэ*. Но, заметьте, что в его цену нужно обязательно включать и стоимость страховки: ведь если при перевозке груза морем он будет поврежден, то финансист, вложивший свои деньги в эту сделку, понесет убытки.

Отсюда можно сделать два вывода: во-первых, что страхование морских перевозок является при ведении дел в Японии жизненно необходимым, а, во-вторых, что финансисты должны учитывать стоимость страховки при выдаче переводного векселя *никавасэ*. Осуществление последней операции и берет на себя особое лицо - страховщик, или страховая компания.

При создании первой страховой компании в Японии было много сомнений. Дело в том, что страховая деятельность по природе своей сопряжена с риском: ведь в каждом отдельном случае неизвестно, удастся получить от страховой сделки прибыль или нет. Поэтому прежде, чем обратиться к богатым купеческим семействам с предложением собрать капитал для начала деятельности страховой компании, я долго вел переговоры с представителями «*Мицубиси*» -

ведущей компании в области морских перевозок, и только после многосторонних консультаций и переговоров мы в 12-ом году Мэйдзи [1879 г.], наконец, основали такую компанию.

Вслед за нашей была создана компания по страхованию жизни «Мэйдзи» («*Мэйдзи сэймэй хокэн кайся*»). Ее основал господин Абэ Тайдзо, которого, стало быть, также можно считать одним из зачинателей страхового дела в Японии. Потом стали появляться компании, страховавшие от пожаров, несчастных случаев и т.п. Но, подчеркиваю, подлинным пионером страхового бизнеса в Японии была именно наша компания по страхованию морских перевозок, основанная в 12-ом году Мэйдзи [1879 г.].

5.3. Биржи

Теперь об истории бирж. Естественно, с созданием банковской системы, выпуском ценных бумаг и облигаций должен был начаться их взаимный обмен. Среди выпущенных тогда многочисленных бумаг были и такие, которые мы сегодня называем «ценные бумаги». Сегодня они - основа деятельности любой акционерной компании, но тогда они почти не выпускались, потому что не было лиц, которые бы ими хотели торговать. Еще одна причина - отсутствовало законодательство о торговле облигациями и акциями компаний. Я уж не говорю о том, что не было людей, которые были бы готовы вложить в такую торговлю свои деньги.

Однако вскоре необходимость в торговле ценными бумагами возникла, и в том же 12-ом году Мэйдзи [1879 г.] я и еще человек 12-13, объединившись, обратились в Министерство финансов за разрешением на создание организации, которую сегодня называют фондовой биржей. В момент основания это была маленькая, совсем крошечная организация, но сейчас она представляет собой огромную разветвленную структуру.

5.4. Хлопкопрядильное производство

Продолжая рассказ о промышленных акционерных предприятиях, нельзя не упомянуть о первом хлопкопрядильном производстве, которое на долгие годы указало направление развития всей японской промышленности. Сегодня это огромное предприятие, капитал которого исчисляется цифрами со многими нулями. А начиналось оно как скромная «Осакская хлопкопрядильная фабрика» («*Осака босэки*»), которая была основана при моем участии в 13-ом году Мэйдзи [1880 г.]. В 19-ом году Мэйдзи [1886 г.] в местечке Сандзю мне удалось основать еще одно прядильное производство - компанию «*Сандзю босэки*», которая сегодня входит в число двух ведущих хлопкопрядильных компаний Японии. В Токио и Осака возникло и множество других хлопкопрядильных производств, таких, например, как «*Канэгафутти босэки*» или «*Фудзи босэки*», но я рассказываю о первых шагах этой отрасли и не так много знаю о компаниях, основанных позднее и другими людьми. А вот первые шаги хлопкопрядения были именно такими, как я упомянул.

5.5. Морские перевозки

Следует также сказать несколько слов о морских перевозках. После того, как в 4-ом году Мэйдзи [1871 г.] были упразднены самурайские кланы и созданы префектуры, имевшиеся в некоторых кланах современные суда были переданы правительству. По предложению Министерства финансов из этих судов была создана «Почтово-пароходная компания» («*Юсэн сёкисэн кайся*»), которая фактически действовала под эгидой правительства. Чуть раньше компания «*Мицубиси*» (а фактически господин Ивасаки Ятаро) основала собственное Агентство морских перевозок, в котором, правда, была лишь пара-тройка судов. Две эти почти одновременно возникшие компании сразу же вступили в острую конкурентную борьбу. Ивасаки оказался в этой борьбе более находчивым, а его подчиненные - более расторопными. Так, когда на 7-ом году Мэйдзи [1874 г.] произошел известный инцидент на Тайване и правительство решило направить туда большой воинский контингент, то этот заказ выполнила именно фирма «*Мицубиси*». Причем, что интересно, заказ этот поступил в обе конкурирующие фирмы одновременно, но «Почтово-пароходная компания» промешкала с его выполнением, и в результате он достался конкуренту.

Словом, «*Мицубиси*» оказалась расторопнее, и, естественно, после этого на нее просто посыпались новые правительственные заказы. В дальнейшем деятельность этой компании становилась все более активной, при поддержке правительства она получила возможность осуществлять перевозки на американских линиях, словом, в деле морских перевозок взойшла звезда «*Мицубиси*».

У многих деловых людей особые отношения «*Мицубиси*» с правительством и получаемые компанией преференции стали вызывать раздражение и зависть, и в один прекрасный день все это вылилось в создание в противовес «*Мицубиси*» новой «Объединенной компании морских перевозок» («*Кёдо унрин кайся*»). Я поддержал создание «*Кёдо унрин*» - иными словами, тоже выступил против «*Мицубиси*».

Таким образом, в области морских перевозок силы промышленников тратились не только на обычную конкурентную борьбу, но и на совершенно бесполезное противостояние. С позиций сегодняшнего дня это противоречие может показаться достаточно смешным, но хочу сказать, что оно не было деланно-политическим, как у нынешних *Сэйюкай* и *Кэнсэйкай*.¹⁵³ Напротив, это была ожесточеннейшая конкурентная борьба, конец которой был положен только в 18-ом году Мэйдзи [1885 г.] стараниями того же Ито Хиробуми: в результате консультаций между членами правительства было принято решение о слиянии двух противоборствующих компаний в нынешнюю «Японскую почтово-пароходную компанию» («*Ниппон юсэн кайся*»).

В настоящее время «*Ниппон юсэн*» превратилась в огромную и стабильно работающую компанию, которая приносит колоссальные прибыли. Она регулярно выполняет правительственные заказы и постоянно расширяет сферу своей деятельности, открывая новые маршруты в страны Европы и Америки. Компания также участвовала в перевозках во время японо-китайской и русско-японской войн.

Кроме того, в Осака и Кобэ осталось множество судовладельцев, не объединенных в пароходные компании. Дела у них идут неровно: иногда они испытывают большие трудности, иногда вдруг получают невиданные прибыли - но такова уж, видно, судьба перевозчика...

Вслед за «*Ниппон юсэн*» под патронажем правительства возникла еще одна компания, «Осацкие торговые суда» («*Осака сёсэн*»), которая быстро набрала силу, поскольку получила несколько крупных правительственных заказов на перевозки в Америку, на Тайвань и в Китай. Другая - Восточная пароходная компания («*Тоё кисэн кайся*») имеет заказ на перевозки в Сан-Франциско и порты Южной Америки. Существуют также «Японо-китайская пароходная компания» («*Ниссэй кисэн кайся*»), которая занимается перевозками на материковый Китай и также выполняет правительственные заказы.

Для поощрения строительства судов и налаживания судоходства в Японии были приняты соответствующие законы, оказавшие немалую помощь в развитии этих отраслей. Однако для того, чтобы морское дело в Японии действительно пошло на лад и стало приносить огромные прибыли, потребовались огромные усилия его непосредственных организаторов. Кстати сказать, большие прибыли, которые сегодня получает компания «*Ниппон юсэн*», вызывают в последнее время серьезное беспокойство у ее акционеров. Почему? Обычно акционеры выражают недовольство низкими прибылями, но вот высокими... В чем тут дело? А дело в том, что акционеры не могут понять, откуда берутся такие высокие прибыли, и это их настораживает. Думаю, руководству компании нужно изыскать способы погасить это беспокойство акционеров.

5.6. Наземный транспорт

Выше я коснулся прогресса в области морских перевозок. Что же до наземного транспорта, то он начал свое бурное развитие только после окончания в 28-ом году Мэйдзи [1895 г.] японо-китайской войны.

Еще раньше, в 13-ом году Мэйдзи [1880 г.] была основана компания «Японские железные дороги» («*Ниппон тэцудо кайся*»). Некоторое время она испытывала серьезные серьезные

---

¹⁵³ «*Сэйюкай*» («Общество политических друзей») и «*Кэнсэйкай*» («Общество конституционной политики») - политические партии, активно действовавшие в 1910-х гг.

трудности, но в дальнейшем благодаря поддержке правительства стала быстро развиваться. Кроме нее, в стране действовали и другие железнодорожные компании, такие, как «Санъё тэцудо», «Кюсю тэцудо», «Хоккайдо тэцудо», «Хокуэцу тэцудо» («Хоккайдо-Ниигата»), «Ганъэцу тэцудо» («Иватэ-Ниигата»), «Сангу тэцудо» («Микава-Мияги»)... - всех, конечно, не упомянуть, но к созданию вышеупомянутых компаний я в той или иной степени был причастен.

Кроме того, в Корее действовали железные дороги «Кэйфу» («Сеул-Пусан»), «Кэйнин» («Сеул-Ильчхон [Чемульпо]»), которые также получили свое развитие после японо-китайской войны.

В 39-ом году Мэйдзи [1906 г.] большинство японских железных дорог были выкуплены правительством и стали государственными, а те, что продолжают действовать как частные, настолько незначительны, что не заслуживают внимания. Теперь все железные дороги страны находятся в подчинении Управления железных дорог. Иными словами, население у нас не получает никаких выгод ни от самих перевозок, ни от отчислений с прибылей. Кое-где уже раздаются голоса, требующие прекращения пассажирских и грузовых перевозок на ряде линий. И это крайне прискорбно.

7. Трудности создания акционерных компаний

Как я уже говорил, число акционерных компаний в Японии год от года возрастает. Если подсчитать, сколько компаний сейчас действует в различных отраслях промышленности, в торговле, на транспорте, в страховом и складском деле и оценить их совокупный капитал, то мы увидим колоссальный рост по сравнению с начальными цифрами.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на бурный успех той или иной компании, почти все они на начальном этапе испытывали большие колебания в своем развитии. В этом я смог убедиться и на личном примере, когда активно занимался созданием хлопкопрядильной фабрики, страховой фирмы, бумажной фабрики, компании по производству удобрений и т.п. Иногда приходилось жертвовать и собственным имуществом, и собственными средствами...

Это сейчас считается, что компания работает хорошо, если она приносит прибыль, а в те времена люди вкладывали капиталы в неизвестные предприятия, совершенно не представляя, как пойдут дела, и не рассчитывая на то, что им удастся что-то получить взамен. А те, кто был заинтересован в успехе начинания, буквально костями ложились, работая на благо своего предприятия и игнорируя всяческие сплетни и кривотолки.

Но были и другие примеры. В начале периода Мэйдзи в Министерстве финансов было организовано так называемое Управление торговли, которое по указаниям правительства создавало организации, напоминающие сегодняшние акционерные компании. Среди них были компании, занимавшиеся освоением новых земель, морскими перевозками, торговлей и т.п. Точно не знаю, кто возглавлял эту работу (я в то время еще не работал в Министерстве финансов), но думаю, что с этим начинанием были как-то связаны и Окума, и Ито.

Так вот, создавая новые компании, Министерство обычно ставило во главе их людей, совершенно не представлявших себе положения дел в отрасли. Равным образом их подчиненные совершенно не представляли особенностей работы и шли на нее только потому, что таково было решение правительства. В результате ни руководители, ни их подчиненные не знали, как именно нужно работать, что делать. Естественно, все такие компании в течение года прекратили свое существование, обрушившись, как стоящие рядом костяшки японских шахмат *сёги*. И правительство, и акционеры, вложившие в компанию свои средства, понесли огромные убытки, а людям было привито стойкое отвращение к слову «компания» как к чему-то непонятному и страшному.

Когда я пришел в Министерство финансов, то быстро сообразил, что такая практика является порочной. И с той поры мы уже не основывали ни банка, ни, скажем, компании по производству бумаги без создания полной базы для будущей деятельности и назначения знающих руководителей и толковых подчиненных. Словом, теперь мы продумывали все самым скрупулезным образом, но прошлые опасения были столь велики, что число людей, готовых вложить свои капиталы в новое дело, резко уменьшилось. Так что основать компанию в то время было весьма и весьма непросто...

К тому же многие из основанных нами компаний, скажем, «Осака босэки», действительно столкнулись в 13-ом году Мэйдзи [1880 г.] с большими трудностями. Это сейчас компания получает баснословные прибыли, а тогда мы буквально уговаривали купцов, занимавшихся импортом пряжи, вложить в нее хоть какие-то средства. Так же обстояло дело и с организацией страховых компаний. О компании по производству бумаги, которую по решению правительства основали торговые дома «Мицуи», «Оно» и «Симада», я уже говорил...

С тех пор, как я стал банкиром, меня не покидает уверенность в том, что для того, чтобы успешно завершить преобразования в японской экономике, нужно обязательно организовывать в промышленности и торговле акционерные компании - без этого стране не удастся добиться подлинного роста. Именно поэтому всю свою жизнь я без устали занимаюсь созданием не только банков, но и самых разных акционерных компаний, привлекая для этого заемные или свои собственные средства.

Как это произошло? А очень просто: сначала я создал одну компанию, потом - вторую, третью... Их число постоянно росло и в конце концов достигло 40. Что мне оставалось делать? Я стал вести дела всех моих 40 компаний одновременно. Да, надо мной издевались, надо мной смеялись, но я продолжал все делать для того, чтобы новорожденные предприятия становились на ноги, чтобы они не только не прекращали свою деятельность, но, напротив, работали бы все лучше и лучше.

Только к 42-му году Мэйдзи [1909 г.] я постепенно отошел от этих дел и с сожалением порвал связи со своими предприятиями, оставив за собой только работу в Первом банке. А в прошлом году я ушел и из него, так что теперь, как говорится, полностью отдался тишине и покою...

От 6-го года Мэйдзи [1873 г.] до 5-го года Тайсё [1916 г.] прошло, согласитесь, немало лет. Срок этот человеку даже мысленно охватить трудно. И все это время я занимался созданием самых разных компаний. Пусть эта работа вызывала зависть и злословье - мне думается, что она не была бесполезной.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я вкратце рассказал о развитии японской экономики начиная с Реставрации Мэйдзи и заканчивая сегодняшним днем. Естественно, в различных областях экономики происходили самые разные события, но мне кажется, что общая канва этих событий была именно такой, о которой шла речь. Конечно, нужно учитывать и то, что я, в основном, рассказывал о том, что происходило в Токио, не затрагивая событий, которые имели место в других районах Японии - просто потому, что токийские события обычно сильнее других бросаются в глаза, да и потому, что я был причастен к этим событиям и лучше их помню. Само собой, в провинции тоже создавались разнообразные предприятия, происходили реформы и перемены, но о них я знаю недостаточно, и потому хотел бы отложить эту тему для других бесед. Повторяю: не потому, что ничего о них не знаю, а просто из-за того, что, по-моему мнению, этих знаний недостаточно для выступления.

Во всяком случае, я надеюсь, что мой сегодняшний рассказ не очень сильно исказил суть происшедшего...

Есть, конечно, определенная опасность, что из моего рассказа слушатели узнают только о моих собственных успехах, только о том, что касается меня. Но я действительно хотел больше рассказать о своей жизни, и потому вокруг нее и строил свою беседу. А в жизни моей было многое: и создание финансовой системы со всеми ее недочетами и недостатками, и формирование в 9-ом году Мэйдзи [1876 г.] системы обмена правительственных и банковских ценных бумаг, и выпуск облигаций займа для капитализации пенсий самураям, и последующее реформирование системы таких выплат, и создание Банка Японии, и содействие в организации Инвалютного банка Иокогамы, и выпуск бумаг Центрального банка, который, правда, с годами уменьшился в размерах и стал частным...

Все эти и многие другие преобразования нам удалось осуществить стараниями людей из политического руководства страны. Мне кажется, именно благодаря уму и знаниям наших

мудрецов идет прогресс в самых разных областях жизни. Но у этого процесса есть и другие причины. И, думаю, важнее всего другого - общее поступательное движение общества. Если бы не было усилий всего общества, то мы никогда бы не добились столь впечатляющих результатов - как бы ни была хороша система управления, сколь бы живо и расторопно ни работали бы отдельные люди, какие бы ни возникали компании и банки, сколь бы ни был влиятелен Банк Японии.

Размышляя над причинами прогресса, приходишь к выводу, что один человек, конечно, может внести определенный вклад в развитие общества своей работой, своими знаниями и талантами, хорошо выполняя часть общей работы. Но обществом в целом, думаю, движет все же другое.

Позволю себе такое сравнение. Если человек совершает утренние и вечерние прогулки, хорошо питается и принимает необходимые для здоровья снадобья, то его организм получает заметное подспорье для развития. Но если человек будет в своей жизни рассчитывать только на эти препараты и на указания врача, то он вряд ли сможет выжить. Организм - это совокупность разных органов. Так что и за наше сегодняшнее процветание мы должны благодарить не отдельных людей, а все общество в целом.